

ГУК Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»
Администрация Заларинского района Иркутской области

**ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХИТЕКТУРА
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ СЕЛ
ПЕРИОДА СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ**

*Материалы научно-практической конференции
3 июля 2008 г.,
пос. Залари Иркутской области*

УДК 957:39(571.5)(06)
ББК 63.5(2Рос)
И 90

Печатается по решению Ученого совета
ГУК Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

Ответственный редактор — канд. ист. наук Ю.П. Лыхин

И 90 История, этнография, архитектура переселенческих сел периода столыпинской реформы: материалы научно-практической конференции 3 июля 2008 г., пос. Залари Иркутской области. Иркутск, 2011. 164 с.

ISBN 978-5-91344-145-4

В сборнике представлены материалы научно-практической конференции, проводившейся в пос. Залари Иркутской области 3 июля 2008 г. Книга предназначена для историков, преподавателей и студентов вузов, а также для всех интересующихся историей Иркутской области и Восточной Сибири.

УДК 957:39(571.5)(06)
ББК 63.5(2Рос)

ISBN 978-5-91344-145-4

© ГУК АЭМ «Тальцы», 2011

Юрий Александрович ПЕТРУШИН,
доктор исторических наук, профессор
Иркутского государственного университета

УЧАСТОК КУНДУЙ КАК ТИПИЧНЫЙ ОБЪЕКТ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СИБИРЬ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)*

Осмысление переселенческой истории России в современных условиях актуально как с теоретических, так и с практических позиций. Важно осознать пройденный предшествующими поколениями путь построения российской государственности, понять процесс расширения территории, духовного скрепления России. Сибирь для власти представляла особый регион. Отсюда понятно стремление заселить стратегически важные территории: притрактовые полосы, пограничные районы и т. п. При этом учитывался главный принцип — закрепить территорию с помощью крестьян-пахарей. Там, где пройдет плуг пахаря — значит эта территория русская. Крестьянин рассматривался как эффективный проводник политики и ментальности российского государства в Сибири. По мысли П.А. Столыпина, путем переселения крестьяне станут рельсами державного могущества России. С этой точки зрения представляется злободневным обратиться к истории образования переселенческих участков на территории Иркутской области конца XIX – начала XX в. на примере с. Кундуй. На этом, казалось бы, частном материале отчетливо прослеживается макроуровневая политика России по переселению в Сибирь, ее характерные черты и особенности, позволяющие нам составить широкую научную картину данного явления в отечественной истории.

История нашего сибирского села Кундуй неразрывно переплетена с историей России. Она берет свое начало в конце XIX в. и связана с переселенческой политикой в Сибирь. Наши предки, российские крестьяне, были вовлечены в круговорот крупных событий, связанных с решением аграрного вопроса. В поисках свободных земель, лучшей доли они и решались на переселение в далекий, неведомый край. В Сибири они рассчитывали избавиться от кабального помещичьего землевладения и найти свободные пригодные для обработки и пропитания своих семей земли.

Первые переселенцы Кундуя, прежде жившие в Орловской, Черниговской губерниях, имели в центральной России небольшие наделы. На душу мужского пола в этих губерниях приходилось в среднем от 2 до 5 десятин земли, в Полтавской губернии еще меньше, от 1,6 до 4 десятин. Многие крестьяне арендовали землю у помещиков. Аренда стоила от 11 до 15 р. за десятину, деньги по тем временам для крестьян немалые (1). С ростом насе-

* Статья подготовлена на основе книги автора «Земля кундуйская: исторический очерк». Иркутск, 2006.

ления наделы дробились и уменьшались. Даже официальные опросы, проводимые властями центральных губерний России в конце XIX в., указывали на причины бедственного положения крестьян. Опрашиваемые люди сообщали: «Тяжко от безземелья, жить не причем, земли мало стало, кола вырубить негде, утеснение скотине» (2). Чтобы снять политическое напряжение, власти информировали крестьян Европейской России о наличии больших территорий свободных земель в Сибири. Среди крестьян постоянно заходили разговоры о неведомой богатой сибирской стороне. Все чаще звучало мнение: нужно идти за людьми в Сибирь, чтобы работать на себя (3).

С конца XIX в. для крестьян-переселенцев начинают издаваться популярные памятные книжки и брошюры. В них говорилось, что в Сибири организованные переселенцы могут получить земельный надел до 15 десятин на душу мужского пола. Они на первые 5 лет будут освобождены от уплаты оброчной государственной подати, а в следующие 5 лет — платить ее в половинном размере. Переселенцы освобождались и от воинской повинности сроком до 4 лет. Такие условия вполне устраивали крестьян. В Сибирь потянулись «неорганизованные» переселенцы из центральных губерний России.

В 1896 г. в России было создано Переселенческое управление, сначала при МВД, затем при Главном управлении землеустройства и земледелия. На него возлагалась вся организация переселения крестьян в Сибирь. В Иркутской губернии были образованы соответственно переселенческие пункты, которые принимали прибывших переселенцев и направляли их к местам водворения. Вопросами переселения на наш участок Кундуй ведал заведующий Куйтунским подрайоном, подчинявшийся губернскому Переселенческому управлению в Иркутске.

Строительство сибирской железной дороги существенно увеличивало приток переселенцев. Активнее развернулся процесс изыскания и образования новых переселенческих участков. Переселенческое управление создавало специальные партии, производившие межевание заселенных, а также свободных земель для образования новых участков. Материалы обследования этих изыскательских партий публиковались в виде специальных отчетов. В одном из таких документов мы встречаем первые данные об образовании нашего села. Он назывался «Отчет о работе по образованию из казенных земель переселенческих и запасных участков. Обследование не заселенных лесных пространств в Иркутской губернии за 1896 год». Документ был составлен по итогам работы Иркутской особой партии по образованию участков вдоль линии Сибирской железной дороги и издан в Иркутске в 1897 г. В нем сказано, что специальная изыскательская партия была сформирована весной 1896 г., прибыла в Куйтунскую волость и работала здесь до глубокой осени. Она осуществляла обход и межевание земель, проектировала новые участки. В приложении к отчету партии представлен список участков, образованных в Нижнеудинском округе в 1896 г. В Куйтунской волости под № 28 значился участок Кундуйский по речке Или,

выше казачьих станиц. Удобной земли под участок было отведено 4 000,15 десятины, неудобной — 17 десятин. Всего — 4 017,15 десятины на 258 душ мужского пола из расчета по 15 десятин на каждого мужчину, из них 147 десятин оставалось в запас под рост населения (4).

Расстояние от Кундуй до волостного центра (с. Куйтун) составляло 18 верст. До уездного города Нижнеудинска было 174, а до Иркутска — 318 верст. Эти данные впервые были опубликованы в «Памятной книжке Иркутской губернии за 1901 г.» (5). Кундуй соседствовал с такими же вновь образованными участками, это Каразей, Амур, Таган, Чеботариха.

Земли участка Кундуй были расположены на территории Куйтунской лесостепи. Здесь были хорошие черноземы. Это позволяло рассчитывать на добротные урожаи зерновых и трав (6). Вдоль речки Или, ближе к Саянским горам, было больше болотистых почв. В этих местах было много так называемых неудобий, где в основном были кочки, росли ива, осока.

Во время изыскательской работы землеустроительной партии приходилось именовать новые участки. В этом принимали участие старожилы, сами землеустроители, чиновники переселенческого комитета. Усердствовали кто во что горазд. Часть названий отражала местоположение участка, какие-то его достопримечательности. Так появились на территории Куйтунского района деревни Широкие Кочки, Ключи. Литературные пристрастия чиновников отразились в появлении участка Лермонтовский. Немало названий населенных пунктов нашего района берут свои истоки в бурятском языке, например, Куйтун (приподнятое, равнинное место), Мингатуй (место изготовления серебряных украшений) (7).

Название нашего участка Кундуй (по-бурятски Хунды) означает «пустой, полый, провал, пропасть» (8). Ему созвучен и монгольский вариант Хондий, что означает «речная долина, впадина, лощина». Встречаются монгольские и бурятские названия речных долин, впадин — Хондий или Хумди. Эти названия по-русски обычно произносятся и пишутся как Кондуй. Со временем стали говорить — Кундуй (9). Первые старожилы подсказали это название землеустроителям. Местность здесь вполне соответствует названию. Значит, к бурятам — скотоводам, кочевавшим и пасшим здесь свои стада с незапамятных времен, восходит название нашего участка. Это название и вошло в официальные документы. Наличие древних стоянок человека подтверждается и археологическими находками на территории нашего района (10).

В Сибирь направлялись переселенцы из более 50 губерний Европейской России. Они шли на свободные земли от российских нищенских наделов, от общинных порядков, продиктованных катастрофическим малоземельем, от чересполосицы, постоянных переделов земли, принудительных севооборотов. Покидали родные места в разное время, но основной расчет строился на том, чтобы использовать теплое время и по возможности в первый год обзавестись хозяйством. Это получалось не всегда. Многие переселенцы находились в пути по году и более, останав-

ливались на заработки, просили подаяние. Часто не хватало проездных денег. Проезд в Сибирь и обратно стоил 50–60 р. По рассказам старожилов села мы знаем, что некоторые семьи переселенцев теряли в пути детей, стариков, не перенесших тягот и лишений переезда. Их хоронили наспех, где-нибудь у дороги, не по-христиански. Грешно и тяжело было их родичам. Не ценилась властями крестьянская душа. Мест водворения достигали самые сильные и стойкие. Так закладывался особый, устойчивый генофонд сибирских крестьян, который передался и нам.

Обычно в Сибирь передвигались крупными партиями, от 40 до 100 семей — выходцев из одной губернии или уезда. Так добирались переселенцы и до нашего участка. Здесь селились по такому же принципу. Об этом нам говорят сохранившиеся в обыденном обращении названия улиц села. В самом начале участка, если двигаться по нему с запада на восток, компактно селились выходцы из Харьковской, Черниговской, Полтавской губерний — из Украины. Эта часть участка получила у сельчан название «хохловка». Здесь жили славные песенники, гармонисты. Крестьяне из Малороссии носили красиво вышитые национальные одежды. В их разговорной речи перемешивались украинские и русские слова. Люди в основном были доброжелательные и приветливые. Не случайно здесь проходили народные гуляния и вечерки молодежи села. В центре участка дружно обустраивались выходцы из Орловской губернии, из д. Лобки. Эта часть участка называлась «лобковка». В конце участка располагались бывшие односельчане из д. Бобровка (Орловской губернии). Она получила название «бобровка». Ныне эти названия все реже можно услышать в разговорной речи, а молодежь, к сожалению, почти не знает их.

Первая большая партия переселенцев, прибывших в Кундуй в 1899 г., насчитывала 26 семей. Среди них были братья Ефим, Яков, Афанасий, Дмитрий, Макар Федотовы, Вавил и Филипп Петрушины, Григорий, Михаил, Павел Барновы, Петр и Евстафий Блиновы, Иван Кузин, Николай Карасев и их семьи. В 1900 г. прибыло 13 семей. Приехали Иван, Андрей, Ермолай, Трофим Юшкины, Егор Потапов, Федор Грибов и др. 18 семей приехали в 1901 г. В их числе были Филипп Черняков, Иван Потемин, Иван Яковенко, Сергей Кузенков и др. В 1902 г. прибыла еще одна большая партия из 26 семей. Среди них Петр и Григорий Кабановы, Павел и Иван Рябиковы, Евстафий и Василий Шевелевы, Тихон и Егор Кулешовы, Федор Молоцило и др. (11).

На начало XX в. на участок было водворено 204 человека, 106 лиц мужского и 98 женского пола. Основная тяжесть по обустройству легла на наиболее трудоспособных мужчин — в возрасте от 18 до 60 лет. Их насчитывалось 51 человек (12).

Прибывших переселенцев ждали новые испытания: жилищная неустроенность, тяжелый труд по освоению и окультуриванию целинных земель. Русский писатель М. Горький точно заметил, что земледельцы называли такой тяжкий труд словом «страда» — от «страдать». Первое время

людям приходилось жить в землянках, зимовьях, балаганах, в условиях большой скученности, антисанитарии. Предоставляемая на обустройство ссуда в 100 р. выплачивалась с большой задержкой и нерегулярно. Судя по архивным данным и отчетам, большинство переселенцев получили ссуду. Однако 32 хозяина из 107 ее не получили. Шесть домохозяев взяли ссуду более 100 р. Самая большая ссуда — по 150 р. — числилась за Семеном Коншиным, Григорием Гусевым, Филиппом Черняковым (13). На эти деньги крестьяне покупали в первую очередь лошадь (она стоила от 40 до 70 р.), приобретали сельхозинвентарь. Как правило, ссуды на обустройство не хватало. В поисках заработка нанимались батрачить у зажиточных крестьян и казаков Ан-Станицы. Условия найма в ту пору были общеизвестны. По воспоминаниям старожилов, работник за все лето до Покрова дня (14 октября) получал четверть урожая с десятины с любого края обрабатываемого им поля. Как правило, хозяева рассчитывались пшеницей или рожью, реже — деньгами. Добропорядочный хозяин предоставлял работнику питание и даже рабочую одежду, сельхозинвентарь, но и работать требовал от зари до зари. Чтобы заработать на лошадь, в работниках нужно было трудиться примерно год. Так, в 1920-х гг., когда возобновилось батрачество, поденная оплата у станичных казаков составляла 20 к. В период осенней жатвы можно было заработать 4–5 рублей серебром (14). На эти деньги можно было купить теленка, овцу или поросенка. Вроде бы неплохо. Однако эту сторону жизни не стоит идеализировать. Рассказы старожилов и архивные данные говорят о случаях так называемого варнацкого расчета (убийство батраков по окончании сезона сельскохозяйственных работ) в нашей округе.

Прибывшие в Кундуй переселенцы после революции 1905–1907 гг., как правило, нанимались в работники к своим достаточно обжившимся односельчанам. Нужда и неустроенность толкали некоторых переселенцев к возвращению обратно, в Россию. Таких в Кундуе было примерно два десятка человек. Несколько человек вернулись в Россию, движимые непреодолимой тоской по родине.

Крестьяне нашего участка, как и все податное сословие, платили налоги (как мы отмечали, первые 5 лет по льготному тарифу). По данным имущественного обследования из графы «податные и мирские казенные сборы» мы узнаем размер платы. Например, в 1910 г. наибольшее количество налога платил Иван Юшкин — 25 р. 56 к. При этом он имел распахки 14 десятин земли. По 24 р. податей платили Иван Ефимцев, Иван Артамонов, Иван Фетисов. Они имели по 9 десятин пахотной земли. Минимальный налог составлял 2–4 р. К примеру, такую плату вносили Иван Яковенко, Василий Шевелев, Василий Ворона. Они имели 2–3 десятины распахки. Основная масса крестьян вносила за год налога от 6 до 15 р. Их наделы были от 3 до 8 десятин пахотной земли (15).

В период 1904–1906 гг. переселение было приостановлено. В Кундуй переселенцы не приезжали. Это объясняется усложнением политической

обстановки в стране, Русско-японской войной и революцией 1905–1907 гг.

Исторические источники не донесли до нас фактов участия наших сельчан в революционных событиях 1905–1907 гг. Прибывшие крестьяне получили землю, льготы и не высказывали желания каких-то антиправительственных действий. Революционные события затронули лишь расположенное неподалеку старожильческое село Кимильтей, где сказывалось влияние революционно настроенных рабочих депо ст. Зима и ссыльных социал-демократов (16).

Широкое крестьянское движение в России в годы Первой русской революции заставило царизм пойти на реформирование деревни. Главная цель столыпинской аграрной реформы состояла в насаждении частного крестьянского землевладения в России. Начался процесс разрушения общины, создания хуторов и отрубов. Однако одной из особенностей реформы в Сибири было сохранение общины и ее укрепление в фискальных (финансовых) целях. Наибольшее значение приобрело переселение в Сибирь. Правительство поощряло этот процесс, требуя соблюдения одного условия: предварительной посылки ходоков (17). Ходокам предлагалось прибывать на места к апрелю, внимательно смотреть все самим, не верить старожилам, письмам. Одним из таких ходоков, прибывших на уже освоенный участок Кундуй, был И.Т. Ефимцев. Ознакомившись с жизнью и бытом сельчан, он вернулся в Россию и рассказал о далекой Сибири (18). В 1907 г. в Кундуй прибывает новая партия переселенцев из 17 семей (Гаврил и Трофим Подъячих, Григорий и Антон Гусевы, А. Коваль, Ф. Полехин, В. Ворона и др.). К 1910 г. формирование переселенческого участка было в основном завершено. Здесь обустроилось и проживало уже 107 домохозяев с семьями. Население участка составляло 586 человек. Мужчин до 18 лет было 140, от 18 до 60 лет — 137 (самая трудоспособная часть). Только 9 человек были старше 60 лет. Женщин было 303 человека (19). На участке были исчерпаны запасы свободных земельных наделов. С этого времени сюда приселялись лишь отдельные семьи, в основном родственники живших здесь крестьян, с разрешения общества.

К этому времени уже наблюдалась незначительная социальная дифференциация крестьян. Большинство жителей имели 3–5 десятин распашки земли. У справных домохозяев было 8–10 десятин пашни. Например, Ефим Федотов, прибывший на участок в 1899 г., обрабатывал 8 десятин пашни, засеивал только ржи 3 десятины. Его семья состояла из 7 человек. В их числе были 2 рабочих мужчины и 2 помогавшие им женщины. Семья жила в добротном пятистенном доме. Во владение Ефима Федотова также входили амбар, баня, хлев, гумно, рига, 4 телеги, плуг, 2 бороны, веялка, молотилка. В хозяйстве было 4 рабочих и 2 нерабочих лошади, 4 коровы, 12 овец, 3 свиньи (20). В деревне он считался зажиточным.

В годы Первой мировой войны (1914–1916) хозяйственное положение крестьян Кундуя ухудшилось. Насколько удалось выяснить из воспоминаний старожилов, более двух десятков мужчин были призваны на воинскую службу. В Государственном архиве Иркутской области есть фонд

Куйтунского волостного правления, в котором хранятся наряды со списками и бумагами убитых и пропавших без вести воинов из Куйтунской волости (21). В них мы также можем встретить фамилии наших сельчан.

К 1917 г. на участке Кундуй (в документах он именовался Кундуйский) насчитывалось 118 дворов, 327 душ мужского и 335 женского пола. Всего здесь проживало 662 человека. Некогда запасной участок превратился в небольшую застроенную новыми избами деревню переселенцев из центральных губерний России.

В XIX в. земля в Сибири принадлежала государству. Ее нельзя было купить и продать, фактически она находилась в пользовании крестьян. Казна взимала с крестьян денежную ренту. Земля передавалась по наследству, от отца к сыну, называлась по имени деда или прадеда. Так было и в нашей деревне. Обычно говорили: «Шевелева заимка», «Вавилова пашня» и т. д. Крестьянин чувствовал себя хозяином своей земли, а за это и любил ее. В непрестанной борьбе с сибирской природой он сроднился с ней. Формировался новый тип земледельца, несколько отличный от российского крестьянина. Это был свободный и свободолюбивый, более уверенный в своих силах и в своем будущем человек.

Крестьяне жили среди казенных земель и пользовались ими по мере своих сил. Немного видоизменялись формы фактического владения по мере роста населения. Рассказывают, что всюду имела место захватная форма землепользования. Это касалось обустройства заимок. Сколько занял земли, отметив границы участка, все твое. Некоторые заимки были по 10, 20, 50 десятин. Ничто не мешало другому крестьянину захватить столько же, кроме недостатка сил в семье. Это наблюдалось среди переселенцев первой волны до 1906 г. Последующие уже стали испытывать земельные трудности. Они все больше разрабатывали неудобья, корчевали кустарник.

Так на смену захватной форме землепользования пришла вольная колонизация. Каждый имел право только на ту землю, в которую он вкладывал свой труд, и лишь до тех пор, пока он на ней трудился. Бросил землю в залежь — ее мог захватить другой.

Когда крестьянское население возросло и были образованы соседние участки Таган, Каразей, Чеботариха, а плодородных земель стало не хватать, тогда стали переходить к общинному владению землей. Но особенностью сибирской общины было то, что чаще всего под общинный передел попадали сенокосы, почти никогда не было переделов пашни.

В отличие от сенокосов, пастбищные угодья находились в совместном пользовании крестьян. Скот пасли в «поскотине», огораживаемом жердями выпасе. Размеры городьбы для каждого крестьянина устанавливались общинным сходом. Лес находился в вольном пользовании в пределах волости.

Низшим звеном системы управления крестьянством служили сельские и волостные административные общины. В них преобладали административно-фискальные функции. Волостная администрация рас-

полагалась в с. Куйтун и состояла из волостного старшины, волостных заседателей и волостных судей. Волостное село Куйтун в дореволюционный период насчитывало около 2 тыс. жителей. В центре него возвышалась большая каменная Ильинская церковь, в ней вели церковную службу настоятель и псаломщик. Она была похожа на церковь в с. Тельма (Куйтунскую Ильинскую церковь закрыли в 1935 г., окончательно разрушили в 1946 г.). В Куйтуне располагались железнодорожная станция, телеграф, трактир, просторный каменный дом купца Зицермана, в котором в 1891 г. обедал будущий царь Николай Романов, а также проездом на Дальний Восток и Сахалин в 1890 г. останавливался русский писатель А.Чехов.

Заведующий Куйтунским подрайоном Нижнеудинского уезда проживал в другом крупном селе — Кимильтей. Здесь же размещался крестьянский начальник 3-го участка.

Сельскую администрацию деревни составляли избираемый обществом староста, сборщик податей и десятские. Полновластными хозяевами в волости являлись волостной старшина и писарь. Волостное правление занималось раскладкой и взысканием податей и повинностей, выдачей крестьянам паспортов, объявляло и приводило в исполнение решения волостного суда. На сельском сходе Кундюя рассматривались вопросы, затрагивающие жизненные интересы крестьян.

Хозяйственная деятельность. Переселявшиеся в Сибирь крестьяне приносили с собой навыки и традиции работы с орудиями труда и привычные приемы обработки земли. В Сибири прибывшие из России крестьяне в зависимости от хозяйственного положения сами определяли, какую землю пахать, какую оставить в залежь, какие культуры сеять. Старались не сеять «хлеб на хлеб». Регулярно проводили паровую обработку, а затем, после нескольких лет посева и паровой обработки, землю оставляли под залежь отдыхать, для восстановления плодородия. Изменения в системе полеводства были связаны с совершенствованием орудий обработки почвы.

По данным имущественного обследования, в первое десятилетие заселения в 68 хозяйствах Кундюя из 107 имелись плуги. В 10 хозяйствах почву обрабатывали сабанами, или сохами-колесухами (22). Только в 11 бедняцких хозяйствах продолжали пользоваться архаичной сохой-рогальной. Эти орудия земледелия крестьяне приобретали на государственных сельскохозяйственных складах. Ближайший такой снабженческий пункт располагался примерно в 25 верстах, в большом старожильческом селе Кимильтей. Сабан стоил в ту пору 7–10 р., борона — 75 к. Эти орудия труда раскупались в первую очередь. В нашей деревне имелось по две бороны у каждого хозяина.

Чтобы земля родила, надо было за ней прилежно ухаживать, хорошо удобрять. Наши предки старательно обрабатывали землю. Как правило, проводилась двукратная вспашка надела с бороньбой (двоение пара). В летнюю пору посева тщательно пропалывались. Прополка хлебов в основном лежала на плечах женщин и подростков. Хлеб убирали

чаще всего серпами. Овес косили косами. Затем вязали снопы и скирдовали их в небольшие полукопны. Хлеб постепенно созревал в снопах. В октябре-ноябре убранный и созревший хлеб перевозили с заимок на гумна. Возницы выезжали, как правило, с рассветом и возили снопы до поздней ночи. Когда весь хлеб был вывезен домой, приступали к молотье. Для этого и предназначался ток (или гумно), открытый или крытый. Здесь обязательно устраивалась снопосушилка, отводилось место для мякины. В Кундуе для сушки снопов использовали риги. В них топили печи, а снопы складывали на специальные решетки для подсушки. До революции в деревне было 16 гумен и 18 риг. Как правило, ими пользовались сообща несколько хозяев, в складчину. Плата за пользование была небольшая.

Молотили хлеб преимущественно цепами. Веяли также вручную, лопатами на ветру. Для сортировки зерна использовали специальные сита, решета. Некоторые хозяева делали веялки сами, потом стали появляться заводские. Самодельные молотилки в народе называли «трещотки». Их покупали также на складах Переселенческого управления. Часто приобретали машины в складчину. Веялка стоила 30–40 р., молотилка — 160–250 р. (23). К 1910 г. в деревне было 9 веялок, 7 молотилок. Такие сельхозмашины были в хозяйствах П. Рябикова, С. Язынина, С. Кузенкова, П. Блинова, Ф. Петрушина и др.

Крестьяне сеяли в основном те же культуры, что и в Европейской России. Важнейшей продовольственной культурой была рожь. Ей отдавали предпочтение. Она была устойчива к заморозкам, засухе. Сеяли также пшеницу, овес, гречиху, горох, просо. Посевную начинали с 15 апреля и старались закончить до 20 мая. Считалось, что ранний хлеб за лето обязательно дозреет. Урожайность зерновых культур, кроме ржи, не отличалась стабильностью. Так называемая чистая урожайность, т. е. урожай за вычетом семян (нормы высева в Сибири колебались в среднем от 8 до 12 пудов на десятину), постепенно повышалась. Урожай ржи с десятины в лучшие годы достигал 60, а овса — 65 пудов (24).

Агрономическая помощь государства хозяйствам была явно недостаточной. Часто не хватало кондиционных семян, досаждали сорняки и насекомые, вредители полей. Основным удобрением был навоз. В наших краях навоз еще называли «назем». Его вывоз на поля был весьма трудоемким процессом. Назем вывозили по стаиванию снегов в апреле-мае. Он считался самым полезным сочным удобрением. На плохой земле он держался 2 года, на глине 3–4 года. Хорошо удобренная десятина считалась при 300 возах (воз — 15 пудов). Такая пашня сохраняла силу лет на десять. Дальние поля заимок часто оставляли в залежь. И все же нередки были случаи неурожаев. Это становилось бедствием для крестьян. Так, например, в 1913 г. крестьяне Куйтунской волости обратились к правительству за помощью. Они указывали на свое бедственное положение ввиду гибели хлебов от заморозков. Помощь получили только зажиточные крестьяне, малоимущие остались ни с чем. По этому поводу газета социал-демократов «Правда» опубликовала

в разделе «Крестьянская жизнь. Куйтунская волость» критическую заметку под названием «Бедняки могут и еще поголодать», в которой осуждалось равнодушие властей к пострадавшим хлеборобам (25).

Полученный урожай засыпали в лари или закрома в амбарах, предварительно подсушив зерно на русских печах. Затем часть зерна везли на помол на водяную мельницу, построенную у старого пруда. В 1920-х гг. зерно мололи на более мощной мельнице в с. Чеботариха, стоящей на речке Или (на этом месте ныне разлился новый пруд).

СКОТОВОДСТВО занимало важное место в жизнедеятельности крестьян Кундуя. Прибывшие поселенцы старались первым делом приобрести лошадь. Затем покупали и разводили коров, свиней, коз, овец. На первых порах, пока жители не обстроились, скот держали на подножном корму, без теплых стаек. Животные сильно страдали от холодов. Их продуктивность была низкой, повсеместно наблюдался падеж скота.

Культура, быт, семья сохраняли черты, которые были в прежней, «русской», жизни крестьян. Переселенцы строили свои дома вдоль речки Или. Первые две улицы повторяли ее контуры. Они были вытянуты примерно на две версты. Между улицами проходила главная дорога. Она была шириной в телегу — 1,5–2 сажени. По ней ездили на подводах, но в основном ходили пешком. Вся Россия тогда ходила пешком с котомками за плечами. Дома строились фасадами к дороге.

Если деревня — это сельский мир, то ячейками его были отдельные крестьянские хозяйства. Каждое хозяйство представляло собой сложный организм, живущий по своим законам. Оно начиналось с усадьбы. Крестьянская усадьба, как правило, имела прямоугольную форму. Она огораживалась изгородью из жердей (прясла), позднее городили заборы, их называли «заплоты». Рядом с домом располагался чистый двор. За домом иногда пристраивалась небольшая кузница. Здесь ковали лошадей, проводили мелкий слесарный ремонт.

Во время весенних и осенних работ крестьяне жили главным образом в зимовьях, маленьких избушках с печью по-черному и нарами. Здесь было скученно, нечисто, но молодежь не унывала, постоянно устраивались игрища у вечернего костра. Рядом с зимовьем обычно устраивали открытые дворы для лошадей и выгородку около одной версты, где они паслись.

ОДЕВАЛИСЬ крестьяне Кундуя так же, как и раньше в России. Женские рубахи шили из домотканого полотна. Цветастые платки приобретали в магазине. Шали вязали сами. В семьях побогаче приобретали модные в те времена плюшевые жакеты, нарядные сарафаны.

Мужская одежда состояла из рубахи и штанов, сшитых также из домотканины. Эта грубая одежда на первых порах, пока не обомнется, доставляла неудобство, саднила и натирала кожу. Рубахи подпоясывали поясом или ремнем. Штаны шили из холста. Верхнюю одежду изготовляли из домашнего сукна, шерстяной и полушерстяной сермяжной ткани.

ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ крестьянская семья в Кундуде в конце XIX —

начале XX в. производила в основном в своем хозяйстве. Неотъемлемой частью крестьянской пищи были молоко и молочнокислые продукты. Масло, главным образом в топленом виде, считалось принадлежностью праздничной пищи. В обычные дни употребляли растительное или конопляное масло и животный жир.

Бедность основной части крестьян, отдаленность Кундуя от Иркутска и уездного центра Нижнеудинска, непрочные связи с рынком вели к соединению сельского хозяйства с домашним промыслом, к сохранению натурального хозяйственного уклада. На рынке крестьяне продавали главным образом хлеб. Его возили на базар в волостное село Куйтун, в с. Уян, где сбывали скупщикам из Жигалово, которые, в свою очередь, везли его на продажу населению на реку Лену. Крестьяне редко ездили на рынок в уездный город Нижнеудинск. Большинство необходимых потребностей они удовлетворяли трудом своих семей, сами выделывали кожи и изготавливали повседневную рабочую одежду и обувь.

СЕМЬЯ, БЫТ И ПРАВЫ с момента водворения на участок переселенца играли огромную роль. Взрослые женатые братья старались селиться вблизи отца. Родственникам вместе легче было обстроиться, сподручнее помогать друг другу. Раньше в деревне было много неразделенных больших семей, состоящих из трех поколений. В них сохранялись нравственные нормы жизни и поведения, выработанные веками. Но главным, определяющим фактором была даже не степень родства, а полнота вовлеченности в жизнь крестьянского двора — так, чтобы, как говорили крестьяне, «хлебаť щи из одной миски». Средняя семья в деревне насчитывала примерно 6–8 человек. Главой семьи был чаще всего отец или дед. Когда домочадцы садились большой семьей за стол, во главе восседал отец. Он бережно нарезал хлеб ломтями, любовно прижав ковригу рукой к груди, и раздавал каждому свой кусок, строго следил за трапезой. К хлебу было благоговейное отношение. Во многих домах крестьян хлебные ковриги хранились в «святом углу», под иконами. Дорожили даже хлебными крошками, смахивая их после еды в рот. Не случайно крестьяне говорили: хлеб — всему голова. Будет хлеб — будет песня. Он давался тяжелым трудом, был главным продуктом пропитания и радости земледельца. Такое трепетное чувство было к хлебу насущному. Трапеза проходила тихо и сдержанно. Издавна считалось: как человек ест, так и работает. Говорят, будущего работника проверяли отношением к еде. Глава семьи руководил всеми хозяйственными работами, бюджетом. Он был блюстителем бытового уклада. Домочадцы должны были ему подчиняться. Обращение младших членов к старшим в семье, как правило, было уважительным. Родителей называли «мама», «папа», «папаша», «тятя». Старшую сестру обычно именовали «няня». Дедушка и бабушка считались непревзойденными авторитетами. В семьях хорошо помнили и знали родственников. До сих пор в деревне о родственниках близких и особенно дальних говорят, что они «свои». Плохо, когда в деревне нет «своих». В таких случаях крестьяне грустно говорили: в деревне нет ни родных, ни своих. Раньше гордились

родством с зажиточными семьями, бедных и нищих сородичей стыдились. Крестьянин был силен родней, ее помощью и поддержкой.

Крестьяне всегда усердно трудились, невзирая на жару или холод. В поле выезжали с рассветом. Работали до полуденной жары, затем делали небольшой перерыв. Как только спадал полуденный зной, работа возобновлялась и длилась часто до сумерек. Крестьяне любили говаривать: вздохни да охни, а свое — отбывай. Работа и мучит, и кормит, и учит. Многого захочешь — пораньше с постели вскочишь! Лишь зимой крестьяне позволяли себе отдых: чуть позднее встать, пораньше лечь спать. Лениость и праздность осуждались. Люди говорили: где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто. Труд стоял у земледельца на первом месте. По нему оценивался человек.

В таких непростых условиях протекала жизнь крестьян участка Кундуй в дореволюционный период. Подобным образом жили тысячи сел и деревень Сибири. Приехавшие из России переселенцы прижились в Сибири, полюбили этот суровый, но благодатный край. Здесь они избавились от беспросветной нужды, получили долгожданную землю, дававшую им прокорм, возможность жить, рожать и растить детей, продолжать свой род. Заселение, освоение и обустройство участка Кундуй происходило нелегко, но труд свободных людей давал моральное и материальное удовлетворение, с лихвой компенсировал тяготы и лишения на новом месте. У крестьян не принято было жаловаться на судьбу. Люди работали на себя. Как организуешь свое хозяйство, свой труд, так и будешь жить. Это было главным. Проблемы и неурядицы отходили на второй план. Такая картина откладывалась в сознании и психологии крестьян, так она передавалась потомкам. Во всяком случае, автор в беседах со старожилками не слышал особых упреков в отношении единоличной жизни. Это, видимо, создает у наших современников иллюзию идеальной картины жизни крестьян, хотя, как мы видим, это было совсем не так. В этом осмыслении прошлого важно расставить главные и второстепенные акценты понимания жизни крестьян в ту пору.

Власть особо не вмешивалась в естественный ход жизни крестьян. В деревне постепенно нарастала социальная дифференциация, однако общинная форма временно сглаживала противоречия. За два десятилетия до революции 1917 г. на месте целины и вековой тайги возникла новая деревня. Было построено свыше 100 домов и изб, возведены десятки хозяйственных построек, разведено около 300 лошадей, в каждом хозяйстве были корова, овцы, свиньи, другая живность. Крестьяне распахали, окультурили и засеяли около 600 десятин пашни. Так могли сработать только свободные, заинтересованные люди.

В возникшей деревне сохранялись прежний российский уклад и ментальность. Жизнь и деятельность переселенцев на новом месте сформировала свой тип крестьянина, который стал называть себя сибиряком. Он сохранил хозяйственные навыки и культурный облик, заложенные на родине, в центральной России, приобрел новые черты, сформированные местными условиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ставровский Я.Ф., Алексеев В.В. Переселение в Сибирь. СПб., 1906. С. 18.
2. Любавский М.К. Историческая география в связи с колонизацией. СПб., 2000. С. 276.
3. Там же.
4. Отчет о работе по образованию из казенных земель переселенческих и запасных участков. Обследование не заселенных лесных пространств в Иркутской губернии за 1896 год. Иркутск, 1897.
5. Памятная книжка Иркутской губернии за 1901 г. Иркутск, 1901. С. 122–123.
6. География Иркутской области. Иркутск, 1968; Атлас Иркутской области. М.; Иркутск, 1962.
7. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1969.
8. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М., 1973. С. 622.
9. Доржиев Д.Д. О топониме Кондуй // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981. С. 81.
10. Дзюбас С.А. К археологии Куйтунского района Иркутской области. Архив Службы по охране культурного наследия Иркутской области. 2003 г.
11. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 232. Л. 8–12.
12. Памятная книжка Иркутской губернии. Иркутск, 1901. С. 122–123.
13. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 232. Л. 8–12.
14. Архив лаборатории истории Сибири Иркутского государственного университета. Ф. 44. Оп. 1. Д. 11. Л. 57, 58.
15. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 232. Л. 8–12.
16. Дулов В.И. Крестьянство Восточной Сибири в годы Первой русской революции. Иркутск, 1956. С. 145, 168.
17. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 227.
18. Архив лаборатории истории Сибири Иркутского государственного университета. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 84.
19. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 232. Л. 8–12.
20. Там же.
21. ГАИО. Ф. 203. Оп. 2. Д. 13.
22. Сабан, колесянка — сохи передковые (на колесах) под две лошади, с одним сошником и деревянным отвалом, с регулировкой глубины вспашки.
23. Общие сведения по сельскому хозяйству и неземледельческим промыслам Иркутской губернии в 1900 г. Иркутск, 1902.
24. Иркутская губерния (справочная книжка для ходяков и переселенцев) / сост. В. Посельский. Полтава, 1914. С. 27.
25. Правда: ежедневная рабочая газета. 1913. 26 марта (8 апр.).

Галия Ивановна БОБКОВА,
*кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой телевидения,
радиовещания и истории журналистики
Иркутского государственного университета*

ТАТАРЫ В ОСВОЕНИИ НОВЫХ СИБИРСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Важной составной частью аграрной политики Российской империи являлось содействие переселению малоземельных крестьян на свободные земли. Одним из районов переселения стала и Иркутская область, куда устремились крестьяне из Европейской России. В Сибирь потянулись представители различных народов царской России. Именно благодаря сельскохозяйственному переселению на территории Иркутской области появились компактные поселения украинцев, белорусов, немцев, поляков, чувашей, татар. Однако если в целом по теме сельскохозяйственного переселения в Иркутскую губернию есть отдельные глубокие исследования, то национальный аспект этой проблемы еще не изучен.

Татары стремились селиться кучно, так как отличались от основной массы населения языком, религией, обычаями. Самым лучшим вариантом было образование этнически однородного поселка. Кроме того, существовали переселенческие поселки, деревни, где татары составляли значительную часть населения (половину, треть). В свою очередь, эти этнически окрашенные поселения тянулись друг к другу, образуя группы деревень, связанных между собой хозяйственными, родственными и дружескими отношениями.

В последние годы появились небольшие по объему публикации, касающиеся переселения татар на территорию Восточной Сибири. Тема влияния планового переселения крестьян на формирование национального состава Прибайкалья затронута в некоторых работах историка Л.В. Зандановой, однако она рассматривает в основном период после 1917 г. (1).

Большой интерес представляет в этой связи опубликованная в 1998 г. работа Н.Г. Галеткиной, которая рассматривает переселенческие татарские деревни на территории Заларинского района Иркутской области (2). К сожалению, статья по данной теме у Н.Г. Галеткиной осталась единственной.

Материалы о сельскохозяйственном переселении, в том числе с учетом этнического аспекта, собраны в Заларинском районном краеведческом музее. Его директор Г.Н. Макогон опубликовала статью о переселении татар Поволжья в журнале «Земля Иркутская» и несколько материалов в периодической печати (3).

Скруплезно собрала историю переселения своих предков-татар

жительница Чунского района Иркутской области, учитель, краевед В.С. Снеткова. Найденный ею материал вошел в учебное пособие для школьников (4). Книга содержит уникальные воспоминания о переселении татар, во время столыпинской реформы основавших на севере Прибайкалья несколько чисто татарских деревень.

Помимо данных работ нами изучены также, по возможности, все газетные публикации, где есть хотя бы крупницы сведений, которые в какой-то степени относятся к изучаемой теме. Кроме того, в период 1999–2002 гг. нами проводился сбор полевого материала в Заларинском, Чунском, Тайшетском, Нижнеудинском, Усольском районах Иркутской области. Сбор полевого материала проходил также в Иркутске, Ангарске, где живут в настоящее время потомки переселенцев. Записаны многочисленные воспоминания детей и внуков татар-переселенцев столыпинской эпохи (5).

Привлечены документальные источники из фондов Государственного архива Иркутской области (ГАИО): дела заведующего землеустройством и переселением в Иркутской губернии, ведомости о водворении и зачислении переселенцев, метрические книги Иркутской соборной мечети, дела Иркутского общества верующих мусульман, дело о постройке Иркутской татарской мечети и др. (6).

Сложность данного исследования состоит в том, что национальность переселенцев в ходе самой реформы имела второстепенное значение и мало где учитывалась. Национальность не указывалась в отчетных ведомостях о водворении и зачислении крестьян, в сводных ежегодных отчетах заведующего землеустройством и переселением. Точные данные о переселении людей той или иной национальности могут дать сложные и трудоемкие архивные изыскания.

Татарские переселенческие участки появились в Иркутской губернии в начале XX в. Пик этого процесса приходится на 1910–1914 гг. Основными местами расселения татар стали Балаганский и Нижнеудинский уезды. На территории Балаганского уезда можно выделить две группы переселенческих населенных пунктов, где компактно расселились татары. Одна группа образовалась в Тагнинской (с 1915 г. — Око-Тагнинская) волости, другая — в Заларинской. В настоящее время данные деревни и поселки относятся к разным районам.

Остановимся на заселении большого села Залари и его окрестностей. Это переселенческие участки Шаховский, Чичиковский, Новоселовский, Сенная Падь, Романово. Татары селились в этой местности издавна. Недалеко от д. Романово находилась заимка Сейфулина. В начале XX в. в волости появились также заимки Каптигулова и Капсолямова. К сожалению, об их происхождении, кроме устных преданий, сведений нет. Документальные источники сохранились только по переселенческим участкам.

На право считаться первой чисто татарской деревней в Заларинской волости претендует д. Сенная Падь. Она была образована в 1825 г.,

и было в ней на тот год 31 двор, 169 человек (7). Деревня была расположена недалеко от Московского тракта, поэтому активно заселялась задолго до столыпинской реформы. Однако, судя по отчетным сведениям заведующего Балаганской поземельно-устроительной партией, в 1908 г. в Сенной Пади отводились участки (8).

Деревня Романово — один из первых населенных пунктов на Заларинской земле, основана в 1720 г. Были ли среди первых поселенцев татары, неизвестно. Однако в столыпинскую реформу здесь получали участки татары, и в настоящее время четверть жителей деревни составляют представители этой национальности (9).

Первая партия татар по столыпинскому переселению прибывает в Залари в 1910–1912 гг. из Уфимской губернии, аулов Кереш и Иштрак. Среди них семьи Апсолямовых, Асмадьяровых, Ахмадьяновых, Биктимировых, Валимухаметовых, Ихматулиных, Зарыповых, Куркеевых, Габидулиных, Мухаметдиновых, Саджатовых, Тимгановых, Хабибуллиных, Хазахметовых, Шафигулиных и др. Они осели почти в центре села, основав переулок Татарский (ныне ул. Октябрьская) и свое землячество. Тогда же была построена мечеть, простоявшая в Заларях до 1934 г. (10).

На 1913 г. в приходе Заларинской Никольской церкви числилось, по клировым ведомостям, магометан 275 человек из 53 дворов, Петровской



Мечеть села Залари (не сохранилась)

церкви (села Тыреть, Моисеевка, Николаевка и др.) — 75 человек. Эти приходы располагались вокруг линии Московского тракта.

Первой партией заларинских татар относительно повезло: они не узнали тягот оседания на земле неосвоенной, нераскорчеванной. Село Залари стояло на Московском тракте, здесь проживало старожильческое население Сибири. Доприсоединение к старожилам явилось для таежной зоны преобладающей формой оседания переселенцев по всей полосе Сибирского тракта. Лишние руки нищих переселенцев воспринимались далеко не всегда как благо для старожилов, которые чувствовали себя здесь хозяевами. Об этом красноречиво свидетельствует выписка из приговора Заларинского волостного схода от 12 декабря 1887 г. «В нашей Заларинской волости весьма трудно иметь крестьянину рабочих людей, так как последние часто меняют хозяев... Особенно неудобно это в разгар работы, в самое важное летнее время. Следствием являются ссоры, жалобы...» Далее сход предлагает ввести рабочие книжки, где по договору предусматривалось, что рабочая наемная сила обязательно должна отработать оговоренный срок, виновный в нарушении правил должен подвергаться штрафу или аресту при сельской тюрьме в течение 6 дней. Так крестьяне-старожилы прибирали к рукам прибывающую переселенческую массу. Многие татары, не знающие русского языка, в непривычной сибирской обстановке, были батраками, самыми нищими среди населения Заларей. Однако обилие земли, леса требовало и ждало новых рабочих рук. Богатства Сибири нашли отражение в местной пословице переселенцев: «Воды хоть утопись, леса хоть удавись». И трудности не останавливали переселенцев из России.

Теперь обратимся к деревням, образованным в результате столыпинского переселения. Это участки Новоселовский, Шаховский и Чичиковский. Они были созданы в 1909–1911 гг. Участки поселкового пользования, ссудная полоса в 100 р. Норма земельного надела на душу мужского пола составляла 10–12 десятин. Чичиковский участок не был целиком татарским селением, однако татары составляли там значительную часть. В Чичиково была деревянная мечеть, школа при ней. Новоселовские татары относились к Чичиковской мечети.

Центром культурной, хозяйственной и религиозной жизни татар этой местности стал участок Шаховский. Татарское население составляло около 320 душ. В деревне были мулла, муэдзин, имелась мечеть (11).

Эта группа участков находилась близко к путям сообщения — Сибирской железной дороге, Московскому тракту. Жители поддерживали между собой хозяйственные, семейные, дружеские связи. До сих пор выходцы из этих деревень, живущие в городах Иркутской области, знают друг друга.

В начале XX в. лучшие земли Балаганского уезда были заняты.

Правительство было заинтересовано в освоении окраин, именно там образовывались переселенческие участки, заимки, хутора.

Переселенческим управлением был образован Око-Тагнинский подрайон. Переселенческие организации взяли на себя прежде всего строительство дорог, колодцев. В Око-Тагнинском подрайоне государство строит показательные для Иркутской губернии скипидарный завод на участке Шарагулл-Сачки, в с. Тагна — больничный комплекс из девяти зданий. Вся эта работа проводится для поддержания переселенцев на новом месте.

По тяжести освоения земель участки Око-Тагнинского подрайона делились на три группы, самой тяжелой являлась третья. Участки, куда попали татары, относились ко второй и третьей группам. Все они представляли собой труднейшие для разработки лесные участки. Почвы подзолистые, песчано-иловатые, полуболотные. Разработка и расчистка земель под пашни была очень трудной, поэтому Переселенческое управление предприняло на ряде таких участков корчевательные работы по расчистке земель под пашни и назначило поощрительные премии переселенцам, взявшимся за раскорчевку. Хлебопашество было главным промыслом населения. Сеяли яровую пшеницу, яровую и озимую рожь, овес, коноплю, ячмень, гречиху, картофель и даже лен. Мучили осенние заморозки, сорные травы. Перепахивали землю по 2–3 раза.

Неимоверным трудом крестьян тайга стала превращаться в хлебную пашню. С позиции сегодняшнего дня этот труд можно оценить как подвиг. Не было техники, семян, электричества, лишних рабочих рук, торговых точек и всего другого, без чего сегодня немислимо представить жизнь даже в захолустье. Таежные новоселы не имели возможности опираться на помощь, пусть и не бескорыстную, старожилов, воспользоваться их обжитостью, утварью.

В годы столыпинской реформы на территории Око-Тагнинского подрайона Тагнинской волости были образованы несколько татарских поселений. Это переселенческие участки Харагунский, Хорско-Бутырский, Федоровский, Черемшанский, Чернореченский. Все они относились к ссудной полосе в 200 р., представляли собой участки поселкового пользования. Деревни были основаны почти одновременно татарами из Уфимской губернии. Большая группа татар поселилась тогда же на переселенческом участке Русь наряду с русскими. Жители этих деревень долгое время поддерживали между собой связи — брачные, хозяйственные, дружеские (12).

Сегодня единственное из указанных поселений — деревня Черемшанка — является крупным поселением. Деревень на месте участков Русь и Федоровский уже не существует, остальные находятся на грани вымирания. Нами подробно изучено зачисление участков и водворение семей (13).

Самое крупное поселение этого куста переселенческий участок Че-

ремшанский создан в 1909 г. Участок находился почти в 70 км от железной дороги, эту трассу через тайгу называли столыпинской николаевской дорогой. Первые поселенцы прибыли сюда в 1912 г., и на 1 января 1913 г. мы видим 22 семьи, в составе которых 59 мужчин. Первую улицу переселенцы назвали Кереш, в честь своей исторической родины. К октябрю этого года число семей достигло 82, занятых долей — 220. В дальнейшем число жителей немного уменьшилось (14).

Почти все жители Черемшанки знают историю об ошибке ходоков, принявших замерзшее болото за пашню. Ее помнят и рассказывают до сих пор. Это обстоятельство могло быть причиной того, что некоторые семьи, зачислившие отрезки в Черемшанском переселенческом участке, отказались от переезда.

Вот как рассказывает о жизни своих предков, татарских переселенцев из Черемшанки и Хор-Бутырино, ученица Заларинской средней школы Даша Боброва: «Мой прадед Сахиб Юнусов приехал сюда 16-летним парнишкой из Уфимской губернии. В Тырети было переселенческое управление. Там новым переселенцам были выделены огородные участки, небольшие поля. Стали садить картошку, сеяли коноплю, ячмень, про-



*Семья переселенцев из Уфимской губернии. В центре —
братья Сахиб-Галей и Саид-Гали в окружении своих детей. Фото 1936 г.*



Семья Галеевых — отец, мать, бабушка, дети — потомки переселенцев. Одна из дочерей (стоит слева) — Г.Н. Макогон — в настоящее время директор Заларинского районного краеведческого музея. Фото 1976 г.

со. На ручных мельницах мололи зерно, из конопля делали масло. Приезжим крестьянам отводили участки в тайге. Так появились нынешние села Черемшанка, Хор-Бутырино. Переселение сюда было зимой. Когда снег растаял, люди увидели, что им дали тайгу да болото, непригодное для земледелия место. Обрато на Родину пути нет, нет денег, да и никто их там не ждал. Многие не выдерживали дороги, холодной долгой зимы — умирали. Остальные стали приспосабливаться — нанимались осенью к богатым мужикам на работы в Троицке, Моисеевке, убирали их урожаи, получали вместо денег зерно, картошку, собирали ягоды, грибы, били орехи» (15).

Кроме земледелия жители Черемшанки занимались охотой, рыбалкой, извозом, бортничеством (16).

Были и те, кто покинул Черемшанку, переселился на другие участки. Не всегда эти сведения фиксировались в ведомостях о водворении и зачислении. Например, житель г. Тайшета Идрис Валимухаммедович Латыпов так излагает историю своей семьи: «Дед был самоход. Сначала они приехали в Черемшанку (со слов, в 1906–1907 гг.), но там был везде лес, места для земледелия плохие. Стали искать степные земли, переехали в Чичиковскую Заларинского района. Там в 1936 году я и родился. Жена моя тоже Чичиковская, ее моя бабушка принимала, когда та родилась...» (17).

В фондах Заларинского краеведческого музея есть воспомина-

ния старожилов Черемшанки, записанные учителями средней школы по заданию музея в 1993 г. Изложенные в этих воспоминаниях факты точно соотносятся с документами ГАИО по срокам заселения переселенческого участка и дополняют их живыми деталями. Как утверждают старожилы, селение появилось в 1912 г., т. е. в этом году здесь появились первые жители. Среди первых поселенцев были Д. Давлетгареев, А. Мухомодьяров, Ф. Гильманов, Ф. Сафаров, Н. Гаталхаков, Г. Фатрутдинов и др. «Приехали зимой, увидели реку, лес и, как им показалось, луга. Возле реки построили несколько домов, некоторые семьи выкопали землянки. Но когда наступила весна, стало ясно, что это были не луга, а болота, и дома оказались на болоте. Пришлось их переставлять выше, где было суше. Некоторые семьи, увидев, что здесь нельзя заниматься земледелием, переехали в другие деревни. Оставшиеся семьи разработали возле домов участки вручную. Стали жить тем, что выручали с огорода. Благом было то, что в присаянской тайге было много ягоды, черемша (отсюда и пошло название Черемшанка), кедровых орех, всякой дичи, зверья. Стали исследовать тайгу — нашли кедрячи, ягодные россыпи. Магазина не было, ездили за продуктами в Хор-Тагну, которая находилась в 22 км от Черемшанки. Не все еще хорошо обосновались, как началась Первая мировая война. Всех мужчин забрали на фронт. После войны 1914–1917 гг. появились первые русские и украинцы. Свое место они назвали „Новая Черемшанка“... Где-то в 1915–1916 г. татары построили мечеть. Сначала там молились, выполняли религиозные обряды. Потом в мечети учили грамоте на арабской графике. Это было до 1920 г. Потом открыли ликбез...» (18).

Черемшанка стала своеобразным духовным и культурным центром татар-переселенцев. Об этом говорит тот факт, что именно там была построена мечеть. Правда, установить точно дату данного события пока не удалось: по рассказам старожилов, это 1915–1916 гг., по косвенным данным, содержащимся в материалах ГАИО, — 1919 г. (19).

По рассказам старожилов, записанным поисковой группой Черемшанской средней школы под руководством учителя Л.Г. Сагитовой и директора Ф.М. Салимгареева, Черемшанская мечеть строилась совместными усилиями жителей. Этот очаг религиозной культуры в далекой глубинке, в отрогах Саян, представлял собой строение, возвышавшееся над остальными черемшанскими домами. Его высота была достигнута за счет высокого фундамента. Сложили мечеть из круглого леса. В верхней части здания находилась небольшая площадка. На нее перед восходом и закатом солнца поднимался муэдзин, призывавший на молитву. В мечеть ходили только мужчины. Муллою был один из местных жителей, переселенец из Казанской губернии Абзал Гильманов (20).

Позднее, начиная с 30-х по 60-е гг. XX в., в Черемшанку вливалось татарское население из поселков Харагун, Федоровск, Русь, Чернореченское в связи с угасанием в них экономической жизни.

Подводя итоги по татарским деревням данного куста, можно отметить, что все шесть описанных нами участков находились в непосредственной близости друг от друга, имели общие черты. Не желая терять свое лицо, раствориться среди других национальностей, татары старались селиться кучно, поддерживать хозяйственные и дружеские связи. Важную роль в их жизни играла религия (21).

Общая сельскохозяйственная культура татарских переселенцев данного куста была несколько ниже, чем выходцев из Украины и Белоруссии, водворившихся на соседних участках (Пихтинский, Метёлкинский). Так, к примеру, по свидетельству одной из старейших жительниц Черемшанки, татары не выращивали овощей — капусты, моркови, картошки, и научились этому уже в Сибири. Другой собеседник, говоря о жителях Метёлкино, отмечал изначальную способность белорусов к хлеборобству, как бы отказывая в этом односельчанам.

В первые годы водворения почти никто из переселенцев не мог обеспечить себя продуктами, повсеместно был распространен уход на заработки в другие деревни. Однако постепенно, несмотря на трудности и неурожаи, переселенцы становились на ноги, размеры возделываемой ими пашни увеличивались (22).

Со временем татары приспособились к новым для себя условиям жизни. Успешно раскорчевывали лес, очищали от его корней участки, осушили некоторые болота, научились строить таежные зимовья для лесных промыслов (охоты, кедрования, сбора ягод), занимались гонкой дегтя, скипидара, смолокурением, что оказалось очень важным



Здание советской татарской школы села Залари. (До 1917 г. — волостная управа, в настоящее время редакция газеты «Сельская новь»)

при обживании тайги. Распространены были заработки на заготовке дров, за сдачу картофеля. Шла заготовка шпал для Сибирской железной дороги, где продолжалось строительство вторых путей. Однако не занимались извозом, как притрактовые крестьяне, ввиду удаленности от дорог.

Среди переселенцев этих двух кустов были, конечно, и «обратники», т. е. вернувшиеся на запад, об этом говорят и воспоминания старожилов. Но найти точные цифры весьма трудно, так как царские чиновники старались не сообщать их начальству. Однако значительного оттока из татарских переселенческих пунктов, находящихся в глубинке, в те годы не было. Было внутреннее движение в другие переселенческие пункты подрайона или губернии. Люди тянулись ближе к обжитым селам, к железной дороге.

В 1920-х и 1930-х гг. татарские деревни пополнились новой волной переселенцев из Поволжья — «по голодовке». В 60-х гг. многие жители вышеназванных деревень уехали на сибирские новостройки. Эта причина, а также укрупнение колхозов обусловили угасание татарских деревень во второй половине XX в.

Приложение

Дела Заведывающего землеустройством и переселением в Иркутской губернии. Зачисление земель ходоками, водворение и устройство переселенцев в Иркутской губернии в 1910 году

К 1 января 1911 года колонизационный фонд Иркутской губернии составляли 710 переселенческих, 84 хуторских участков и 8 старожильческих селений...

К 1 января 1911 года занято водворенными на переселенческих участках 30 604 доли, зачислено 18 777, оставалось свободных 85 384, из коих 65 000 может быть предоставлено для немедленного заселения.

Движение ходоков надо признать слабым... Наиболее усиленное движение в апреле, мае, июне. В 1910 году в Иркутскую губернию было разрешено свободное ходачество всем желающим... Срок зачисления продлен до 1 октября.

Общие результаты зачисления долей в районах по губерниям выхода переселенцев (с учетом зачисленных в предыдущие годы): 18 840 долей.

Казанская — 153 [доли],

Уфимская — 26,

Симбирская — 227,

Пензенская — 338,

Пермская — 122.

Для сравнения: Витебская — 1 862, Волынская — 786, Могилевская — 761, Калужская — 1, Саратовская — 3.

Особенно охотно зачисляются участки, близкие к железной дороге, с значительным количеством готовых пашен и лугов и с обеспеченным водоснабжением. Ходоки боятся удаляться от участков, на которых есть водворенные переселенцы, предпочитают участки уже заселенные или расположенные вблизи старожильческих селений. Неохотно зачисляются на отдаленные лесные участки, на безводные, лишенные лугов...

В отчетном году водворилось 2 652 семьи на 7 216 долей, что вместе с водворенными прежде с учетом выбывших составляло к 1 января 1911 года 9 907 семей в числе 30 954 доли.

Водворенные переселенцы по губерниям выхода распределяются так:

Губерния	семей	мужчин	женщин
Казанская	28	49	45
Уфимская	5	17	9
Симбирская	14	30	26
Пензенская	54	168	140
Пермская	7	10	13

(ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 256. Л. 26–28).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Занданова Л.В. Сельскохозяйственное переселение как фактор формирования сельского населения Восточной Сибири в 50-е гг. // История и общество в панораме веков: Тез. Всесоюз. Байкальской ист. школы (19–24 июня 1990 г.). Иркутск, 1990. Ч. 2. С. 316–322; Она же. Роль планового переселения крестьян в формировании диаспор в Сибири и на Дальнем Востоке // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. 6–8 октября 1994 г. Иркутск, 1994. С. 140–142.

2. Галеткина Н.Г. Черемшанка: динамика развития татарской переселенческой деревни // Россия и Восток: взгляд из Сибири: материалы и тез. докл. к XI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 13–16 мая 1998 г.: в 2 т. / под ред. В.И. Дятлова и В.П. Олтаржевского. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. Т. 1. С. 208–214.

3. Макогон Г.Н. Это нашей истории строки // Сельская новь. 1994. 15 апр.; Она же. Это нашей истории строки // Там же. 1996. 28 мая; Она же. Откуда мы? Путь заларинских татар // Земля Иркутская. 1997. № 7. С. 57–59; Она же. Тайна арабской вязи // Восточно-Сибирская правда. 2002. 25 мая.

4. Земля Чунская. Историко-краеведческий сборник: учебное пособие. Чунская типография, 1999. 96 с.
5. Полевые материалы автора.
6. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1–5; Ф. 789. Оп. 2. Д. 4; Ф. 786.
7. Макогон Г.Н. Откуда мы? Путь заларинских татар. С. 57.
8. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 24. Л. 69.
9. Сельские населенные пункты, в которых одной из преобладающих национальностей являются татары: Справка Иркутскоблстата. По материалам переписи 1989 г.
10. Фонд письменных источников Заларинского районного краеведческого музея. Информационная справка о татарах. С. 8.
11. ГАИО. Ф. 767. Оп. 1. Д. 4. Л. 48.
12. Галеткина Н.Г. Указ. соч. С. 208.
13. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 70. Л. 75, 175, 281; Д. 81. Л. 78–79, 143–144, 255–256, 420–421; Д. 86. Л. 91–92, 228–229; Д. 87. Л. 57–58, 167–168, 280–281.
14. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 70. Л. 75, 281; Д. 81. Л. 78–79, 143–144, 255–256, 420–421; Д. 86. Л. 91–92, 228–229; Д. 87. Л. 57–58, 167–168, 280–281; Д. 256. Л. 9.
15. Макогон Г.Н. Откуда мы? Путь заларинских татар. С. 57.
16. Фонд письменных источников Заларинского краеведческого музея. Татарская диаспора. Вопросник. С. 3.
17. Полевые материалы. 2001 г.
18. Фонд письменных источников Заларинского районного музея. История рождения села Черемшанка. С.1–2.
19. ГАИО. Ф. 767. Оп. 1. Д. 4. Л. 46.
20. Макогон Г.Н. Откуда мы? Путь заларинских татар. С. 58.
21. ГАИО. Ф. 767. Оп. 1. Д. 4. Л. 46.
22. Галеткина Н.Г. Указ. соч. С. 209.

Эдуард БЮТОВ,
бужский голендр, г. Шверин, Германия

100-ЛЕТИЕ ПИХТИНСКА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И РЕФОРМЫ СТОЛЫПИНА

Уже 100 лет живут наши земляки, которых называют голендрами, в Пихтинске. Лишь аграрные реформы Столыпина создали условия для их свободного переселения из тогдашней Волыни на р. Буг в Сибирь. Большое количество детей в семьях и отсутствие достаточных земельных площадей на берегах Буга заставили многие семьи эмигрировать. Три дня, с 4 по 6 июля 2008 г., праздновали голендры 100-летие их добровольного переселения в Восточную Сибирь.

История, происхождение и название бужских голендров

Тогдашнее переселение и столыпинские реформы стали значительной вехой в российской истории. Вряд ли какая-либо другая группа поселенцев столь четко связывает между собой реформы Столыпина со своим поселением, происхождением, историей и образованием 100 лет назад трех деревень: Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник. Транс-Байкальский регион, Заларинский район является в настоящее время родиной голендров. В Сибири наилучшим образом можно почувствовать и понять, какие же они на самом деле, эти голендры, до сих пор живущие обособленной группой, познакомиться с их историей и традициями. Их история до переселения в Сибирь начинается с поселения на берегах Вислы и основания голендрской деревни Новавесь (по-польски) близ г. Грауденца (Graudenz) в 1564 г., а также с последующей миграции к берегам Буга в 1617 г. Там голендры образовали старейшую немецкую группу поселенцев на востоке, которая основала колонию Нейдорф-Нейбров и первую евангелическую общину с церковью. Именно поэтому у сибирских голендров, имеющих те же корни, так много общего со всеми бужскими голендрами.

Самым ярким доказательством их общности сегодня являются одинаково звучащие фамилии, прозвища и происхождение предков из колоний Нейдорф-Нейбров, Забужские Голендры, Свержовские Голендры, Новины и Замостечье. Даже в Польше и на Буге голендры получили признание как специалисты в области мелиорации земель, корчевания леса, дренажных и земляных работ, равно как и в вопросах культивирования земли. Их проживание на Буге привело к возникновению имени собственного (бужские голендры). После раздела Польши из-за незнания того, что голендры поселились как свободные крестьяне со своими законами,

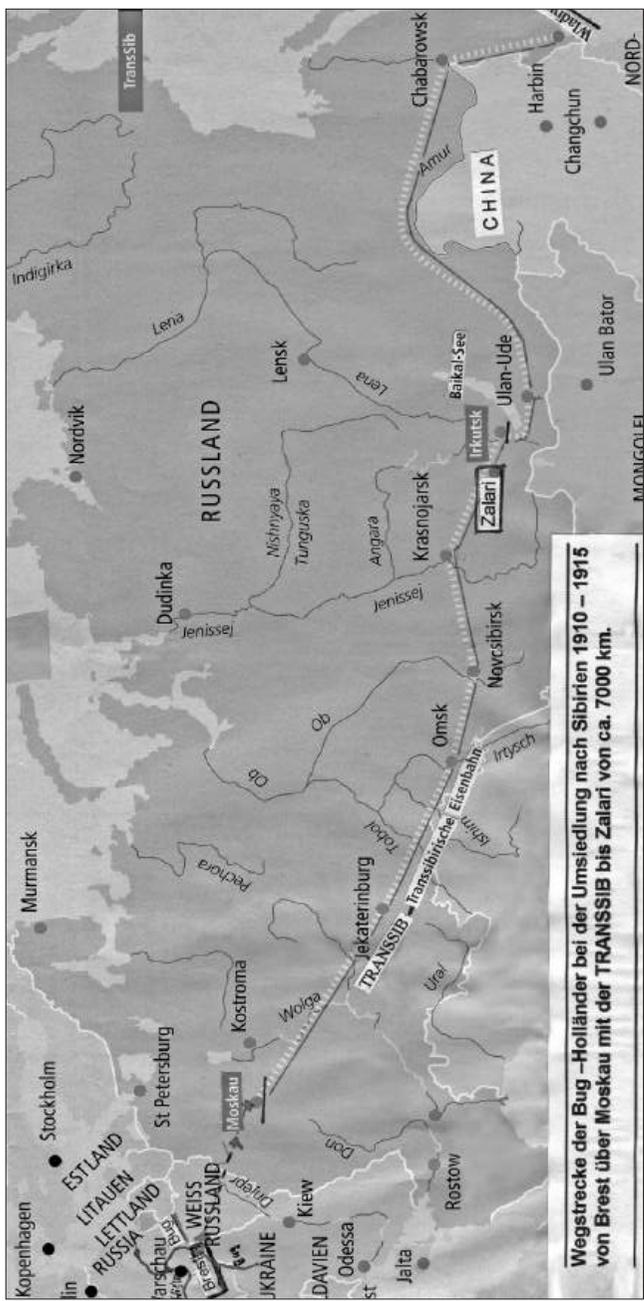
прусские чиновники изобрели ненаучный термин «Hauländer». Это название переняли некоторые польские пасторы / историки с тем, чтобы голендров отнести к выходцам из древней Польши. Но голендры были и являются этнически и исторически обособленной группой. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1893 г. подтверждает этот факт:

Голендры — въ Гродненской губ. подъ этимъ названіемъ извѣстны потомки голландцевъ, поселившихся здѣсь, вѣроятно, въ XIII вѣкѣ. Въ настоящее время, въ Врестскомъ у., существуетъ близъ мѣстечка Влодавы только двѣ колоніи ихъ—Нейбровъ и Нейдорфъ, населеніе которыхъ, забывъ свой природный яз., говорятъ на мѣстномъ нарѣчій, съ примѣсью польскихъ словъ.

В Сибири голендры были заново «открыты» лишь в 1994 г. сотрудниками Заларинского краеведческого музея и Иркутского центра по сохранению историко-культурного наследия при участии историка Натальи Галеткиной. Архитектура и особенности образа жизни, методы работы и ведения хозяйства сразу бросились в глаза сотрудникам. Внешне это были обособленные дворы с постройками из бревен и досок, где жилой дом, сарай, сеновал, кладовки находились под одной крышей. Форма поселения и метод строительства из бруса характерны для нижненемецких традиций, существующих начиная с XII столетия. Галина Макогон, директор Заларинского музея, пишет, что пихтинцев можно назвать «самыми яркими в плане сохранения этнографии, архитектуры, самыми показательными и самобытными в районе и области» (7, с. 16). Они живут, углубившись далеко в тайгу, поэтому смогли сохранить и свой образ жизни, и методы работы, и свои традиции.

Впечатления и пережитые чувства во время празднования юбилея

Наш приезд привлек большое внимание со стороны земляков, гостей праздника и средств массовой информации. Особого признания заслуживают планирование, организация и проведение юбилейного мероприятия рабочей группой, возглавляемой Иваном Зигмундовичем Зелентом и его заместителем Петром Мартыновичем Людвигом. Штаб рабочей группы мог полностью полагаться на рядовых членов группы. Кроме того, они привлекли к активному участию всех жителей. Открытие памятного камня, издание юбилейной книги под названием «Пихтинск. Судьбы через поколения...» (7), презентация в музее, но особенно финансирование за счет добровольных пожертвований голендров являются огромной заслугой наших земляков. Среди многих помощников и спонсоров, наряду с администрацией района, особо хочется отметить дирек-



Маршрут переселения голландцев в Сибирь: Брест—Москва—Залари

тора Заларинского краеведческого музея Галину Макогон и директора Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» Владимира Тихонова. На нас, многих гостей и всех присутствующих, произвело очень большое впечатление активное участие в проведении праздника потомков переселенцев из трех голландских деревень и их родственников из близлежащих регионов. Доказательством того, что это событие было далеко не рядовым, стало присутствие на празднике представителей трех телевизионных станций и прессы. Очаровывающие, неопишуемые события первых трех дней празднования юбилея, равно как и последующие встречи со многими семьями в Пихтинске, Среднем Пихтинске, Дагнике, Черемшанке, Ханжиново, Шелехове и Иркутске развеяли все имеющиеся у меня сомнения относительно того, что эта уникальная этническая группа людей действительно смогла выжить, и вселили в меня большую уверенность в том, что и в будущем они смогут сохраниться как группа. Призыв директора Заларинского музея Галины Макогон «сохранить пихтинских голлендров» и туристический проект «Этнографическое кольцо» Владимира Тихонова (8) были восприняты с воодушевлением.

Мы последовали зову Зигмунда Андреевича Зелента в его воспоминаниях 1974 г.: «Добро пожаловать к нам — в наши таежные края!» (5, с. 102). На юбилее вместе со мной и моим братом Вальдемаром присутствовали: Эльфриде Попко, урожденная Людвиг (Забужские Голендры) и Йохан Попко (Замостечье), Фрида Клеммер, урожденная Рыль, а также Карл-Хайнц Хюнебург (Hüneburg). Предки Фриды родом из Свержовских Голлендров, а Карла-Хайнца — из Забужских Голлендров. Даже имена свидетельствуют о нашей общей истории и общем происхождении с берегов Буга. И наши предки, и предки сибирских голлендров, наши деды и отцы родились еще в колониях бужских голлендров: Нейдорф-Нейбров, Новины, Забужские и Свержовские Голендры и Замостечье. Кроме того, фамилии ходоков Гинборг (Hinborg), Бютов (Bütow), Кунц (Kunz) и Гильдебрант (Hildebrand) звучат так же, как фамилии, высеченные на открытом памятном камне в Пихтинске. Первые колонии в Сибири назвались Замостечье и Новины, сегодня — Пихтинск и Средний Пихтинск.

Открытие праздника состоялось в пятницу 4 июля 2008 г. на лугах Пихтинска у р. Тагны. Среди мероприятий, включенных в программу открытия праздника, были и спортивные состязания жителей трех деревень, и песни, и танцы. В начале праздника был поднят флаг и зажжен огонь по случаю юбилея. 5 июля у клуба д. Средний состоялось главное торжество с поздравительными речами, открытием мемориального камня из черного мрамора, а также с традиционными песнями и танцами. Мэр Заларинского района А.Ш. Ахметов, генеральный консул Польши в Иркутске П. Марчиняк, председатель Совета по защите прав человека и потомок голлендров Иван Зигмундович Зелент приветствовали голлендров, их многочисленных родственников, присутствующих гостей и нашу делегацию из Германии. Выступающие воздали должное великим дости-

жениям и самопожертвованию группы поселенцев-голендров, их большой исторической роли в развитии Сибири. Мы также присоединились со своим приветственным словом ко всем предыдущим поздравлениям. Я и пастор Томас Граф Гроте (г. Шелехов) выступили с речью, которая была встречена бурными аплодисментами. Также подарки, которые мы привезли с собой, и пожертвования в размере 21 000 р. от земляков и друзей голендров, живущих в Мекленбурге — Передней Померании и по всей Германии, привлекли всеобщее внимание. Они явились выражением нашего признания и поддержки. Мы и все соотечественники в Германии хотим пожелать потомкам голендров в Сибири здоровья, счастья и успехов в делах, сохранения в будущем этого уникального этнического сокровища в сибирской тайге.

Затем я передал Петру Людвигу приветственные послания из Германии:

— От уполномоченного по правам человека волынских немцев в Комитете помощи евангелическо-лютеранской церкви Ганновера пастора Оливера Бере и от исторического общества Волыни, нового председателя Герхарда Кёнига и председателя Волынского музея переселенцев в Линстове Йоханнеса Хербста.



Члены штаба по организации празднования 100-летия Пихтинска, слева направо: Галина Макогон, Валерий Кунц, Наталья Людвиг, Елена Людвиг, Петр Людвиг, Людмила Коршунова, Иван Зелент. Октябрь 2007 г.



На расширенном заседании штаба по организации празднования 100-летия Пихтинска в Заларинском краеведческом музее: впереди Леонид Зелент и Густав Кунц (внук ходока Ивана Бютова). Октябрь 2007 г.

— От председателя Общества дружбы с народами Восточной Европы земли Мекленбург — Передняя Померания Керстин Фогт на русском языке.

Волнующим для всех присутствующих после открытия памятного камня стало его освящение и прочтение псалма на польском языке Адольфом Кунцем. Но польский язык понимают только пожилые люди. Поэтому вслед за этим вся община читала молитву «Отче наш» на русском языке с новым пастором евангелическо-лютеранской церкви Томасом Графом Гроте. Юбилей стал своего рода прелюдией к созданию лютеранской общины на русском языке. Наличие такой общины приведет молодежь и подрастающее поколение к лютеранской вере и позволит не потерять переданные предыдущим пастором отцом Игнацы Павлусем знания Библии и литургии.

Этот 100-летний юбилей стал возможен лишь благодаря характеру и силе воли наших предков, их активных и трудолюбивых потомков: сыновей, дочерей, внуков и правнуков. И стар и млад здесь были заодно. Издание книги по случаю юбилея и составление родословных своих семей стали своеобразным памятником нашим предкам, которые 100 лет назад

ступили на землю сибирскую. И открытие мемориального камня, и выход в свет книги, посвященной юбилею, презентации в музее, а также мероприятия на протяжении всех дней празднования годовщины — проведением этих акций мы отдавали дань памяти нашим предкам. Для этого разыскивались и были найдены архивные материалы из Санкт-Петербурга, Иркутска и Залари. Надпись на мемориальном камне из черного мрамора на въезде в д. Средний перед клубом отражает историю голендров и напоминает об историческом значении аграрной реформы Столыпина, которая сделала возможным успешное поселение крестьян в Сибирь, в том числе и наших предков.

Большой памятный камень содержит слова Лютера: «Надежное пристанище — наш Бог, надежная защита и мощное оружие», крест Лютера и розу Лютера. Он выражает твердую веру и набожность голендров. С другой стороны камня есть надпись: «Участникам боевых действий в Великой Отечественной войне, трудовой армии и репрессированным».

Второй, малый памятный камень посвящен памяти первых переселенцев / ходоков в Пихтинске: Андрею Гинборгу (Барас), Ивану Гильдебранту (Токар); Ивану Бютову и Петру Кунцу. В самом низу на камне стоит надпись: «Пихтинску — 100 лет. Установлен 05. 07. 2008 г.». Сразу



Официальное открытие праздника в Пихтинске. 4 июля 2008 г.



На открытии мемориального камня 5 июля 2008 г. в Среднем Пихтинске, справа старейшины: Густав Зелент и Адольф Кунц

же после закладки этого памятного камня и в последующие дни жители и их гости полностью завладели этим местом. Вряд ли нашлась бы хоть одна семья, члены которой не собирались у памятника, чтобы всем вместе сфотографироваться и тем самым навеки запечатлеть историческую значимость происходившего события. Как и на Буге, и в первые годы поселения в Сибири, сегодня действует принцип жизни и работы: «один за всех и все за одного».

Этот тип поселенца в районах с экстремальными природными условиями так был описан профессором Серафимом: «Трезвый ум, жесткость по отношению к самому себе и окружающему его миру, упорство, трудолюбие и терпение. Только такой тип людей, у которых суть колонистов так глубоко сидит в крови и у которых их ярко выраженное стремление хозяйствовать так тесно связано с глубокой верой в Бога, способен принять лишения, что само по себе может привести к успеху». Эти качества и навыки, связанные с лютеранской верой, привели к тому, что обособленная, замкнутая группа голендров выжила тогда в тайге, сохранилась до сегодняшнего дня и обеспечила себе успешное будущее.

В воскресенье в деревнях был праздник, и семьи отмечали его вместе со своими родственниками и гостями. К мероприятиям этого дня относится посещение кладбищ в Пихтинске и Дагнике, чтобы вспомнить

умерших первых поселенцев и их потомков первого и второго поколений и отдать им должное.

Все десять лет после первой встречи в Пихтинске в 1994 г. пихтинские деревни вызывают большой интерес в обществе, говорит Галина Макогон. Интерес проявляют и ученые, и средства массовой информации, и представители районов и всей России, как, например, Н. Галеткина с ее публикацией в журнале «Вестник Евразии» (Москва, 1998 г.) (2), Анатолий Голубовский со статьей в журнале «Итоги» с прекрасными цветными фотографиями Александра Сорина (Москва, 1998 г.) (3), корреспондент Николай Видонов из радиостанции «Голос России» (май 2008 г.) и др. Ведущую роль все же играют Заларинский музей, музей «Тальцы», а также публикации в газетах и журналах. Директору Заларинского музея Г. Макогон, несмотря на огромные трудности, удалось в 1992 г. добиться, чтобы пихтинский комплекс был причислен к историческим объектам культурного наследия Заларей. Г. Макогон является также активным сторонником и инициатором встреч в Заларях и Пихтинске. Первая встреча голендров состоялась 7 октября 1994 г. в Пихтинске. Затем встречи проводились в Заларях и Пихтинске регулярно. В 1997 г. во время встречи



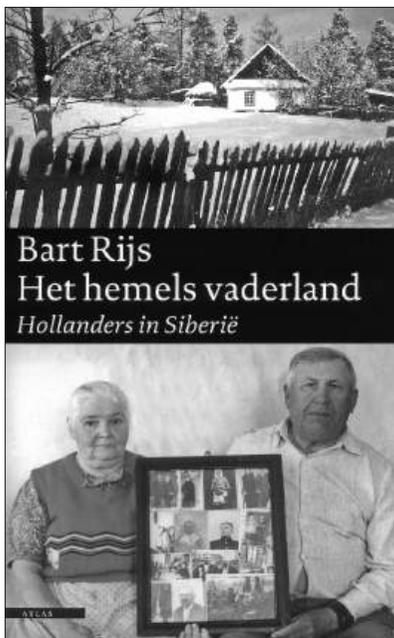
Мэр Заларинского района А.Ш. Ахметов обращается с приветственным словом к присутствующим и объявляет о начале празднования юбилея в деревне Средний Пихтинск. Слева от него генеральный консул Польши в Иркутске П. Марчиняк. 5 июля 2008 г.



***Эдуард Бютов зачитывает приветственные послания.
Средний Пихтинск, 5 июля 2008 г.***

в Заларях Н. Галеткина представила свою статью «Бужские голендры в Сибири и Германии» в журнале «Земля Иркутская» (1). Во время пихтинской встречи в 2003 г. состоялась, в частности, презентация моей книги «Бужские голендры на Волыни» (9). Во время моего первого визита в 2004 г. в Пихтинск меня сопровождала Г. Макогон. Мы обменялись литературой, фотографиями и документами.

Голендры были удостоены также международного внимания. За такую широкую известность следует поблагодарить историка Н. Галеткину, разыскавшую много научной информации о голендрах, и голландского журналиста Барта Рийса (Rijs). С ними обоими я обмениваюсь информацией и результатами поисков. Наталья Галеткина посетила в 1995 г. бужских голендров в Германии и сопровождала меня во время моей поездки в Сибирь в 2004 г. В трех голендрских деревнях мы собрали много информации во время разговоров со старейшими свидетелями прошлых событий. Потом мы обменялись полученными сведениями. Это дало возможность не только нам обоим глубже познать голендров, но и голендрам познать самих себя. Барт Рийс был у меня в гостях в Шверине. Для книги, которую он планирует написать, он сделал интервью со мной, кроме того, в качестве информационной поддержки я дал ему дискеты с записями моей находившейся тогда в работе книги «Бужские голендры на Волыни».



Титульный лист книги Барта Рийса «Небесное отечество. Голландцы в Сибири», 2005 г.

Затем он посетил бывшие колонии на Буге. В г. Ровно, который раньше граничил с колонией Замостечье, он имел возможность поговорить с нашим украинским другом Иваном Форманюком.

В сентябре 2000 г. мы встретились в Уелцене на организованных историческим обществом волынских встречах. Там я имел возможность передать ему свою изданную к тому времени книгу «Бужские голландцы на Волыни. Следы и история» (9) для наших соотечественников в Сибири. В Пихтинск / Иркутск Барт Рийс поехал в 2005 г. Он завершил свою книгу на голландском языке «Het hemels vaderland. Hollanders in Siberië» — «Небесное отечество. Голландцы в Сибири» (10). Название книги пришло автору на ум во время интервью со старейшим поселенцем. На вопрос: «Кто вы?» относительно его национальной идентичности (поляк, украинец, немец, голландец) он ответил: «Мы голландцы, и наше отечество в небе».

От Барта Рийса я получил ценный материал (документы, фотографии А. Сорина и несколько статей на русском языке). Многие из этого я взял для моей новой книги.

История колонизации Сибири

История Сибири под российским господством началась с момента ее завоевания русской купеческой семьей Строгановых в XVI в. В 1582 г. татарское царство в Сибири было завоевано казаками под предводительством Ермака Тимофеевича. Даже сегодня обелиск с портретом Ермака напоминает о тех временах. В 1586 г. был основан первый сибирский город — Тюмень. В XVII–XVIII вв. проходил процесс заселения сибирских просторов русскими крестьянами и ремесленниками. Заселялись в основном земли Западной Сибири. Вплоть до XIX в. Сибирь являлась поставщиком драгоценных мехов. Славилась она также охотничьими угодьями. Освоение и использование существующих ресурсов из-за больших расстояний и сурового климата было раньше и остается по сегодняшний день тесно

сопряжено с экстремальными условиями труда и жизни. Вечная мерзлота и низкая температура воздуха зимой (до -40 – -50°) были самой большой проблемой. До смены столетий в 1899–1900 гг. заселение Сибири было незначительным и происходило как бы по двум направлениям, с одной стороны — государством, с другой — народом. Заселение Сибири государством осуществлялось главным образом в форме принудительного поселения там преступников, провинившихся казаков. Пограничные регионы были отведены для заселения заключенными и депортированными. Добровольное поселение людей ограничивалось переселением крестьян в основном из-за более мягкого климата и лучших почвенных условий в Западную Сибирь (Тобольск, Томск).

Первый указ царя о колонизации Восточной Сибири и Забайкалья в 1799 г. потерпел неудачу из-за широко распространенных коррупции и произвола чиновников. Площадь земель, которые возделывались крестьянами, была ничтожно мала. Большое значение имело назначение на пост министра Сперанского. Согласно докладу 1820 г., представленному Ядринцевым, Сперанский пересмотрел методы самоуправления, чтобы уменьшить коррупцию, деспотизм и произвол. Многие жалобы, направляемые тогда в Санкт-Петербург, касались нового указа от 1822 г., который включал и способы получения разрешения на выход поселенцев из крестьянских общин, и получения права быть избранным «крестьянским делегатом» для выбора земель. Лишь в 1822 г. государство и общество были уведомлены о несоответствиях в Сибири и начали всерьез присматривать за законной дочерью царской империи. В 1838 г. было основано Министерство государственной собственности во главе с графом Киселевым. Этот период либерального правления Киселева (1839–1865 гг.) был отмечен особенно гуманным отношением к переселенцам. Благодаря этому у крестьян государственных вотчин появилась возможность уйти в Сибирь от крепостного права, тяжелого экономического положения и религиозного давления. В степных районах каждой семье причиталось 15 десятин земли. Также полагались привилегии на месте, такие как 100 штук бревен + 20 р. каждой семье, отсрочка от военной службы и освобождение от уплаты налогов сроком на 4 года.

Большое количество крепостных бежали от своих землевладельцев, и государство уже не справлялось с задачами отлова беглых крестьян и возвращения их землевладельцам. Но социальные условия в России и господство землевладельцев еще долго препятствовали решению вопросов в области сельского хозяйства. В 1855 г. в день своей коронации Александр II сказал: «Лучше крепостное право отменить сверху, чем ждать, пока оно будет отменено снизу». В 1861 г. крепостное право было отменено. В России возник класс свободных крестьян, наделенных правами человека. Но после освобождения крестьян в 1861 г. возможность выделить землю для мелких землевладельцев, для класса крепких фермеров с небольшими наделами земли и широких масс безземельных сельских жителей оказалась слишком невеликой.

Отсутствие достаточного количества земли не позволяло правильно использовать пахотные земли, применять систему севооборота, что, в свою очередь, не вело к повышению урожайности. Но заинтересованные группы землевладельцев обладали еще слишком сильной властью и влиянием в сельском хозяйстве. Тогдашний министр внутренних дел граф Толстой начал с помощью комиссии процесс либерализации, с тем чтобы сделать возможным «переселение для всех, кто находится в бедственном экономическом положении». С 1897 г. функции выдачи разрешений на переселение были переданы губернским администрациям. Это привело к ограничению своевольной эмиграции. Граф Толстой подготовил в 1889 г. закон и разработал правила, касающиеся переселения крестьян с основной территории России. Согласно этому закону каждый крестьянин и горожанин имели право на миграцию с предоставлением им финансовой поддержки. Толстой был слишком консервативным и ставил интересы коронованной персоны выше жизненных условий крестьян и безземельных людей. Формальное предоставление разрешений, а также плохая работа созданных контор и переселенческих филиалов по маршруту привели к неконтролируемому переселению и сильной обратной миграции. Поэтому шаги вперед были очень незначительными.

В аграрной России эмиграция населения происходила в двух направлениях: на запад (в 1905 г. в Америку: 184 897 душ), а также на восток (в Сибирь с 1900 г.). Наибольшего взлета эмиграция достигла в годы аграрной реформы Столыпина. Царь Александр III призвал Совет министров к последовательной реализации программы по заселению Сибири. Профессор Крамер знакомит царя с докладом генерал-губернатора графа Игнатьева: «Я прочитал много докладов губернаторов Сибири. И с чувством горя и стыда я должен признаться, что до сих пор правительство практически ничего не сделало для удовлетворения потребностей этой богатой, но забытой стороны. Но уже пора, давно пора».

Самый большой бум освоения Сибири начался со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали. Длина Транссиба (годы строительства — 1891–1916) от Ярославского железнодорожного вокзала в Москве до Владивостока составила 9 302 км. Это была самая длинная железная дорога в мире. Транссибирская железнодорожная магистраль стала главным видом транспорта и основной осью развития и освоения Сибири. Первый камень для железнодорожного строительства во Владивостоке заложил Александр III 31 мая 1891 г. После основания Комитета Сибирской железной дороги 2 декабря 1896 г. при министре внутренних дел было также создано управление по вопросам переселения с четко определенными обязанностями, а именно выдача разрешений, распоряжение займами и принятие всех необходимых мер для обеспечения переселения людей. Комитету по вопросам переселения под руководством секретаря Куломзина было поручено «заселение Сибири взять в свои руки

и осуществлять регулирование всех вопросов по переселению». Ему подчинялся Комитет по поиску подходящих земельных участков и регулированию земляных работ. В Санкт-Петербурге был создан центральный орган по земельному регулированию и сельскому хозяйству. Его целью было:

- ограничение формализма при переселении в Сибирь и поселении там;
- совершенствование организации медицинской помощи и санитарии;
- урегулирование распределения земли для поселенцев.

Для выявления подходящих районов и регулирования проведения земельных работ комитетом под руководством Куломзина, Чихаева были организованы экспедиции в Сибирь. Участники экспедиций имели четкие обязанности, которые излагались в положениях о крестьянских делегатах / ходоках. Каждый имел право направить одного не имеющего ранее судимостей ходока. В обязанности делегированных от семей или общин ходоков входил скрупулезный осмотр новых земель с тем, чтобы затем выбрать наиболее подходящий участок земли. В ст. 7 нового закона говорилось: «Выбранные ходоками земельные участки находятся в управлении местных органов власти, которые руководят процессом заселения», и сроком на два года эти участки закреплялись за переселенцами.

Принятый 6 января закон стал в сравнении с предыдущими законами большим шагом вперед. Вопросами переселения теперь занималась специальная комиссия, возглавляемая Куломзиным и имеющая в своем составе трех министров и ряд губернаторов. С имперским советом требовалось обсуждение и утверждение следующих вопросов:

1. Средства для улучшения положения коренного населения, нуждающегося в земле.
2. Укрепление российской власти в отдаленных пограничных районах.

Аграрная реформа в России и Столыпин

Петр Аркадьевич Столыпин с 1906 по 1911 г. был министром внутренних дел и премьер-министром царского правительства, и, надо сказать, довольно консервативным министром. Его аграрная реформа заложила основу ориентированного на рынок, направленного на русских крестьян сельского хозяйства. Особый упор делался на частную собственность. В результате крестьянского восстания в Черниговской губернии (Полтава, 1902 г.) Столыпин принял предложения тогдашнего министра финансов Витте, содержащиеся в законе о переселенцах от 6 июня 1904 г. Указом от 10 марта 1906 г. этот закон был расширен и провозглашено свободное переселение крестьян с предоставлением им привилегий и конкретной поддержки. Но указом от 9 ноября 1906 г.

было четко прописано право на частное землевладение. Традиционная форма «земской организации / общины», которая в европейской части России имела успех, имперским советом была отменена и правительством упразднена. Оценивая процесс заселения Сибири, Рич в 1912 г. пишет: «Право на организацию кооперативов, артелей / ассоциаций позволило бы крестьянам совместно покупать дорогостоящие оборудование, семена, удобрения, и одновременно привело бы к росту объемов продаж сельскохозяйственной продукции. Но правительство всячески способствовало развитию в Сибири лишь частных землевладений, что могли себе позволить только зажиточные фермеры. Перемещению более слабых в финансовом отношении поселенцев ставились всяческие препоны, в частности им отказывали в предоставлении финансовой и другой поддержки. Это помешало достижению больших успехов в вопросе переселения, потому что вместо десятков тысяч возможных переселенцев росло лишь число финансово крепких землевладельцев». Исследования, проведенные университетом Цюриха путем опроса 1 002 семей, эмигрировавших в 1907 г., доказывают существование в 1913–1914 гг. этих негативных тенденций. Переселенцы не эмигрировали в Восточную Сибирь. 84,2 % из них были неграмотными, 25 % не имели земли и 23,7 % имели всего по 4–6 десятин земли. Размер привезенных с собой в Сибирь денежных средств составил: у 39,9 % переселенцев — 50–100 р., у 45,5 % — 100–300 р.

Благодаря Столыпину многие тормозящие процесс ограничения с 1907 г. были сняты. Право на свободный выход из общины и переход земельных участков в личную собственность позволяло переселенцам продавать свои земельные наделы. Тем самым они выручали денежные средства, столь необходимые для переезда и обустройства на новом месте.

История иммиграции голендров и аграрная реформа Столыпина

Старая русская пословица о Сибири «100 рублей — не деньги, 100 лет — не возраст, 100 километров — не расстояние» точно определяет историю и жизнь голендров. Еще при царе, а затем и при Сталине самые отдаленные деревни Восточной Сибири были местом изгнания осужденных и политических заключенных. После подавления восстания декабристов 14 декабря 1825 г. в Санкт-Петербурге осужденные также были высланы в Сибирь. В случае непослушания до самой Европы была распространена знаменитая поговорка: «Марш в Сибирь». Несмотря на этот устрашающий дух, семьи все же решались на добровольное переселение. Отмена крепостного права в 1861 г. и строительство Транссибирской железной дороги в 1891 г. создали основу для переселения. Как уже отмечалось, Столыпин принял предложения министра

финансов Витте и указом от 10 марта 1906 г. провозгласил свободное переселение с привилегиями и поддержкой для переселенцев. Когда Столыпин побывал в Сибири, то увидел там только обширные лесные массивы, степи, болота, которые требовали культивации. Поэтому был принят соответствующий указ и определены мероприятия по улучшению условий для поселенцев.

При Столыпине процесс переселения контролировался уже значительно лучше. С 1909 по 1910 г. свободное переселение разрешалось только в те районы, где переселенцы сталкивались с наибольшими трудностями при культивации земли. К ним относятся, в частности, регион Транс-Байкала, который тогда был определен для поселений голендров. После поездки Столыпина с Кривошеиным в Сибирь в его докладе отмечалось: «Это был большой шаг вперед. Лучшие земли уже заняты. Имеются только широкие степи и лесные массивы, культивирование которых потребует от переселенцев огромных усилий. Однако поскольку Сибирь еще так мало изучена, можно с уверенностью сказать, что пригодных для заселения земель здесь еще очень много».

Доклад свидетельствует также и о негативной тенденции. «В Сибири вперед дело продвигается медленно, и это затрудняет освоение земель». Проводимые правительством мероприятия касательно организации работы по колонизации Сибири оказались недостаточными. При всем этом подготовка новых земель требовала больших финансовых вложений. Необходимые земельные участки, дороги, колодцы, а также пункты медицинской помощи построены не были. Большое число переселенцев проживало в Сибири без надлежащим образом оформленных документов. Комиссии по переселению не справлялись со своими обязанностями. Это вело к тому, что согласно отчетности государственных органов поток переселенцев не вырос, несмотря на то, что сумма кредитов выросла с 5 до 25 млн р., количество должностных лиц, руководящих переселенческим процессом, увеличилось с 800 до 3 000 человек. Специальная комиссия в составе трех министров и нескольких губернаторов под председательством Куломзина изучила вопросы, связанные с переселением в Сибирь, и получила одобрение имперского совета. В интересах нуждающегося в земле коренного населения и укрепления российской власти были доработаны имеющиеся и приняты новые важные положения для облегчения открепления крестьян от старого места проживания и поселения на новом, направленные на:

— проведение осушительных и почвенных дренажных работ с целью сделать тайгу и болотистые участки пригодными для культивирования;

— упрощение работы комиссий по переселению, расширение их функций, выделение денежных средств для организации санитарной и медицинской помощи и создание путей сообщения в виде железных и сельских грунтовых дорог;

— создание привилегии для ходоков во время их поездок железнодорожным транспортом, при оформлении сопроводительных документов и организация всяческой помощи со стороны администраций и контор по переселению.

В 1910 г. в Сибирь поехали четыре ходока, чтобы выбрать земельные участки. Их партнером был крестьянский начальник Адам Адамович Райнерт, работавший в переселенческой конторе на ст. Тыреть и бывший уполномоченным по вопросам переселения в Пихтинский район. Ходоков звали: Андрей Гинборг (Hinborch), Иван Гильдебрант (Hildebrand), Иван Бютов (Bütow) и Петр Кунц (Kunz). Все они были уполномоченными представителями семейств на Буге. В присутствии А.А. Райнерта была отведена земля для будущих пихтинцев, всего 24 земельных участка, каждый площадью в 15 десятин. Эти земли располагались на Саянском мысе со стороны железной дороги и деревень коренных жителей. В 1911 г. прибыли первые две семьи переселенцев. Весной 1912 г. прибыла еще одна группа из 200 поселенцев в Пихтинск Балаганского района Иркутской губернии, которые основали деревни Новыны, Замостечье и Дагник.

Людвиг Мартин Мартинович, дед Петра Людвиг — хозяина дома, в котором нас принимали, прибыл в Дагник вместе со своей семьей в



Альвина Зелент за более чем 200-летним ткацким станком, который был привезен из Замостечья на Буге

1911 г. С ними прибыли еще две семьи. Так начал основываться Дагник.

В Сибирь они добирались на поезде из Бреста через Ярославский вокзал в Москве, а затем дальше по Транссибирской железной дороге к ст. Залари. Пересаживаясь из одного поезда в другой, им приходилось также перегружать весь свой багаж, состоявший из домашней утвари, хозяйственного и рабочего инвентаря: плугов, прялок, ткацких станков, бочек, инструментов. В Заларях они купили телеги и лошадей и последние 80 км пути к выбранной в тайге земле преодолевали на лошадиных упряжках. Они сами себе казались авантюристами. Здесь они не находили привычных речных долин, как на Буге, и деревья здесь были не как деревья, а как непроходимые заросли, а ручьи — как болота. Наталья Галеткина так передает воспоминания о прибытии Карла Григорьевича Людвига: «Такой лес густой был, что от одного дома не видать было другой» (1, с. 46). Сначала нужно было корчевать лес. Это был очень тяжелый труд, поэтому государство поддерживало поселенцев и к основному кредиту выплачивало еще дополнительные деньги за каждый выкорчеванный участок земли.

В 1912 г. уже появился первый опорный пункт медицинской помощи в с. Тагна Балаганского уезда. В том же году из срубленных веток была построена первая дорога между Заблагаром и Харагуном (45 верст). Дороги вели к поселениям Дмитриевка, Мостовка, Метёлкино, Исаковка, Черемшанка, Каменка, Пихтинск. На пихтинском отрезке длина дороги составляла 32 км. Для ее строительства потребовалось три года (1909–1912). Стоимость дороги составила 29 551 р.

Барт Рийс также написал в 1998 г. о первопроходцах. В своей статье он привел высказывание старейшего, 95-летнего, пихтинца Густава Людвига, который пережил переезд в Пихтинск: «В первые годы мы жили в землянках, и деревья в лесу мой отец корчевал голыми руками. Затем он построил дом, в котором мы живем до сих пор». Он также знал секреты рубки в «лапу» и в «ласточкин хвост», которые применял при строительстве жилья.

Религия и набожность

Строительство, сохранение и обеспечение безопасности хозяйских построек в тяжелых условиях было возможным лишь, во-первых, благодаря сильной принципиальной позиции с четко выраженной набожностью и религиозностью и, во-вторых, сообща тесным коллективом. При обособленном образе жизни голендров евангелическая вера занимала у них прочное место. Учителя Вильяма Гильдебранта они избрали пастором, который до самой своей смерти в 1925 г. проводил богослужения. Кроме того, в его доме была организована школа, где занятия велись на польском языке. Впоследствии учителем религии избрали А.М. Зелента. На него было также возложено выполнение религиозных обязанностей,

которые он исполнял до тех пор, пока его в 1929 г. не интернировали. Молитвенники, Библия и песенники готическими буквами (Kantional Pruski) занимали почетное место в каждой семье. Переселенцев поддерживал протестантский пастор Вальдемар Сиббуль из Иркутска. В 1912 г. первый пастор евангелическо-лютеранской церкви Сиббуль прибыл из Иркутска в Пихтинск. В письме от 14 августа 1912 г. крестьянскому начальнику А.А. Райнерту он так описывает голендров: «Народ трудолюбивый, молодой, благочестивый и знающий рациональную обработку земли, но бедный» (7, с. 24). В то же время он попросил о финансировании строительства часовни, строительная площадка которой по настоящее время находится у клуба. Пастор Сиббуль также благословил место под строительство кладбища между Пихтинском и Средним Пихтинском. Но разразившаяся Первая мировая война помешала строительству часовни и затормозила наметившиеся к тому времени позитивные изменения в жизни голендров. Поэтому набожные лютеране вынуждены были для молитв собираться в частном доме.

После революции, в 1930-х гг., в период насаждения коллективизации и социалистического воспитания детей, религия, особенно из умов молодежи, была вытеснена.

В 1994 г. пихтинцы пригласили католического священника Игнацы Павлуся. О совместном богослужении с пастором пишет Анатолий Голубовский в журнале «Итоги»: «Теперь отец Игнатий бывает здесь каждый месяц: „Это мой любимый приход. Они очень естественны и чисты в отношениях с Богом. Эту естественность нельзя нарушить католическим или любым другим обрядом“. <...> На свадьбы, похороны и крестины отца Игнатия не приглашают, а все делают сами, как привыкли. При этом относятся к нему дружелюбно. <...> Служба католического ксендза и его лютеранской паствы проходит так: кто-то из стариков читает „Отче наш“ по-польски, потом отец Игнатий служит литургию по-русски. А после заключительных лютеранских псалмов, исполняемых по-польски, все садятся за стол, говорят о Боге, немного выпивают, закусывают и поют по-русски что-нибудь вроде „Эх, мороз, мороз...“» (3, с. 48).

Отец Игнацы в журнале «Тальцы», посвященном сибирским голендрам, написал гимн Пихтинску (6, с. 82–93). Со старейшими пихтинцами, такими как Рудольф Гильдебрант, Адольф Кунц, он все еще поддерживает контакты, они переписываются. Во время встречи в 2008 г. я видел эти письма, которые хранятся в музее.

Имена некоторых ходоков / эмигрантов

До сегодняшнего дня я смог найти не очень много информации о переселении голендров с берегов Буга в Сибирь, подкрепленной достоверными документами (об их именах, о колониях и временных отрезках). Некоторые из них я все же представлю вам сейчас.



Голендры из Германии, слева направо: 1. Эдуард Бютов. 3. Фрида Клеммер, урожденная Рыль. 4. Эльфриде Попко, урожденная Людвиг. 6. Вальдемар Бютов. 10. Йоганн Попко. 11. Карл-Хайнц Хюнебург вместе с Петром Людвигом (5) из Среднего и другими Людвигами из Шелехова. 4 июля 2008 г.

Решение общины Забужские Голендры от декабря 1913 г., на русском языке.

От жителя тогдашней колонии Забужские Голендры К.Н. Хюнебурга (Hüneburg) получил я один документ. В нем речь идет о том, как 38 фермеров из колонии Забужские Голендры, чтобы погасить банковскую задолженность по договору купли от 1905 г., приняли решение забрать себе в пользование земли, покинутые уехавшими в Сибирь крестьянами. В решении содержатся имена переселенцев, а также имена крестьян, которые берут землю в пользование. Переселенцами были: Мартин Мартинович Людвиг, Готлиб Михайлович Людвиг, Анна Мартиновна Бытова, Мартин Христианович Людвиг, Григорий Петрович Кунц (может быть ходоком Петром Кунцем); Михаил Михайлович Людвиг, Иван Григорьевич Гиниборг, Михаил Мартынович Кунц, Мартин Андреевич Людвиг, Карл Михайлович Гиниборг, Иван Петрович Кунц II, Михаил Христианович Людвиг. Вышеназванные люди не имеют ничего против передачи их земли в бессрочное пользование и наследование следующим жителям их деревни.

Передача земли от выехавших	Деся- тин	Приняли участки крестьяне из колонии
Мартин Мартинович Людвиг	3,0	Иван Андреевич Кунц
Готлиб Михайлович Людвиг	2,9	Иван Мартынович Кунц
Анна Мартиновна Бытова	1,0	Карл Иванович Людвиг
Мартин Христианович Людвиг	0,52	Михаил Григорьевич Людвиг
Михаил Михайлович Людвиг	2,85	Иван Иванович Людвиг
Иван Григорьевич Гиниборг	3,62	Иван Григорьевич Гиниборг
Михаил Мартынович Кунц	4,29	Андрей Иванович Кунц
Мартин Андреевич Людвиг	4,0	Андрей Андреевич Людвиг
Карл Михайлович Гиниборг	3,9	Андрей Михайлович Гиниборг
Михаил Михайлович Людвиг	2,69	Карл Михайлович Гиниборг
Иван Петрович Кунц II	1,8	Петрович Кунц
Иван Петрович Кунц	1,61	Иван Андреевич Кунц
Иван Андреевич Кунц	5,17	Михаил Андреевич Кунц
Михаил Христианович Людвиг	2,48	Вильгельм Григорьевич Людвиг
Мартин Мартинович Людвиг	2,40	Карл Иванович Гильдебрант

Подлинность подписей и печатей подтверждается: печать и подпись старосты правления Гуца Повер, писарь правления Гуца Мозгов.

Точное место их поселения в районе Пихтинска до настоящего времени не определено.

Об именах, местах происхождения и местах поселения в Сибири

Первые данные в церковной книге Иркутской лютеранской церкви.

В Иркутском архиве находятся регистры записей актов гражданского состояния голендров.

Рождаемость: 17 апреля 1911 г. в Пихтинске появился на свет первый ребенок. Это была Бронислава Зелент, дочь Иоанна Зелента и его жены Розалии (урожденная Попко).

К 1914 г. было рождено еще 15 детей.

Первое бракосочетание состоялось в Иркутске 24 января 1916 г., его совершил пастор Сиббуль. Молодоженами были Адольф Людвиг и Паулина Розалия Зелент, оба они родились в Нейдорф-Нейброве. Следующие два бракосочетания состоялись 26 мая 1918 г. в Иркутске. Тогда сочетались браком: первая пара — Михаил Кунц, родившийся в Забужских Голендрах, с Анной Анитой Гильдебрант, родившейся в Нейброве, вторая пара — Питер Кунц, родившийся в Забужских Голендрах,

с Августиной Зелент, родившейся в колонии Нейбров. Их венчал пастор Сиббуль.

В течение четырех лет было создано 20 новых семей. В брак вступали жители Пихтинска только между собой. Последующие свадьбы праздновались в мае-июне 1919 г. в Иркутске по старому обычаю (как на Буге), и пары молодожены выбирали себе исключительно из своих.

В исследовании этой темы историкам и этнографам в Германии и в Сибири еще многое предстоит сделать. Большим шагом вперед в этом деле стали прекрасные статьи и заметки в изданной по случаю юбилея книге и семейные родословные, хранящиеся в музее Пихтинска. Материалы Иркутского архива и метрические книги, выданные ЗАГСом в Хор-Тагне в 1921 г., где, со слов Галины Макогон, имеется 14 записей гражданского состояния крестьян Пихтинска, являются дополнительными источниками информации. Кроме того, переданный нами диск с данными о метрических записях предков сибирских голендров, проживавших в 1894–1913 гг. в колониях на р. Буг, также важный источник информации. Там имеются сведения как на русском, так и на немецком языках. Изучая эти записи, мы нашли два интересных документа, свидетельствующих о том, что дед и отец Альвины Адольфовны Зелент, урожденной Кунц, из Пихтинска, родились в Штульно на Буге: дед Михаил Михайлович Кунц — в 1879 г. и отец Адольф Кунц — в 1907 г. Надпись на могильном камне Адольфа Кунца на кладбище в Пихтинске также подтверждает год его рождения — 1907. На диске имеются данные и о предках Натальи Людвиг, урожденной Зелент (жены Петра Людвиг) из Среднего Пихтинска. Свидетельство о браке от 1882 г. подтверждает бракосочетание в часовне Штульно жениха Мартина Зелента и невесты Розалии Кунц. Мартин Зелент является сыном колониста и его жены Анны, урожденной Людвиг, из Штульно. Розалия — дочь Андрея Кунца и его жены Анны, урожденной Пастрик, из Штульно.

О ходеке Яне Бютове

Во время поиска следов ходока Яна Бютофа (Bütöf) в Сибири мне удалось установить родственную связь между ним и моим дедом Яном Бютовым, родившимся в 1869 г. в колонии Забужские Голендры. Имеющееся свидетельство о рождении с высокой степенью вероятности доказывает происхождение ходока, как и моего деда, из Штульно / Забужских Голендров. Он родился в 1849 г. в Штульно и являлся сыном Андрея Бютофа и Анны, урожденной Рыль. Исходя из этого можно с уверенностью считать моего деда Яна Бютова родственником того самого ходока. Свидетельства о рождении Андреаса Бютофа (Bütöf) от 1849 г. и его сына Яна (Иоанна) Бютова от 1873 г. являются доказательством этого. Следующая волна миграции из Штульно через Буг к Забужским



Туфилия Кунц, урожденная Бютова (дочь ходока Яна Бютова) с дочерью

Голендрам была после 1873 г. В качестве ходока в Сибири Ян Бютов выбирал в 1910 г. земельные участки для семей, фамилии которых до сегодняшнего дня остаются неизвестными. Сам он обосновался в Замостечье, ныне Пихтинск. В первом браке на Буге, еще до переселения в Замостечье, у Я. Бютова родились дочери Туфилия (Tufilia) (1908) и Софья (Sofia) Ивановна. Сын Густав Иванович родился уже после переселения в Замостечье (Пихтинск) во втором браке с Элизабетой (Elisbeta), урожденной Кунц. У Густава Бютова было четверо детей (дочери Августа, Туфилия, Зоя и сын Эмиль). Все они уже умерли и похоронены на кладбище в Пихтинске. Из трудовой армии бывшие ходоки в Пихтинск уже не вернулись, а поселились в Пермской области, Добранский район, с. Верхний Луг. Там сейчас должны жить еще шестеро детей и правнуки Зоя, Юлия, Галя, Миша и Ваня. Дочь от первого брака Туфилия Ивановна вышла замуж за Кунца и жила до своей смерти 13 февраля 2000 г. в Дагнике. В Дагнике еще живут внуки и праправнук ходока Яна. В 2004 и 2008 гг. мы были в гостях у одного из его внуков — Ивана Густавовича Бютова. Дальнейшее изучение имеющихся материалов, безусловно, будет приносить дополнительные сведения.

Удары судьбы голендров

Жизнь бужских голендров в Сибири последние 100 лет в первую очередь определялась тремя тяжелыми ударами судьбы, которые были характерны также для истории всей Российской империи.

Первая мировая война, революция и Гражданская война стали первым большим испытанием. Зигмунд Андреевич Зелент в своих воспоминаниях в 1974 г. так описывает то время: «...отца взяли на военную службу, мы остались с мамой трое. Весной подохла лошадь, остались без коня. Летом 1915 года соседи построили дом, а на зиму мы вошли в свой собственный дом! Мама занималась огородом, сеяла лен, ткала холст, одевала нас, учила меня считать и писать <...>» (5, с. 96).

Вторым испытанием стали коллективизация и репрессии вплоть до 1938 г. З.А. Зелент вспоминал: «В 1929 году отцу дали твердое задание — сдать столько хлеба, сколько у нас и не было» (5, с. 96). В октябре 1929 г. оба мужчины — глава семьи и сын Зигмунд — были арестованы. Зимой их отправили на деревообрабатывающий завод. Их хозяйство было полностью конфисковано, а все запасы зерна и картофеля отобрали. Отец и сын жили в бараке лесопильного завода. Зарплаты едва хватало на пропитание. В 1931 г. сын Зигмунд был отпущен домой, ему пришлось быть кормильцем семьи из 6 человек. Вначале он зарабатывал на пропитание семьи, собирая кедровые орехи в тайге. Он ездил по деревням и обменивал кедровые орехи на хлеб. Уже в 1932 г. молодой хозяин смог приобрести лошадь с упряжкой, дядя смастерил телегу, и жить стало легче. Можно было снова пахать, боронить и совершать поездки по деревням, чтобы купить хлеба.

В августе 1935 г. Зигмунд вступил в колхоз им. Мичурина. В колхоз он отдал свою засеянную землю, лошадь и весь свой инвентарь. Чтобы прокормить семью, ему оставили лишь корову, поросенка и кур. К тому времени умерла его мать, а отец работал на шахте в Черемхово. В 1938 г. ночью отца арестовали и отправили в неизвестном направлении. До сегодняшнего дня потомки не могут отыскать его следов.

С началом войны против Польши 1 сентября 1939 г. национальный вопрос встал особенно остро. Именно Вторая мировая война и сталинская диктатура принесли голендрам самые большие унижения. Они были объявлены «врагами государства» и отправлены в трудовую армию. Г. Зелент подробно описывает, как негативно на нем и других отразились слова лозунга «Защити Родину» — они были отправлены в трудовые лагеря. Эта история жизни, а также ее оценка Г. Зелентом опубликованы в газете «Сельская новь» в 1995 г. (4).

Барт Рийс дал мне полученный в Иркутском архиве список имен интернированных голендров из Пихтинска с указанием дат рождения. Мужчины и женщины работоспособного возраста от 16 до 60 лет были рекрутированы на работу. Женщины, чьи дети были старше 3 лет, тоже

входили в этот список. В лагерях все они часто находились вместе с немецкими заключенными, т. е. с настоящими «врагами». С голендрами обращались хуже, чем с врагами. Они выполняли физически более тяжелую работу, а при раздаче еды получали «только вершки из баланды без гущи». 15-летний Йозеф Иванович Людвиг был самым младшим. Среди 27 женщин было четыре девочки, которым только-только исполнилось 16 лет. Одной из них была Юзефина Людвиг. Наталья Галеткина цитирует заявление Юзефины Людвиг: «Мы не немцы, но только пришлось мне страдать восемь лет ни за что в трудармии... Я немецкого языка даже не слышала, пока не попала к этим немцам. Я думала, что немцы — все, у кого немецкий язык, — что они говорят, как и мы, по-хохлацки. А как попала я к ним, так услышала. Восемь лет там была, но ни грамма ихнего языка не понимала» (2, с. 67).

Сколько человек из-за голода и переутомления не смогли выжить в трудовых лагерях, в настоящее время неизвестно. По средним оценкам, эта цифра близка к 30 %. После окончания войны большинство людей еще несколько лет находились в лагерях. Только в 1955 г. интернированные были исключены из списков спецпоселенцев. Служить в армии голендрам было разрешено лишь с 1960 г.

В книге по случаю юбилея содержатся новые данные о трудармии и репрессиях, которые стали известны от Галины Макогон.



Надгробие на могиле А.М. Зелента в Пихтинске

Два пихтинца были расстреляны. Одним из них был дед Ивана Зигмундовича Зелента, нынешнего уполномоченного по правам человека. Место расстрела и захоронения своего деда он нашел уже после 1990 г. Последним местом, где теперь покоится тело расстрелянного деда, стало кладбище в Пихтинске. Туда были перевезены его останки и земля с места расстрела, установлен памятный камень. Вторым был Густав Михайлович Гиниборг. 5 марта 1938 г. он был арестован, а 8 июля 1938 г. в связи с обвинением в участии в контрреволюционной организации расстрелян. В юбилейной книге об этом пишет его сын Михаил Густавович (7, с. 71–72). Сейчас он проживает в пос. Зюкайка Пермской области. Три пихтинца были приговорены к 10 годам лишения свободы.

Начиная с 1937–1938 гг. и вплоть до 1955 г. голендры находились под особым контролем государства в лице КГБ. По этой причине они считались не пригодными для службы в Красной Армии. Из Пихтинска лишь пять мужчин были призваны в Красную Армию, двое из которых потом были отозваны с передней линии фронта и отправлены на лесоповал или на строительные работы в трудовую армию, где они встретились с немцами. После регистрации в трудовой армии насчитывалось 84 мужчины и 31 женщина. 12 человек в возрасте от 23 до 49 лет умерли. Официальный диагноз — цинга, но фактически они умерли от голода.

Необычные обстоятельства выяснились во время моей встречи с Евгением Гинбургом из г. Шелехова. Оказалось, что его отец Карл Гинбург был в трудармии в Челябинске-40 и работал в Центре по атомной энергии. Его друг, поволжский немец Генрих Шнайдер, тоже работал там. Сейчас он проживает в Бад Лаузик (Bad Lausick) близ Лейпцига в Германии, имеет статус позднего переселенца. Он также интересуется этой темой, даже написал доклад. Евгений дал мне этот доклад, и я связался с Э. Шнайдером. Мы стали переписываться, созваниваться. Эти контакты с ним были для меня волнующими. Из редакции Лейпцига я получил перевод на немецкий язык, и Э. Шнайдер прислал мне подробную информацию и групповые фотографии 1952–1953 гг. Все фотографии я послал Евгению в Шелехов, как память о его отце.

Жизнь бужских голендров в Сибири

В выпущенной к юбилею книге и многих других публикациях рассказывается об истории и жизни голендров в Сибири. Эти издания показывают, что, преодолев первые трудности, голендры не только смогли адаптироваться к природным и социальным условиям Сибири, но и сделали большие шаги вперед. В начале 1950-х гг. из трудармии возвратились домой последние женщины и мужчины. Молодые люди начали создавать новые семьи. Деревни становились больше. И хотя коллективизация сильно подорвала их привычное существование хозяина по



*Групповая фотография трудармейцев. Челябинск-40, 1952–1953 гг.
В первом ряду второй слева — Карл Гинборг, в верхнем ряду второй
справа — его друг Генрих Шнайдер*

своем клочке земли, свою привязанность к земле голендры сумели сохранить. Применяя свои навыки и опыт, голендры способствовали улучшению работы в сельскохозяйственном секторе. После возвращения мужчин из трудармии началось возрождение колхозов. Все, что было начато до войны, сейчас достраивалось. Это и стояла для молочных коров, и сараи для овец, и конюшни. К 1950 г. это был уже крепкий колхоз, который объединился с колхозами «Победа» в Старой Метёлке, им. Кагановича в Замостечье и им. Мичурина в Дагнике, Новины и Тулузине.

Большинством голосов отец Петра Людвиг был избран председателем колхоза. Зимой 1962 г. жители голендрских деревень в первый раз услышали радио. Звучал голос Москвы. Долгожданные звуки из радиоприемника связывали людей с Большой землей. В июле-августе 1967 г. в тайге зажглись лампочки Ильича (Ленина). В голендрских деревнях многое для этого сделали мастера-электрики Юлик Августович Гильдебрандт и Юрий Густавович Зелент. Это событие было встречено с большой радостью. Жить с электричеством стало намного лучше. Теперь можно было по вечерам что-то делать — читать книги, журналы, а начиная с 1970 г. стало уже возможным пользоваться электроприборами или смотреть телевизор. Люди, как и раньше, продолжали работать на полях, заниматься своим хозяйством, воспитывать детей.

Пришел трудный период перестройки, и прочно стоящие на земле голендры должны были с этими радикальными изменениями справиться. Но необдуманное введение рыночной экономики привело к роспуску колхозов, ликвидации многих рабочих мест и, как следствие, к оттоку молодежи из деревень. Очень долго страдали голендры от этих перемен. Однако 100-летие свидетельствует о том, что и этот экономический кризис они смогли преодолеть.

Укрепление связей и контактов с нашими земляками

Предыдущие контакты с нашими земляками могут рассматриваться лишь как начало. Первый раз поездку в Сибирь на встречу с ними предприняли только мы с братом Вальдемаром, а в 2004 г. на празднование 100-летия Пихтинска прибыла группа уже в шесть человек. Для меня это было показателем углубления существующих связей и налаживания новых контактов. Для тех соотечественников, которые поехали с нами первый раз, это была прелюдия к последующим взаимным визитам. В 2009 г. мы не только ожидаем ответный визит делегации из Сибири для проведения волынских встреч в Линстове 5 и 6 сентября, но и частные визиты подружившихся семьями. Я убежден в том, что издание книги «Пихтинск. Судьбы через поколения...» на русском языке и запланированная публикация ее на немецком языке будут служить укреплению связей с наши-



Наталья Галеткина при посещении Исторического общества Волыни в Германии в 1995 г., слева — Гельмут Хольц, справа — Николаус Арндт

ми земляками. Кроме того, сотрудничество с музеем волынских переселенцев в Линстове, Обществом немцев за границей (VDA) и Обществом дружбы с народами Восточной Европы в Мекленбурге — Передней Померании должно всячески развиваться.

Перевод Нади Спициной

ЛИТЕРАТУРА

1. Галеткина Н. Бужские голендры в Сибири и Германии // Земля Иркутская. 1997. № 7.
2. Галеткина Н. Бужские голендры: в поисках идентичности // Вестник Евразии (М.). 1998. № 1–2 (4–5).
3. Голубовский А. Пихтинские голендры // Итоги (М.). 1998. № 39.
4. Зелент Г. Другой Родины нет — только Россия // Сельская новь (Залари). 1995. 6 мая.
5. Зелент З.А. О моей жизни // Тальцы. 2004. № 4 (23).
6. Павлусь И. О Пихтинске в Пихтинске // Тальцы. 2004. № 4 (23).
7. Тихонов В.В., Ахметов А.Ш., Людвиг П.М. Пихтинск. Судьбы через поколения... Иркутск, 2008.
8. Тихонов В.В., Нефедьева А.К., Усенко Е.А. Региональный туристический проект «Этнографическое кольцо Московского тракта периода столыпинской реформы». Иркутск, 2007.
9. Bütow E. Bug-Holländer in Wolhynien: Spuren und Geschichte. Schwerin, 2002.
10. Rijs B. Het hemels vaderland. Hollanders in Sibirië. Amsterdam, 2005.
11. Rijs B. Sibirische Hildebrand hat keine Sehnsucht nach Holland // Amsterdam; Moskau, 1998.

Константин Ильич МОГИЛЕВСКИЙ,
*кандидат исторических наук,
старший референт аппарата фракции «Единая Россия»,
исполнительный директор Фонда
изучения наследия П.А. Столыпина*

ФОНД ИЗУЧЕНИЯ НАСЛЕДИЯ П.А. СТОЛЫПИНА

Фонд изучения наследия П.А. Столыпина, основанный в 2001 г., на первом этапе своей деятельности поставил перед собой следующую задачу — определить, что представляет собой «наследие П.А. Столыпина», так как историографические представления о деятельности Столыпина и его реформах были основаны на ограниченном круге источников и явно неполны. Для решения данной задачи в 2001–2007 гг. фондом была проделана большая работа по выявлению, сбору, изучению и публикации документов и материалов, характеризующих личную жизнь и государственную деятельность Столыпина, позволяющая преодолеть имеющиеся историографические парадоксы и искажения. На этой основе фондом издана серия фундаментальных публикаций, содержащих огромный массив источников, многие из которых впервые были введены в научный оборот. Их совокупность проясняет картину преобразований и личность реформатора и позволяет объективно судить о жизни и деятельности П.А. Столыпина.

Основополагающим в данной серии является состоящее из двух томов издание «П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы» (1). В первом томе этой книги впервые опубликован комплекс законодательных документов и материалов, системно раскрывающий главные направления реформаторского курса Столыпина. В своей совокупности они позволяют понять замысел, содержание и механизмы реализации преобразований, закладывавших основы формирования в России рыночной экономики, выведивших Россию в число ведущих стран мира по темпам экономического развития, обеспечивавших укрепление ее целостности и единства, формирование среднего класса — основы гражданского общества и правового государства, повышение уровня образования и улучшение материального положения народа.

Говоря о принципах отбора документов для публикации, необходимо отметить, что интенсификация процесса модернизации России в начале XX в. привела к невиданному ранее всплеску законотворчества. При формировании первого тома из всего массива материалов в публикацию были включены наиболее значимые, базовые документы, касавшиеся преобразований в ключевых сферах жизнедеятельности страны и затрагивавшие интересы подавляющего большинства ее населения. По преимуществу в томе представлены источники нормативного характера, но вместе с тем включены и две записки, подготовленные в Министерстве внутренних дел, поскольку они имеют концептуальное значение,

раскрывают широкое видение реформы (в сфере местного управления и самоуправления) в контексте других преобразований. Также в публикацию был включен ряд законодательных актов, формально выходящих за хронологические рамки деятельности П.А. Столыпина на посту министра внутренних дел и главы правительства, но идеологически и содержательно отнесенных к общей программе его реформ. Вошли в публикацию и законопроекты, получившие силу закона уже после трагической кончины П.А. Столыпина, но разработанные в период его премьерства. Также необходимо было считаться с тем фактом, что в фондах Совета министров, отдельных министерств и ведомств, Совета по делам местного хозяйства, а также Государственной думы и Государственного совета сформировались огромные массивы документов, отражающие разные стадии и уровни разработки законопроектов. Составители останавливали свой выбор на апробированных итоговых вариантах. В случае отклонения правительственного законопроекта Государственной думой или Государственным советом для публикации отбирался вариант, представленный правительством в Думу. Публикация документов в первом томе состоит из двух частей. В первую вошли выдержки из речей П.А. Столыпина, раскрывающие основные составляющие его концепции преобразований, вторая часть книги состоит из восьми разделов, содержащих пакет базовых законодательных проектов: «Права и свободы граждан», «Судебная реформа», «Реформа местного управления и самоуправления», «Земельная реформа», «Реформа социального законодательства», «Экономика и финансы», «Начальное образование», «Военная реформа».

Во второй том включено 144 законопроекта. Принципы выявления и отбора документов и материалов сохранены те же, что и в первом томе. Особенностью второго тома является, во-первых, существенное расширение круга законопроектов, охватывающих практически все стороны жизнедеятельности страны, и во-вторых то, что помимо законопроектов концептуального стратегического значения публикуются документы, которые свидетельствуют об оперативной реакции правительства П.А. Столыпина на уже реализуемые реформы и ставят своей целью их корректировку и совершенствование. Второй том состоит из семи разделов, структура которых в целом соответствует структуре первого тома. В первый раздел — «Реформирование силовых структур и судопроизводства» — вошли документы, раскрывающие сложный процесс формирования правового пространства в России в контексте общих информационных подвижек. Если в первом томе основное внимание уделено реформе судебного устройства и судопроизводства, то во второй включены документы, которые характеризуют преобразование институтов и структур силовых органов. Второй раздел — «Местное управление и самоуправление» — продолжает и развивает соответствующий раздел первого тома. В третий раздел — «Переселенческая политика» — вошло 20 проектов, которые можно условно разделить на несколько групп. Первую составляет комплекс документов,

посвященных созданию условий, благоприятствующих успешному осуществлению столыпинской аграрной реформы; ряд проектов предусматривал принятие системы мер по значительному расширению земельного фонда для нужд переселения. Особую группу документов составляют проекты относительно финансовой поддержки переселенческого дела. К ним относятся проекты об отпуске средств на общепользные надобности переселенцев, на выдачу ссуд на сельскохозяйственные улучшения, на ссуды и пособия при землеустройстве. Следующую группу составляют документы, раскрывающие механизм реализации землеустроительных мероприятий. Документы четвертого раздела — «Социальное законодательство» — отражают политику правительства в отношении различных социальных слоев российского общества; ряд проектов касается политики правительства в отношении установления размеров окладов, начисления пенсии и производства социальных выплат. В пятом разделе — «Экономика. Финансы. Инфраструктура» — публикуется комплекс законодательных проектов, касающихся следующих взаимосвязанных проблем: создание оптимальных условий, обеспечивающих высокие темпы экономического роста России, рационализация финансово-кредитной и налоговой системы, создание мобильной и эффективной инфраструктуры. Шестой раздел — «Среднее и высшее образование» — раскрывает основные тенденции в политике правительства в области народного просвещения, главными среди них являлись: формирование единой образовательной системы в России, реорганизация дела подготовки учительских и преподавательских кадров, привлечение различных ресурсов — как государственных, так и общественных и частных. Последний, самый представительный, раздел — «Наука и культура» — впервые вводит в научный оборот проекты, характеризующие политику правительства П.А. Столыпина в самых различных областях научной и культурной жизни России. Эта сторона деятельности премьер-министра в отечественной историографии до сегодняшнего дня практически не затрагивалась.

Таким образом, даже краткая характеристика опубликованных в двухтомнике «П.А. Столыпин. Программа реформ» документов и материалов позволяет сделать следующий общий вывод: правительство П.А. Столыпина разработало и предложило обществу масштабную программу системных реформ, реализация которых в полном объеме представляла реальный шанс избежать последующих революционных катаклизмов и направить развитие страны в общецивилизационное русло.

Логическим продолжением издания «П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы» является издание «Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг. Документы и материалы» (2), подготовленное к 100-летию с начала деятельности Государственной думы в России. В этой книге впервые опубликован комплекс законодательных документов и материалов думских фракций, раскрывающий реформистский потенциал российского общества в начале XX в. В своей совокупности

они позволяют понять замысел, содержание и механизмы реализации преобразований, предлагаемых представителями правоконсервативных, либеральных, социалистических направлений общественной мысли России. Говоря об этой книге, необходимо отметить, что если издание «П.А. Столыпин. Программа реформ» содержит совокупность законопроектов, предложенных обществу исполнительной властью, правительством П.А. Столыпина, то издание «Законотворчество думских фракций 1906–1917 гг. Документы и материалы» — это «ответ» общества правительству, отражающий его конструктивный законотворческий потенциал. В издание включены социально значимые законопроекты, наиболее адекватно отражающие систему представлений того или иного направления общественной мысли и интересы соответствующих им социальных и политических страт, представленных в Думе фракциями.

Публикация состоит из четырех разделов, включающих пакеты законопроектов соответствующих думских фракций. В первый раздел вошел комплекс проектов, раскрывающих законодательную деятельность достаточно широкого и разношерстного спектра социальных и политических сил, оказавшихся на скамьях правого думского сектора. Анализ законодательной деятельности правоконсервативных фракций позволяет сделать следующее наблюдение: в I и II Думах правые силы оказались в дезорганизованном состоянии, что не могло не сказаться на их законотворческой работе, а в III и IV Думах наблюдается тенденция к их активизации, что, в частности, выразилось и в увеличении числа представленных ими законопроектов. Во второй раздел вошли законопроекты основных думских либеральных фракций: октябристов, прогрессистов и кадетов. Именно эти фракции в целом адекватно отражали ведущие тенденции развития страны на ближайшую историческую перспективу. По целому ряду исходных параметров либеральные законопроекты совпали со столыпинской программой системных преобразований России, способствовали созданию здоровой конкурентной среды в области законотворчества. Третий раздел публикации включает основные законодательные проекты социалистических фракций, настаивавших на революционных методах реализации своей модели преобразования России, четвертый — законопроекты, предложенные национальными фракциями и казачьей группой.

Следующим в серии публикаций исторических источников, связанных с жизнью и деятельностью П.А. Столыпина, является фундаментальное издание «Тайна убийства Столыпина» (3). В данную публикацию впервые включен комплекс базовых архивных документов и материалов, раскрывающих совокупность обстоятельств трагической гибели П.А. Столыпина, установленных в ходе следствия и суда над Д.Г. Богровым, а также расследований трех комиссий — сенаторов М.И. Трусевича, Н.З. Шульгина и Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В книгу вошли нормативные акты по организации охраны и

работе с секретной агентурой, официальная переписка и перлюстрация писем современников событий.

Говоря об этой книге, необходимо отметить, что подлинные причины гибели П.А. Столыпина продолжают оставаться еще до конца не раскрытыми и вызывают жаркие дискуссии среди исследователей. Убийство Столыпина всегда вызывало огромный интерес историков, публицистов и писателей, выдвигавших многочисленные версии произошедшего — это и заговор высших полицейских чинов, и преступная халатность и некомпетентность руководителей сыска, и еврейский заговор, и масоны, и даже причастность к убийству В.И. Ленина. О том, подкреплены ли эти версии документальными свидетельствами, читатель может сделать выводы, ознакомившись с блоком документов, касающихся трагических событий в Киеве 1 сентября 1911 г. и составивших данную публикацию.

Следующее издание — «П.А. Столыпин. Переписка» (4) — является логическим продолжением рассмотренных выше фундаментальных публикаций. В отличие от предшествующих работ, базирующихся по преимуществу на сравнительно компактном комплексе документов и материалов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), работа составителей над данной книгой оказалась более трудоемкой и в плане выявления источников, и в процессе их комментирования. Во-первых, составителями было произведено комплексное обследование личного фонда П.А. Столыпина, хранящегося в РГИА, на предмет выявления материалов переписки П.А. Столыпина. Во-вторых, учитывая огромные масштабы официальных и личных связей Столыпина, составители провели огромную работу в архивах С.-Петербурга и Москвы в поисках его неопубликованных писем. Работа по выявлению велась в РГИА, ГАРФ, Российском государственном военно-историческом архиве, Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном архиве литературы и искусства, Российском государственном архиве древних актов, Архиве Российской академии наук, Отделе рукописных фондов Государственного литературного музея, Рукописном отделе Института русской литературы, Центральном историческом архиве г. Москвы, Отделе письменных источников Государственного исторического музея, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург), Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Общее число писем, телеграмм, записок, включенных в публикацию, составляет 468, из них 36 писем к Николаю II, 254 — к государственным, политическим, общественным и культурным деятелям, 178 — к жене и друзьям. В издание включены все выявленные автографы личного характера, направленные разным адресатам, а также письма, записки и телеграммы официального характера, написанные либо собственноручно П.А. Столыпиным, либо по его личному указанию с четким предварительным определением содержания, текст которого затем правился им самим. В своей совокуп-

ности эти источники показывают, что Столыпин был реальным лидером, продемонстрировавшим качества генератора реформаторских идей, способным сформировать собственную команду единомышленников, нацеленных на решение приоритетных стратегических задач, хотя выявляют также и суть разногласий, имевших место в министерском и губернаторском корпусе, прорисовывая позиции отдельных министров и губернаторов, придерживавшихся иных политических позиций. Письма председателям II и III Государственной думы свидетельствуют о постоянном внимании премьер-министра к представительной ветви власти, о его стремлении наладить с ней сотрудничество, а письма общественным деятелям показывают, что Столыпин настойчиво добивался привлечения на свою сторону общественного мнения. Третий раздел составляют письма П.А. Столыпина жене и друзьям. В приложение включены речи П.А. Столыпина в Совете по делам местного хозяйства, являющиеся логическим продолжением и развитием его выступлений в Государственной думе и Государственном совете. Таким образом, можно сделать заключение, что включенные в издание эпистолярные источники отражают наиболее существенные проблемы внутренней и внешней политики и позволяют в совокупности с другими, уже введенными в научный оборот, источниками лучше понять основной замысел реформ и технологию их реализации.

Следующее рассматриваемое издание — «П.А. Столыпин. Грани таланта политика» (5) — логически завершает серию публикаций базовых источников, выявленных в федеральных государственных архивах. Название книги обусловлено характером публикуемых документов и материалов, которые в своей совокупности позволяют раскрыть огромный творческий потенциал П.А. Столыпина, его глубокое и адекватное восприятие и понимание вызовов эпохи, и в то же время проанализировать предложенную им российскому обществу реалистическую программу вывода России из системного кризиса, обеспечившую достижение политической стабильности и динамичного экономического роста, улучшение материального положения народа, начало разрешения сложнейших национальных и конфессиональных проблем, укрепление международных позиций России в мире. Публикуемые документы и материалы раскрывают творческую лабораторию П.А. Столыпина, всесторонне характеризуют его мировоззренческую позицию, понимание им роли России в мировой истории, его личную роль в разработке и реализации программы преобразования страны, напряженный поиск разумного компромисса между властью и обществом, попытки установления диалога между исполнительной и представительной ветвями власти, а также между общероссийскими и национальными политическими элитами. В первый раздел включен комплекс ранее вообще не известных или малоизвестных документов и материалов (записки, доклады, отчеты, циркуляры, рапорты, инструкции, телеграммы), раскрывающих различные стороны и аспекты деятельности П.А. Столыпина соответственно на посту губернского предводителя дворянства, губернатора, министра внутренних

дел и премьер-министра. Во второй раздел включены письма, записки, а также телеграммы П.А. Столыпина, которые были выявлены в архивах за период с 2004 по 2006 г. Также сюда вошли более ста писем министрам, главноуправляющим, великим князьям, политическим и общественным деятелям, в которых рассматриваются самые разнообразные вопросы, связанные с реформированием страны и выработкой эффективных мер для ее развития. В третьем разделе публикуются шесть интервью Столыпина, данных зарубежным и российским журналистам, а также уникальная, по мнению составителей, запись разговора П.А. Столыпина с Николаем II в марте 1911 г. В приложение включена «Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г.», представляющая в настоящее время библиографическую редкость.

Говоря об изданиях фонда, необходимо упомянуть также и публикацию «П.А. Столыпин. Мысли о России» (6). Это небольшое издание, рассчитанное на широкий круг читателей, включившее в себя комплекс наиболее ярких и образных крылатых выражений П.А. Столыпина, которые на протяжении XX в. выдержали испытание временем, ибо отразили глубинную суть многовековой исторической судьбы России, непреходящие духовные и культурные ценности ее народов. Наряду с уже введенными в оборот выдержками из речей Столыпина в Государственной думе и Государственном совете, цитатами из его обширной переписки с государственными и общественными деятелями составители включили в книгу выдержки из интервью с корреспондентами отечественных и зарубежных газет.

В процессе работы по изданию рассмотренных выше публикаций документов и материалов, отражающих биографию и деятельность П.А. Столыпина, возникла идея подготовки биоэпикриза его жизни и деятельности, которая позволила бы познакомить читателя с фактами личной биографии Петра Аркадьевича, пошагово показать его весьма интенсивную и многогранную деятельность на постах уездного и губернского предводителя дворянства, губернатора, министра внутренних дел, председателя Совета министров Российской империи, одновременно «вписав» эту деятельность в контекст исторической эпохи. Следует особо подчеркнуть, что «Биоэпикриз» не только позволяет и исследователям и широкой общественности «приблизиться к пониманию» Столыпина, но и дает богатейший материал для осмысления механизмов функционирования всего государственного аппарата Российской империи начала XX в. на всех уровнях (уездном, губернном и имперском). На различных постах Столыпин показал, как и каких результатов можно достичь, если следовать принципу верного и искреннего служения своему Отечеству. Для составления «Биоэпикриза» были использованы делопроизводственные материалы, периодические издания, источники личного происхождения (письма, дневники, воспоминания). Из делопроизводственных материалов это прежде всего формулярный список П.А. Столыпина, хранящийся в РГИА, позволяющий

проследить движение Столыпина по службе, события семейной жизни, имущественное положение, а также циркуляры, постановления, всеподданнейшие доклады, выступления в Государственной думе и др., отражающие непосредственную деятельность П.А. Столыпина. Значительная по объему, а подчас уникальная информация о жизни Столыпина содержится в периодических изданиях — для составления «Биохроники» были систематически проработаны «Ковенские губернские ведомости» за 1889–1902 гг., «Гродненские губернские ведомости» за 1902–1903 гг., «Саратовские губернские ведомости» за 1903–1906 гг., «Правительственный вестник» за 1906–1911 гг., «Россия» за 1907–1911 гг., «Новое время» за 1906–1911 гг. и другие периодические издания. Из источников личного происхождения особое значение имеет личная переписка П.А. Столыпина — были использованы письма, хранящиеся в РГИА в фондах Совета министров, Государственной думы, Государственного совета, Канцелярии министра внутренних дел, П.А. Столыпина и других фондах, а также дневники и воспоминания разных лиц. Говоря о «Биохронике», необходимо отметить, что данное издание не претендует на всеобъемлющую полноту, так как различные периоды биографии П.А. Столыпина неравномерно освещены имеющимися в научном обороте источниками; например, составители располагают довольно скудной информацией о детстве, юности Столыпина, годах его пребывания в Ковно. Таким образом, настоящее издание не закрывает тему биографии П.А. Столыпина, а является фундаментом для дальнейших исследований, возможно, дополнительные сведения будут со временем получены от историков и краеведов.

Реализация Фондом изучения наследия П.А. Столыпина крупномасштабного научно-исследовательского публикаторского проекта вызвала необходимость обращения к такому виду источников, как мемуары, позволяющие через «сшибку» мнений и суждений современников П.А. Столыпина дать более объективную оценку его личности. В издание «П.А. Столыпин глазами современников» (7) включен комплекс ранее неизвестных мемуаров современников П.А. Столыпина, позволяющих в своей совокупности значительно расширить представления о его облике, личных и деловых качествах, роли в подготовке и реализации системных преобразований России начала XX в. В издание также включена небольшая часть ранее опубликованных воспоминаний, уже давно ставших библиографической редкостью и, по сути, оставшихся вне сферы внимания научной общественности. Ядро публикации составляют воспоминания, выявленные в федеральных и региональных архивохранилищах, содержащие новую информацию о жизни и деятельности П.А. Столыпина. В своей совокупности воспоминания, вошедшие в данную книгу, не просто дополняют ранее опубликованные мемуары, а дают качественное приращение знаний о П.А. Столыпине. Всего в книгу вошло более тридцати воспоминаний родственников, сослуживцев, видных общественных и политических деятелей. В Приложение включено более двадцати неопубликованных писем П.А. Столыпина.

Наряду с оценками деятельности Столыпина несомненный интерес представляют мнения экспертов о результатах реформ. В 1913 г. французский экономист Э. Тери по заданию своего правительства предпринял поездку в Россию с целью изучить на месте состояние ее экономики. Итогом стала книга «Экономическая модернизация России», вышедшая во Франции. Усилиями фонда она была переведена на русский язык и издана в России (8). Книга содержит большой объем статистического материала, дополненного личными наблюдениями Тери. Один из главных его выводов: если дела у европейских народов после 1913 г. пойдут таким же образом, как в 1900–1913 гг., то к середине XX в. Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом отношении, а численность населения России превысит численность населения всех крупных европейских стран вместе взятых.

Ряд изданных фондом монографий представляют собой попытки анализа государственной деятельности П.А. Столыпина. Среди них монографии П.А. Пожигайло и В.В. Шелохаева «Петр Аркадьевич Столыпин. Интеллект и воля» (9), П.А. Пожигайло «Столыпинская программа преобразования России» (10), К.И. Могилевского и К.А. Соловьева «П.А. Столыпин: личность и реформы» (11). В данных монографиях впервые предпринята попытка комплексного анализа столыпинской концепции разрешения системных кризисов, программы его масштабных преобразований, технологий ее реализации, итогов и перспектив реформ для исторических судеб России. Исследования помогают понять исходный замысел, содержание и механизмы перемен, выведших Россию в число ведущих мировых держав, обеспечивавших укрепление ее целостности и единства, формирование среднего класса, гражданского общества и правового государства, повышение уровня образования и улучшение материального положения народа.

В монографии К.И. Могилевского «Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910)» (12) рассматривается опыт взаимодействия правительства П.А. Столыпина с местной элитой — представителями земских собраний и предводителями дворянства — в рамках Совета по делам местного хозяйства. Анализируется состав, структура, функции, деятельность и значение совета как площадки для совместной работы власти и общества над вопросами общегосударственного значения. Особое внимание уделяется ходу и результатам дискуссий по конкретным законопроектам.

Завершая обзор изданий Фонда изучения наследия П.А. Столыпина, можно заключить, что изданная фондом серия фундаментальных документальных публикаций, содержащая огромный массив источников, дает исследователям реальную возможность начать качественно новый этап изучения деятельности одного из крупнейших российских реформаторов — П.А. Столыпина.

В настоящее время фонд перешел к качественно новому этапу своей

деятельности — популяризации наследия П.А. Столыпина. Это включает в себя активную деятельность по донесению реформаторских идей П.А. Столыпина до широкой общественности как в столице России, так и в регионах. Фонд проводит большую работу по организации конференций и круглых столов, посвященных жизни и реформаторской деятельности П.А. Столыпина, распространяет изданные книги, проводит их презентации, инициирует конкурсы творческих работ школьников и студентов, активно участвует в научных мероприятиях, связанных с изучением деятельности П.А. Столыпина. Фонд динамично развивается и открыт для сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. П.А. Столыпин. Программа реформ: Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 764 с.; П.А. Столыпин. Программа реформ: Документы и материалы: в 2 т. Т. 2. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 799 с.
2. Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 768 с.
3. Тайна убийства Столыпина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 736 с.
4. П.А. Столыпин. Переписка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 704 с.
5. П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 623 с.
6. П.А. Столыпин Мысли о России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 128 с.
7. П.А. Столыпин глазами современников / под общ. ред. П.А. Пожигайло. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 367 с.
8. Тери Э. Экономическая модернизация России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 183 с.
9. Пожигайло П.А., Шелохаев В.В. Петр Аркадьевич Столыпин: Интеллект и воля. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 239 с.
10. Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 240 с.
11. Могилевский К.И., Соловьев К.А. П.А. Столыпин: личность и реформы. Калининград: Терра Балтика, 2007. 128 с.
12. Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 328 с.

Роберта Константиновна КАРА-ООЛ,
аспирант
Иркутского государственного университета

**КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НА ЮГЕ ИРКУТСКОГО
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА: УСЛОВИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ,
ФОРМИРОВАНИЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН
В УРЯНХАЙСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Колонизационная политика в Урянхайском крае, направленная, в конечном счете, на интеграцию окраинных территорий в единое имперское политическое, административное и хозяйственно-экономическое пространство, является составной частью имперской политики. Колонизация Урянхайского края в начале XX в. нашла свое отражение в дореволюционных, советских и современных работах (Родевич, Кон, Кабо, Дулов, Аранчын, Бумбажай, Стороженко). Дореволюционные издания носят в основном публицистический, описательный характер, содержат большой фактический материал по колониционному движению, однако проблема происхождения русско-китайской границы, спорная принадлежность Тувы Китайской империи красной нитью проходит во всех исследованиях. Советская историческая наука, особенно в 1920–1930-х гг., развивает концепцию о колониальной, агрессивной, захватнической и грабительской политике по отношению к Туве. В 1950–1960-х гг., с вовлечением широкого круга источников, российскую политику в отношении Урянхайского края стали определять как двойственную, имевшую положительные и отрицательные стороны. С конца 1980-х гг. исследования строились в контексте межгосударственных связей обоих государств, колонизация рассматривалась как составная часть торгово-экономических связей, которые привели к установлению протектората России над Тувой в 1914 г., к присоединению, вхождению Тувы в состав Российской империи. Протекторат понимался прежде всего как межгосударственный акт. В данной работе на основе современных концепций впервые делается попытка показать колониционную политику в Урянхайском крае как составную часть имперской политики.

Российское самодержавие традиционно начинало властное освоение новых территорий. Наличие на присоединенных территориях исключительно общеимперской административной и законодательной системы означало полную инкорпорацию окраин в империю. Азиатские окраины Сибири и Дальнего Востока в этом смысле представляли собой наглядный пример. Урянхайский край представлял несколько иной вариант процесса инкорпорации, для которого были характерны непоследовательность, сложность и противоречивость. Интеграционные процессы здесь начались со стихийного освоения края русскими, но именно эта особенность обеспе-

чила в дальнейшем решение стратегических целей Российского государства в отношении Тувы — превращение ее в территорию России.

Стихийное освоение явилось следствием отсутствия четкой границы между внешней и внутренней политикой, незавершенности процесса оформления государственных границ. Государственная граница в условиях Азии, которая не столько разделяла, сколько должна была сближать внутреннее и внешнее пространства, носила специфические фронтальные черты подвижной зоны закрепления и освоения. Колонизация была направлена на перенесение границы между уже освоенными и осваиваемыми пространствами. Долгое время между Российской и Китайской империями межимперская территория имела характер буферной территории с редким кочевым населением. Это была своего рода ничейная земля, несмотря на ее формальную принадлежность к той или иной империи. Поэтому хозяйственно-экономическое освоение такой территории не только способствовало постепенному властному освоению данного региона, но и вынуждало правительство к этому. В сложившихся геополитических условиях начала XX в. в центрально-азиатском треугольнике Россия–Тува–Китай оптимальной моделью административного управления стал протекторат. В апреле 1914 г., после введения протектората, Урянхайский край фактически был включен в общеимперскую административную систему и подчинен Енисейской губернии Иркутского генерал-губернаторства.

Российский имперский проект предусматривал постепенное поглощение имперским ядром окраин за счет русской крестьянской колонизации, развития коммуникаций и экономической интеграции. Крестьянская колонизация была важным компонентом имперской политики, а крестьянин — ее эффективным проводником. Колонизационная политика в Урянхайском крае в целом отражала тенденции общеимперской политики «собрания земель». Однако империя, включая ту или иную территорию на востоке, последовательно использовала ее как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения (Охотско-Камчатский край — для Северной Америки, Забайкалье — для Приамурья, Приамурский край — для Маньчжурии, Западная Сибирь и Оренбургский край — для Казахстана и Средней Азии, так и Урянхайский край — для Монголии). Кроме того, протекторат, по сути, был полуколониальной формой зависимости, при которой формально сохранялась государственность, но за протектором признавались широкие права и полномочия на вмешательство во внутренние дела зависимого государства. Обычно покровительствующая сторона смотрела на своего протеже как на колонию, которая поставляла бы для нее сырье для развивающейся текстильной промышленности. Это было вызвано стремлением обеспечить развитие отечественной промышленности и торговли за счет расширения рынков сбыта, освоения источников сырья на окраинных территориях.

Таким образом, хозяйственное освоение Урянхайского края соответствовало основным направлениям и тенденциям имперского прави-

тельства. Но в то же время колонизация данного региона решала стратегические и геополитические интересы России. В отношении же Тувы такие понятия, как «переселение» и «колонизация», следует различать. В первом случае речь идет о сельскохозяйственной миграции в пределах одной государственной территории, во втором — об освоении новой территории, а через ее освоение происходит ее дальнейшая интеграция в пространство империи. Поэтому, скорее всего, правильнее говорить о колонизации Урянхайского края, целью которой была постепенная интеграция Тувы в российское пространство.

Колонизационная политика самодержавия в Сибири с XVIII и до начала XX в. имела свои этапы и направления. Хозяйственное освоение Урянхайского края совпадает с появлением новых тенденций в колонизационной политике конца XIX – начала XX в., связанных, во-первых, с разрешением крестьянского вопроса в центре страны, во-вторых, с необходимостью освоения и закрепления пограничных окраин, в особенности на русско-китайских участках границы. Стратегическая колонизационная задача, как ее трактовал заведующий переселенческим управлением Ф.Ф. Буссе, заключалась в создании полосы казачьих и крестьянских поселений, которые станут плацдармом для дальнейшего имперского продвижения (1).

Проникновение русских за саянский рубеж началось еще в 60–70-х гг. XIX в. Пионерами в этом движении стали минусинские купцы, которые и подняли вопрос о принадлежности территории Урянхайского края Российской империи. Вообще нужно отметить, что колонизация этого края с самого начала и на всем протяжении начала XX в. неразрывно связана с проблемой линии границ. Если сибирское купечество несколько десятилетий подряд пыталось убедить власти, что территория Тувы должна входить в состав России, то власти — как местные, так и центральные — до конца XIX в. не находили их доводы убедительными. Очевидно, поднимая вопрос о линии границы, русское население добивалось права хозяйственной деятельности на территории Тувы, запрещенной двусторонними договорами. Однако естественное, стихийное развитие русской земледельческой колонизации этого региона привело к тому, что в 1900 г. иркутскому генерал-губернатору было дано указание не чинить никаких препятствий развитию колонизации Тувы. Так с молчаливого согласия правительства начинается непрерывное заселение территории Тувы русскими торговцами и крестьянами.

Как центральные, так и местные органы власти, понимая важность и деликатность вопроса, с самого начала следили за всем происходящим на данной территории. Кроме того, русское правительство ни в коем случае не намеревалось ставить вопрос относительно Урянхия на гласное обсуждение законодательных учреждений, Министерство внутренних дел полагало решать его в порядке верховного управления (2). Делопроизводство тех лет проходило в основном по следующему порядку: МВД — Иркутское генерал-губернаторство — Енисейское губернаторство —

Усинский пограничный округ. Это доказывает то, что все проблемы, касающиеся Урянхайского края, решались как внутригосударственные.

Из стратегических соображений необходимости освоения и закрепления этой приграничной территории выработываются особые правила заселения. С конца XIX – начала XX в. в колонизационной политике русского правительства прослеживаются два направления: первое — относительно русских засельщиков, второе — относительно коренного населения, т. е. урянхов или сойотов. Проживание на одной территории поданных как Российской, так и Китайской империй требовало применения законов обоих государств. Так, русские подданные управлялись согласно законам своего государства, тувинцы подчинялись законодательству Срединной империи. Однако такое положение дел не помешало самодержавию осуществлять своими методами и способами проводимую в Урянхайском крае политику, временами лавируя в сложных политических условиях и адаптируясь к ним.

В контексте аграрного законодательства России начала XX в., основным принципом которого было свободное переселение из любых местностей Европейской России, урянхайская колонизация имела свои особенности. С самого начала этот край заселяли преимущественно сибиряки, «уже закаленные в борьбе с суровыми условиями жизни и на родине и более устойчивые для приспособления к бытовым и естественным особенностям Урянхия». «Этот элемент явится и на будущее время наиболее желательным для заселения Урянхайского края», такая установка была выработана на заседании Совета министров 8 ноября 1911 г. Кроме того, Совет министров решил, что «...поощрение заселения края русскими людьми не должно... носить характера искусственного привлечения правительством переселенцев в Урянхай. Подобный прием мог бы возбудить подозрения китайских властей...» (3). Известно, что при обычных условиях переселенец в России получал ссуду соответственно с его новым местом пребывания. Относительно Урянхия до 1915 г. денежных ссуд выдавать не предполагалось. В 1914 г. по этому поводу министр внутренних дел писал главноуправляющему землеустройством и земледелием: «Есть одно но, которое мне кажется глубоко справедливым, именно о предпочтительности вести русское заселение... не искусственным привлечением случайных переселенцев, путем постепенного там материально мощных, рассчитывающих на свои силы русских людей...» (4). Таким образом, правительство, учитывая военно-стратегические и хозяйственно-экономические интересы в этом регионе, с самого начала не желало привлекать малосильные, обнищавшие элементы. Однако спустя два года такое решение правительство было вынуждено отменить, но по сути это ничего не меняло. В п. 5 инструкции заведующего устройством русского населения говорится, что при необходимости он может выдать ссуды на хозяйственное устройство в размерах, установленных для Усинского края (5). Но ввиду удаленности, труднодоступности, дороговизны всех привозных жизненно необходимых продук-

тов, сельскохозяйственных машин и оборудования, а также возможности земледелия в большинстве случаев при искусственном орошении ссуда в 250 р. на семью являлась недостаточной. Поэтому в любом случае преодолеть все испытания и трудности, связанные с переездом, могли только люди, имеющие свои собственные средства. Кроме того, такая ссудная помощь предполагалась только в исключительных случаях. Переселенческий чиновник в 1915 г. просил на это лишь 1 000 р. (6). Но уже в 1916 г. поясняется, «что ссуда выдается не всем, а только нуждающимся в нужную минуту до 200 рублей на семью... ссудой нужно будет снабдить ежегодно 100 семей... желателен ассигнование на 1916 год 20 000 рублей» (7).

Архивные документы свидетельствуют о присутствии на территории Тувы казачьего сословия. Усинский пограничный начальник доносит енисейскому губернатору, что в Усинском округе с открытием летнего пути стали появляться ходоки из Минусинского уезда. «Все они наслышались о вольной земле и даже, что их приглашает Российское Правительство, но при условии, что они будут зачислены в казаки... явились пять казаков Саянских представителями от 20-ти семейств смотреть удобные места. Идут и пешие, едут и верхами» (8). Этот факт в истории колонизационного движения в Урянхайском крае, видимо, не случаен, поскольку на границах с Китаем правительство проводило политику увеличения казачьего населения путем привлечения в казачье сословие местного населения и переселения казаков из Европейской России. В начале XX в. численность казачьего населения в Саянах была увеличена за счет зачисления в казаки 5,5 тыс. крестьян, в Енисейской губернии к казачьему сословию причислили 353 души мужского пола из бывших казаков и 596 душ — из государственных крестьян и разночинцев (9). Такая политика была вызвана конфликтной и напряженной политической обстановкой в Урянхайском крае. Кроме того, в Особом журнале Совета министров имеются сведения о том, что 28 февраля 1911 г. в г. Иркутске прошло совещание для выяснения мероприятий, способствующих укреплению русского влияния в Урянхайском крае, при участии представителей военных ведомств и иркутского генерал-губернатора. Последним было предложено разрешить казакам Иркутской и Енисейской губерний переселяться в Урянхайский край. Позже Советом министров было одобрены пункты, где речь шла об усилении штатов Усинского пограничного управления и образовании особой усинской местной команды. Скорее всего, направляя казаков в Туву, правительство хотело иметь на случай вооруженного конфликта необходимые вооруженные силы. Ведь по мере необходимости собирались сотни и команды из льготных и запасных казаков для решения определенных задач на границе. Именно казачество на протяжении всей русско-китайской границы играло важнейшую роль в деле ее охраны и наблюдения за ней.

Формирование поселенческой структуры русских крестьян в Урянхайском крае тесно связано, с одной стороны, со столыпинскими аграрными преобразованиями начала XX в., с другой — с адаптационными

способностями самих переселенцев мобилизоваться в новых для них природно-климатических, социально-экономических, социокультурных условиях. С 1911 г. в Сибири резко меняется направление землеотводных работ. Переселенческим управлением был разработан специальный законопроект «Руководящие указания о порядке применения правил об образовании переселенческих участков», в котором главная ставка делалась на развитие крепких зажиточных индивидуальных хозяйств. Правительством давалось специальное указание отводить под такие участки лучшие земли, т. е. расположенные вблизи дорог и обеспеченные сенокосом и водой. Поскольку хутора проектировались вместо поселковых участков, отводимых в прежние годы, то и границы их проводились более удобно в смысле включения мест, пригодных под распахку, обеспеченных сенокосом, пастбищами и водой. Это была открытая политика покровительства зажиточным хозяевам, которые преимущественно селились на хуторах. Остальной земельный фонд оставался под поселки и заселялся гораздо быстрее маломощными хозяйствами. Именно в результате этих мероприятий в Туву в 1912–1913 гг. заселилось 259 хозяйств, или 29,8 % всего количества переселившихся в 1880-х – 1916 гг. (10). Таким образом, власть преследовала сразу несколько важных целей: расширяло государственный земельный фонд и способствовало масштабному освоению новых земель Азиатской России.

Согласно «Списку зарегистрированного русского населения в Урянхое по статистическим данным начала 1917 г.», русскоязычное население составляло здесь примерно 8 858 человек. Однако в этом источнике указано, что до марта 1918 г. прибыло приблизительно еще 5 тыс. человек, следовательно, всего насчитывалось около 13–14 тыс. (11). По другому источнику, «Русские населенные пункты Усинского пограничного округа и Урянхайского края по данным подворного обследования 1918–1919 гг.», анализируемому А.А. Стороженко, русское население составляло 11 958 человек и проживало в 340 населенных пунктах (12). А.А. Стороженко делит населенные пункты на три большие группы: поселки (23,95 %), заимки (55,51 %), прочие поселения — фактории, прииски, зимовья, маральники, мельницы (20,53 %). Автор приходит к выводу, что большая распространенность заимок по сравнению с поселками (146 и 63 соответственно) является закономерной.

Для сравнения нами взяты другие документы: «Список населенных мест Урянхайского края с разделением на полицейские участки» (1916 г.) и «Список поселков Урянхайского края» (1918 г.), по которым вся территория Тувы, где проживало русское население, делилась условно на семь районов: Подхребтинский, Малоенисейский, Турано-Тарлыкский, Тоджинский, Центральный, Чахульско-Шагонарский, Кемчикский. Первый полицейский участок включал Центральный, Подхребтинский и Малоенисейский районы (24 поселка, 16 заимок, 3 прииска и соляной завод В.Ф. Сватикова), второй — Кемчикский район (5 поселков, 25 заимок,

1 зимовье, 71 фактория), третий — Турано-Тарлыкский (6 поселков, 7 факторий, 42 заимки) и Тоджинский (9 поселков, 12 заимок и 1 хутор) (13). Таким образом, в Урянхайском крае населенные пункты делились на три большие группы: 43 поселка, 95 заимок, 86 факторий. Всего населенных пунктов было около 215. Сравнительный анализ разных документов показывает, что все-таки заимки как тип поселения преобладали. Однако, по нашему мнению, ставить четкую грань между заимкой и факторией как типами поселений не следует, поскольку они только отражают хозяйственную специализацию по районам, а по сути представляют собой индивидуальные, зажиточные, крепкие хозяйства русских поселенцев Урянхайского края.

Владельцами заимочного типа хозяйств в Малоенисейском и Турано-Тарлыкском районах были в большинстве своем крестьяне. С точки зрения хозяйственного назначения среди заимок преобладали сельскохозяйственные. Наблюдается их специализация по районам. В Малоенисейском районе основными отраслями хозяйства были хлебопашество, коневодство, скотоводство, сочетавшиеся с торговлей. В Турано-Тарлыкском районе была схожая ситуация, но в комплексе — с мараловодством и местами рыболовством. Население заимок Тоджинского района занималось торговлей с урянхайцами (закупка пушнины), рыбной ловлей, охотой, мараловодством, заготовкой сена. В гораздо меньшей степени было развито сельское хозяйство в силу природно-климатических условий данного региона. Лишь в качестве эксперимента тремя домохозяевами с разрешения урянхов было распахано 1,5 десятины земли. В Кемчикском районе русским было запрещено заниматься земледелием, поскольку он был наиболее густо заселен коренным населением и тувинцы здесь более ревностно, чем в других районах, относились к своим пастбищным угодьям, при этом развивали свое земледелие. Поэтому отличительной чертой заимочных поселений по Кемчику являлась их принадлежность торговцам; развивались скотоводство, коневодство, маслоделие, огородничество. Таким образом, русский крестьянин, точнее — сибирский старожил, вынужден был приспосабливаться в экстремально сложных не только политических, но прежде всего природно-климатических условиях. Естественным методом адаптации поселенцев было создание комплексного хозяйства, наиболее полно отвечавшего их собственным интересам, которое удовлетворяло их потребности в условиях зоны рискованного земледелия, каковым являлся Урянхайский край.

Для Урянхайского края, как и для других регионов Сибири, на начальном этапе освоения был характерен заимочно-захватный тип землепользования. «Сущность заимочно-захватной системы заключалась в почти неограниченном праве крестьянина выбирать для своего пользования любое количество земли в соответствии с его хозяйственными силами» (14). Благоприятными условиями для развития этого варианта освоения русскими новых сельскохозяйственных угодий Урянхайского края явились

следующие: наличие огромного земельного фонда и низкая плотность местного населения. Поэтому, несмотря на очевидные трудности первых лет, старожилы зачастую оказывались в более выигрышных условиях, чем присоединившиеся к ним позднее односельчане. Но это не означало, что характер земельных отношений был прост. Характер земельных отношений приводил к многочисленным противоречиям, так как земля находилась лишь в пользовании тувинцев, номинальным собственником был китайский император, фактически же она принадлежала верховному правителю Тувы Амбань-нойону. Детально характер земельных отношений описал заведующий Минусинской поземельно-устроительной партии Козьмин: «...земли уступались в бессрочное пользование за незначительное вознаграждение (чаще всего угощение, подарки) по „уступительным записям“... это выражение соглашений частных лиц или групп их русского происхождения с таковыми же сойотского происхождения. Поэтому никакого сколько-нибудь надежного порядка землевладения нет. Бывают случаи, что одна и та же местность или части уступаются нескольким лицам разными сойотами» (15). Это объясняется тем, что среди самих тувинцев землепользование тоже было основано на праве первого захвата. За каждой тувинской общиной (аал) закреплялись кочевья, обширные пастбища, отвечающие хозяйственной силе каждого его члена. Когда члены общины теряли былую мощь своего хозяйства, они начинали излишки земли отдавать или уступать, прельстившись каким-либо диковинным товаром, но чаще вынужденно отдавали участок из своего кочевья, поскольку поголовно каждое хозяйство сойота было в неоплатном долгу перед русскими торговцами. Кроме того, когда участки сдавались отдельным сойотом, получалось так, что, по сути, не располагая точными сведениями относительно своих земель, он оставался без необходимых площадей и сенокосов.

Займочно-захватное землепользование было основным типом землепользования русских на территории Тувы. Однако поселенцы владели землей и на правах аренды. Последний тип землепользования связан, судя по архивным документам, с образованием казенно-оброчных статей землеустроительной комиссией по указанию и с ведома Усинского пограничного управления. Межевания производились по Турано-Уюкскому району, наиболее заселенному русскими. По этому поводу была переписка усинского пограничного начальника с иркутским генерал-губернатором. Суть этой переписки заключалась в том, что правительство хотело сделать отводы земельных участков под сельские хутора и усадьбы под расписку, аналогичные тем отводам, которые выдавались на разработку золотоносных площадей. В случае пограничных осложнений или категорического требования Китая прекратить разработку таких участков правительству владельцы этих участков не будут предъявлять претензий по поводу утраты своей собственности. Иркутским генерал-губернатором был отдан приказ, в котором говорилось: «...для отвода оброчных статей в Усинском Пограничном Округе вне района Усинской волости мной на-

значается особая комиссия под председательством Усинского Пограничного Начальника. Приказ этот необходим во избежание открытого объвления русским и урянхам, что оброчить статьи возможно и в Урянхае» (16). Этот факт свидетельствует о том, что на территории, принадлежавшей другому государству, русское правительство действовало и проводило политику согласно своим законам, при этом ничем не гарантируя их прочное водворение. Колонизация Урянхайского края в начале XX в. происходила довольно интенсивно, чему способствовали прежде всего организационные мероприятия. С созданием переселенческих органов возникали поселки, в которых проживала основная часть колонистов.

Таким образом, в колонизационной политике русского правительства в Урянхайском крае выявляются общие тенденции, приемы, методы освоения новых территорий, характерные и для других регионов Сибири, однако если Сибирь осваивалась на первоначальном этапе властно, путем создания административно-управленческих структур, то интеграция Урянхайского края началась с хозяйственно-экономического освоения. Именно колонизационная политика явилась важным компонентом имперской политики, конечной целью которой было превращение Тувы в территорию России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 47.

2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 188. Л. 6.

3. Там же. Д. 26. Л. 153.

4. Там же. Д. 96. Л. 51.

5. Там же. Д. 156. Л. 51.

6. Там же. Л. 15.

7. Там же. Л. 46.

8. Там же. Д. 26. Л. 191.

9. Дацишен В.Г. <http://www.tuad.nsk.ru>

10. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы XIX – начала XX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 357.

11. ЦГАРТ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 154. Л. 7.

12. Стороженко А.А. Участие старообрядцев в формировании поселенческой структуры Урянхайского края в начале XX в. // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 3. С. 96–102.

13. ЦГАРТ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. Л. 2; Д. 1. Л. 441–444; Ф. 112. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.

14. Цит. по: Стороженко А.А. Указ. соч. С. 97.

15. ЦГАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.

16. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 25.

Анна Валентиновна РОССОВА,
*студентка исторического факультета
Иркутского государственного университета*

МАНЗУРСКАЯ ВОЛОСТЬ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В XIX ВЕКЕ

Сельскохозяйственное освоение Сибири началось еще в XVII в., этот процесс шел параллельно с колонизацией территории и закреплял уже присоединенные земли за Россией. Вся тяжесть по реализации переселенческой политики ложилась на плечи простого русского крестьянина, пришедшего в Сибирь в поисках свободной земли. Благодаря природной смекалке и опыту предыдущих поколений сибирскому крестьянину удалось не только приспособиться к суровым климатическим условиям, но и добиться определенных успехов в деле освоения новых земель.

Появление первых русских поселений на территории Манзурской волости относят к XVII в., о чем свидетельствует целый ряд исторических документов. Так, в книге И.И. Серебренникова «Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии» находим: «В XVII веке существовали уже селения: Бирюльское, Качиково (с. Качуг), Анга, село Манзурское и Маломанзурское» (12, с. 54). Таким образом, рассматриваемые нами поселения возникли примерно в одно время с Иркутском. Интересующая нас Манзурская волость находилась на юго-востоке Иркутской губернии. «В 1648 году на Якутском тракте возникло село Манзурка, а в 1668 году пашенными крестьянами основана Бирюльская слобода» (9, с. 135).

Вот как описывал А.П. Щапов родные ленские просторы: «И только по берегам верхней Лены опять начинаются красно-песчановые горы, в сторону, в даль от реки уходящие хребтами, поросшие черным лесом. В падях, с одной стороны по течению притока Ангары — р. Куды, с другой по течению притоков р. Лены — Манзурки и Анги и других рек, извилисто тянутся обширные степи бурятские» (13, с. 17). Если говорить о расположении поселений данной волости, то, как и большинство поселений того времени, они размещались по берегам рек. В Манзурской волости таких рек было несколько, все они входили в ленскую систему вод: Лена, Манзурка, Бирюлька, Анга, Киренга, Исеть, Унгур, Куйтун. Также на расположение поселений большое влияние оказал Якутский тракт, соединявший Иркутск с Качугом. Расстояние от Иркутска до Манзурской волости равнялось примерно 250–260 верстам. «Кроме Томска товары возят на Качуг — 250 верст от Иркутска» (10, с. 35).

Согласно архивным документам, в первой половине XIX в. Манзурская волость входила в состав Иркутского округа, одного из крупнейших

уездов (округов) губернии. Об этом свидетельствует описание площади данного уезда: «Уезд сей (Иркутский. — А. Р.) ограничивается к западу Нижнеудинским, к полуночной стороне и к востоку Киренским уездом, к югу с правым берегом моря Байкал. В длину простирается на 540, а в ширину на 470 верст» (11, с. 72). Что касается площади, занимаемой самой волостью, то, судя по архивным материалам, она была довольно обширной, если «пахотные угодья составляли 15 636 десятин, а сенокосные — 11 495 десятин» (8, л. 14), не считая неудобий и земли, занятой селениями, а также реками. Самым северным поселением волости был Верхолениск, а самым южным — Куретская деревня. «Волость разделена на слободы и селения, волостное управление состоит в Качужской слободе. Отдельных, кроме сего управления по части хозяйственной нет, как только сельские старшины в каждой слободе и селении, исключая малочисленные деревни, причисляемые либо к большому селению, либо к слободе» (8, л. 5 об.) Подобное деление волости способствовало улучшению качества управления и ввиду обширности территории было оправданным шагом.

В первой половине XIX в. в состав Манзурской волости входили следующие поселения:

«Слободы: Манзурская, Бирюльская, Ангинская, Качужская.

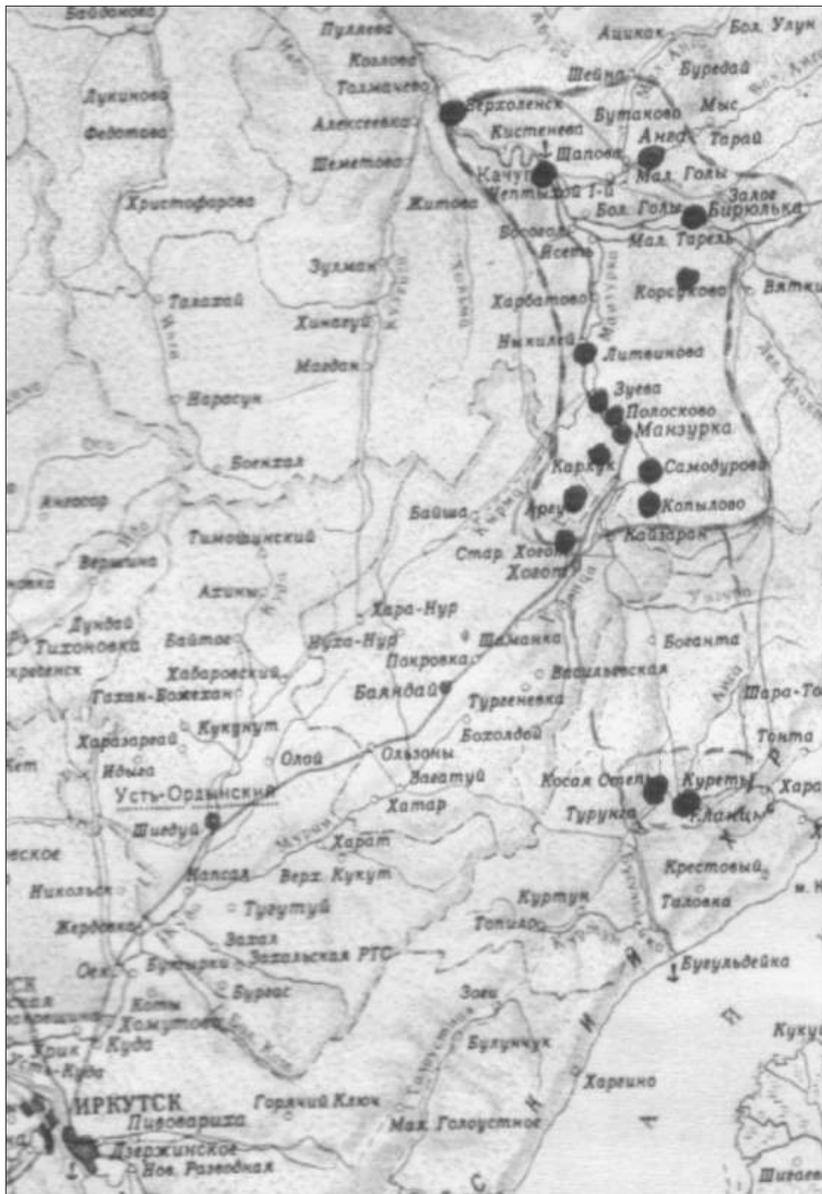
Селения: Косостепское.

Деревни: Седовская, Бишаевская, Самодуровская, Капчагайская, Будичкино, Копыловская, Ельниковская, Карлук, Аргунь, Липкаева, Кокорина, Полосково, Литвинова, Алано-Литвиновская, Маломанзурская, Харбитовская, Куреть, Кунта, Цикур, Кокуй, Малая Тарель, Кривошеина, Юшина, Большие Голы, Малые Голы, Тарель, Косогол, Чеменина, Залог, Болотская, Исеть, Щапова, Рыкова, Тарай, Костромитина, Овсянникова, Карам» (8, л. 48–53). Итого 42 населенных пункта на 1851 г. По данным на 1819 г., «в Манзурскую волость входило 38 населенных пунктов — 5 слобод и 33 деревни» (4, л. 111–112). Увеличение количества поселений на территории волости можно объяснить не только демографическими процессами (естественным приростом населения), но и тем, что царское правительство проводило переселенческую политику.

На основе данного списка поселений были сделаны примерные вычисления, в результате которых удалось весьма схематично очертить границу Манзурской волости в первой половине XIX в. Согласно современному административно-территориальному делению Иркутской области, большая часть бывшей Манзурской волости приходится на сегодняшний Качугский район. Большинство географических названий сохранилось, претерпев некоторые изменения.

Народонаселение

Большую часть населения Манзурской волости в первой половине XIX в. составляли государственные крестьяне. Судя по архивным источ-



Манзурская волость в первой половине XIX в.

никам, волость делилась на более мелкие территориальные единицы, основой которых являлись крупные слободы и примыкающие к ним деревни. Условно можно выделить три таких центра: Бирюльский (Бирюльская слобода с деревнями), Манзурский (Манзурская слобода с деревнями), Ангинский (Ангинская слобода с деревнями). Рассмотрим более подробно эти территориальные единицы.

1. Бирюльская слобода с деревнями

В состав данного центра входили населенные пункты: «Бирюльская слобода, Качужская слобода и деревни: Кривошеинская, Юшенская, Заложная, Головская, Исетская, Косогольская, Гавриловская, Тарельская, Цакурская» (4, л. 91–92). Данный территориальный центр находился на северо-востоке Манзурской волости. На 1815 г., по 6-й ревизии, в нем проживало 2 155 ревизских душ, 82,3 % которых являлись государственными крестьянами (1 773 ревизских души). Количество дворов по этой территории равнялось 482, преобладали крестьянские. Вторую по величине группу населения составляли поселщики в окладе (ссылные, платящие налоги), они составляли 11 % всего населения Бирюльской части волости. «Священнослужителей — 11 человек (в основном в крупных селениях) = 0,5 %; мещане — 3 человека = 0,1 %; отставные солдаты — 3 человека = 0,1 %» (4, л. 91–92).

2. Манзурская слобода с деревнями

В состав этого центра входили населенные пункты: «Манзурская слобода и деревни: Садовская, Шергинская, Бишаевская, Ельниковская, Капчагайская, Копыловская, Карлутская, Аргунская, Полосковская, Литвиновская, Маломанзурская, Косостепская, Куретская, Кунтинская» (3, л. 88–89). Данная территория находилась в центральной и юго-восточной части волости и была самой обширной. На 1815 г., по 6-й ревизии, в этой части волости проживало 1 303 ревизских души, из которых государственные крестьяне составляли 71,5 %. Выделенная нами вторая по численности группа — поселщики в окладе — в этом районе была немного больше и равна «13,4 %, поселщики в пропитании (не платящие налоги, живущие на содержании у крестьян) = 9,1 %.

Духовного звания — 17 = 1,3 %;

Отставные солдаты — 4 = 0,3 %;

Мещане — 6 = 0,5 %;

Ясачные крещеные — 53 = 4 %» (4, л. 88–89).

Количество дворов в этой части волости равнялось 376.

3. Ангинская слобода с деревнями

В состав этого центра входили населенные пункты: «Ангинская слобода и Тарайская деревня» (4, л. 98). На 1815 г. население данной части волости составляло «474 ревизских души, среди них государственных крестьян — 82 %, поселщиков — 70 = 15 %;

Ясачных — 7 = 1,5 %;
 Духовенства — 10 = 2,1 %» (4, л. 98).

Данный территориальный центр находился на севере Манзурской волости и был самым небольшим среди выделенных нами как по занимаемой площади, так и по численности населения.

Всего в волости проживало на 1815 г. 3 932 ревизских души, «к 1842 году количество ревизских душ сократилось и составило — 3 667» (6, л. 94 об.). С помощью простого математического действия довольно легко можно определить общую численность населения волости: на 1815 г. — приблизительно 7 864 человека, на 1842 г. — 7 334. Нами были учтены лишь государственные крестьяне и лица, платящие налоги, поэтому цифра, приведенная выше, весьма условна. По имеющимся данным, на 1851 г. «общее число жителей в Манзурской волости: мужчин — 7 287, женщин — 4 768, итого 12 055 человек» (8, л. 11).

Таким образом, к началу XIX в. население Манзурской волости равнялось уже нескольким тысячам человек, что для отдельно взятой волости является неплохим показателем.

Благодаря сохранившимся отчетам старейшин Манзурской волости мы имеем возможность ознакомиться с таблицей, содержащей сведения о сословных группах, проживавших на территории волости в середине XIX в. (8, л. 12).

Сословия, проживающие в Манзурской волости на 1851 год

Название волости	господствующей веры		инородческой веры	
	Мужского пола	Жен. п.	Мужского пола	Жен. п.
Манзурская волость				
Духовного черного	-	-	-	-
Духовного белого	43	49	-	-
Дворян потомствен.	-	1	-	-
Чиновников и Приказнослужителей	3	2	-	-
Почтового ведомства	3	4	-	-
Купцов 3-й гильдии	2	3	-	-
Медицин. и аптечных участковых из крестьян	3	2	-	-
Мещане	13	14	-	-
Крестьяне госуд.	3 570	3 812	-	-
Крестьян. экономич.	384	419	-	-
Крестьян из поселенцев	85	83	5	3
Крестьян из инородцев	6	11	-	-
Детей ссыльных	290	28	6	5
Оседлых инородцев	51	54	-	-
Ссыльных до устава о ссыльных	32	19	-	-

Ссылных после устава о ссылных	2 362	195	60	-
Ссылных в пропитании	315	17	5	-
Низшие чины отставные	24	12	-	-
Низ. чины бессрочноотпущенные	1	-	-	-
Военные	16	-	8	-
Солдаток, оставшихся без мужей, и вдовы	-	28	-	-
Итого	7 203	4 753	84	15

Из таблицы видно, что второй по численности группой населения волости после государственных крестьян были ссылные. Действительно, Манзурская волость, как и большинство сибирских волостей того периода, стала местом ссылки. В настоящем исследовании ссылка рассматривается как форма реализации переселенческой политики правительства. Само название — ссыльнопоселенцы — появляется в документах в середине XIX в., первоначально же эту категорию людей называли «посельщики» (от слова «поселяться»).

Посредством ссылки государство решало следующие проблемы:

- удаляло опасные преступные элементы из центральных регионов, тем самым снимая напряжение в обществе;
- заселяло сибирские земли, закрепляя таким образом их за Российской империей.

Учитывая то, что большинство ссылных, особенно в первой половине XIX в., принадлежали к крестьянскому состоянию и имели навыки ведения сельского хозяйства, нельзя не оценить дальновидность правительства в данном деле.

Виды деятельности населения

Земледелие составляло основное занятие населения Манзурской волости, что объясняется преобладанием крестьянства (основным видом деятельности которых являлось хлебопашество) над другими сословными группами.

Долгое время «хозяйкой» крестьянских полей была рожь, отличающаяся морозоустойчивостью и неприхотливостью. По Манзурской волости рейтинг зерновых культур выглядел таким образом:

«На 1810 год по Бирюльской слободе с деревнями в посеве с десятины:

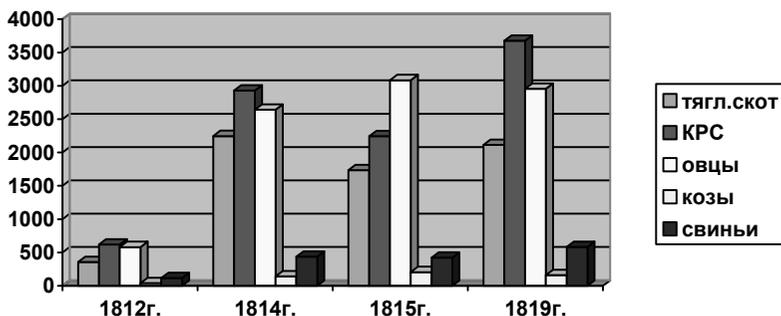
1. рожь — 1 493 пуда;
2. пшеница — 190 пудов;
3. ярица — 184,5 пуда;
4. ячмень — 151 пуд;

5. овес — 100 пудов;
6. семя конопляное — 33 пуда» (1, л. 43).

Пшеница, менее устойчивая к нестабильному климатическому режиму Сибири, прочно занимала второе место среди зерновых культур. Со временем пшеница получила более широкое распространение, причиной тому были высокие рыночные цены и спрос на нее.

Помимо зерновых в начале XIX в. в рацион крестьян входит картофель, в огородах появляются огурцы, другие овощи и корнеплоды. Из «Ведомости о списке овощей по Бирюльской слободе» на 1806 год: «Среди разводимых овощей картофель и репа, редька, морковь, свекла, капуста, огурцы» (7, л. 50). Для сохранения урожая власти предписывают создавать хлебные запасные магазины и овощные запасные ямы.

Кроме земледелия в волости получает распространение скотоводство. На основе архивных материалов удалось проследить динамику его развития:



Промыслы были неотъемлемой частью жизни населения волости (в основном крестьянства). Под промыслами в конкретном случае понимается экономическая деятельность крестьян, приносящая дополнительный доход и не связанная с их традиционными занятиями (хлебопашеством и скотоводством). К промыслам населения Манзурской волости можно отнести сукноделие, торговлю хлебом, содержание мельниц, строительство барок и судов. Среди промысловиков было немало ссыльнопоселенцев (посельщиков), обладавших навыками в ремесленном деле. Имели место и традиционные промыслы — охота, рыболовство, собирательство. В скудном крестьянском рационе не последнюю роль играли продукты охоты и рыболовства. Данные виды промыслов были свойственны населению Сибири во все времена, а на первом этапе освоения новой территории являлись основным источником мяса и рыбы. Манзурская волость благодаря своему географическому положению способствовала сохранению и развитию промыслов. «Промышленно зрения за 1851 год кустом (счетом):

Лисиц — 2;
хорьков — 40;
медведей — 1;
волков — 10;
белок — 4 000; горностаев — 12;
сохатых — 6; изюбрей — 3; оленей диких — 2;
зайцев — 100; коз диких — 500.
Рыб (пудами): тайменей — 10, сига — 12,
щук — 5, ленков — 15,
налимов — 25, хариусов — 12,
ельцов — 5, окуней — 3» (8, л. 72–73 об.).

Экономическая деятельность крестьян и представителей других сословий Манзурской волости была активной, местные власти старались не вмешиваться в нее, а наоборот, нередко выступали с полезными предложениями по ее улучшению. В 1807 г. в Манзурской волости яровые посевы не оправдали себя. Иркутский гражданский губернатор Трескин прислал рекомендацию волостному правлению: «Чувствуя, сколь вреден для земледелия такой обычной (яровой посев), особенно после прошлогоднего худого урожая... сие больше происходит от предрассудков. Но одно то, что в тех местах, где яровые посевы померзли, рожь совершенно созрела. Я обязанностью себе поставлю всемерно стараться о распространении повсюду озимого посева» (2, л. 10).

Просвещение населения

Учреждение в 1816 г. приходских училищ в двух селениях Манзурской волости (Манзурском и Бирюльском) было воспринято местным населением с интересом и на первом этапе получило активную поддержку. Но, как оказалось, все тяготы по устройству и содержанию учебных заведений были возложены на податное сословие (крестьянство), государство лишь предоставляло учителей (не отличавшихся высокими морально-нравственными качествами, часто жестоко обращавшихся с детьми и имевших пристрастие к алкоголю). Обучались в училищах в основном дети крестьян и духовенства, главным образом мальчики, но иногда и девочки, так, в списке учеников на 1 января 1821 г. находим: «Акулина Карпова Свинына, 10 лет, принята в учение в 1821 году» (5, л. 163). Через несколько лет крестьяне устали от «сих полезных для просвещения детей разного состояния учреждений», и на некоторое время училища были закрыты. Лишь в начале 30-х гг. XIX в. деятельность училищ была возобновлена и продолжалась вплоть до начала XX в.

Таким образом, стоит отметить, что проводимая царским правительством переселенческая политика оказала положительное влияние

как на экономику Манзурской волости (присланные из европейской части России ссыльные являлись носителями новых приемов земледелия и скотоводства, часто владели каким-либо ремеслом и охотно брались за любую работу, тем самым наполняя рынок наемного труда), так и на культуру (нередко ссыльные приносили с собой религиозные идеи /старообрядничество/ и фольклорные элементы своей малой родины: сказки, песни и т. д.). Все это быстро приживалось на сибирской земле и через поколение считалось уже неотъемлемой частью быта и культуры местного населения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 73. О распространении хлебопашества.
2. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 118. О хлебопашестве.
3. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 143. О почтовой и обывательской гоньбе.
4. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 207. Об имеющемся скоте.
5. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 278а. Об учреждении приходских училищ.
6. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 775. О разведении картофеля.
7. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 807. О посеве и урожае картофеля.
8. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Оп. 3. Д. 130. Статистическое описание Манзурской волости (годовой отчет за 1851 г.).
9. Бубис Н.Г. Качугский район // Памятники истории и культуры Приангарья / сост. А.В. Дулов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990.
10. Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975.
11. Описание Иркутского наместничества 1792 г. Новосибирск: Наука, 1988.
12. Серебренников И.И. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. Иркутск, 1915.
13. А.П. Щапов в Иркутске: (Неизданные материалы). Иркутск: ОГИЗ, 1938.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

1. Переселенческая политика царизма после крестьянской реформы 1861 г.

В 60-х гг. XIX в. Сибирь почти не упоминалась в законодательстве о переселенцах. Переселение государственных крестьян, начатое в конце 30-х гг., при первом министре государственных имуществ П.Д. Киселеве, долгое время до Сибири не доходило. Крестьян направляли во внутренние губернии: Воронежскую, Тамбовскую, Харьковскую, Саратовскую, Оренбургскую, а также на Северный Кавказ. Лишь в начале 50-х гг. XIX в. в три сибирские губернии — Тобольскую, Томскую и Енисейскую — отправлялись первые партии государственных крестьян-переселенцев.

Сибирское переселение занимало незначительное место в общем переселенческом движении. В 1861 г. крестьяне получили право переселяться в недавно присоединенный Амурский край и Приморскую область за свой счет, без всякой государственной помощи. С 1866 г. было разрешено переселение в Южно-Уссурийский край. Переселение это, разрешенное по политическим и стратегическим соображениям, носило случайный характер. Отдаленные районы Сибири еще не привлекали переселенцев — в пределах Европейской России имелся достаточный запас свободных государственных земель (1).

Положения 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права полностью исключали право бывших крепостных крестьян на переселение. Реформа готовилась в условиях революционной ситуации. Правительство Александра II отменило личную зависимость крестьян, но при этом так наделило их землей, чтобы после «освобождения» крестьяне оставались привязанными к помещичьим имениям в качестве дешевой рабочей силы и арендаторов помещичьей земли. Для осуществления этой основной цели закона необходимо было с прежней последовательностью запрещать переселение крестьян, так как переселение резко диссонировало с общим характером и содержанием проводимой реформы.

Вскоре после начала реформы было запрещено и переселение

* В связи со скоропостижной смертью ведущего научного сотрудника Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» Евгения Борисовича Шободоева, произошедшей 17 сентября 2008 г., текст его выступления на конференции не был подготовлен к печати. В материалах конференции мы помещаем фрагмент исторической справки «Организация переселения и землеустройства в Иркутской губернии», которой Е.Б. Шободоев занимался до самой смерти. Это последняя, не вполне законченная, работа иркутского историка. *Отв. ред.*

государственных крестьян. В 1866 г. их перевели на выкуп, передали из Министерства государственных имуществ в ведение общекрестьянских учреждений и закрыли правительственный кредит на их переселение (2).

Несмотря на все запреты, самовольное переселение бывших помещичьих крестьян продолжалось. В связи с этим в 1866 г. при Министерстве внутренних дел создается комиссия по выработке общих переселенческих правил. Но ее работа ограничилась обобщением и изучением ранее принятых частных законов о переселении в отдаленные районы; новых правил комиссия не подготовила. Правительство отложило выработку общего законодательства по переселенческому вопросу, опасаясь, что даже самые ограниченные правила, опубликованные в период действия Положения о временной обязанности, могут дать повод к массовым отказам крестьян от наделов и уходу их на свободные казенные земли.

К концу 1860-х гг. в некоторых приуральских губерниях скопились тысячи самовольных переселенцев, бежавших туда в разное время и существовавших на положении арендаторов казенной и старожильской земли. Жили они без приписки к сельским обществам, что, по существу, лишало их тех немногих прав, которые имело старожильское население. Возвратить их насильственным путем на старые места стало уже невозможно — репрессии могли дать повод к новым крестьянским волнениям; столь же неразумно было оставлять их в положении вечно бесправных арендаторов — это могло стать причиной недовольства правительственной политикой. Поэтому правительство еще в годы, когда действовало Положение о временнообязанных, пошло на отдельные уступки в переселенческом вопросе. Одной из них явилось утвержденное Александром II 9 апреля 1869 г. положение Главного комитета по устройству сельского состояния «О мерах к водворению в Оренбургской губернии издавна проживающих там переселенцев из других губерний» (3). Положение касалось пока только Оренбургской губернии, так как здесь оказалось более 10 тыс. самовольных, не получивших земли, переселенцев.

Закон разрешал окончательно водвориться тем переселенцам из бывших государственных крестьян, которые в свое время направились в Сибирь или Амурский край, но не дошли туда и осели в Оренбургской губернии. Право на водворение получали также те из бывших государственных крестьян, которые самовольно пришли сюда давно, арендовали казенные или частные земли и проживали по паспортам или по приговорам сельских обществ. Им предоставлялось право «отказаться от надела в старых обществах и причислиться к новому месту жительства». Недоимки, имевшиеся за ними по прежним обществам, снимались с последних и переводились на общества нового водворения.

Закон особенно ограничивал права самовольных переселенцев из бывших помещичьих крестьян, допускал водворение только тех, кто бежал от нищенского дарственного надела, не был связан с помещиком вы-

купной операцией и, следовательно, не являлся должником правительства по выкупным платежам, все же остальные, бежавшие от помещиков после реформы, право на переселение не имели.

В 1870-х гг. правительство продолжало придерживаться политики запрещения в переселенческом вопросе, но проводить ее стало труднее, так как на протяжении второго десятилетия после реформы происходило дальнейшее ухудшение экономического положения крестьян. К середине 1870-х гг. увеличилось число самовольных переселенцев и за Уралом. Большинство из них составляли бывшие помещичьи и государственные крестьяне, получившие в свое время разрешение на переселение в Амурскую область, но не дошедшие до мест назначения. В августе 1876 г. Министерство внутренних дел по согласованию с Министерством государственных имуществ предложило Комитету министров распространить на них действие законов, по которым до сих пор устраивались переселенцы в приуральских губерниях. 9 ноября 1876 г. правительство приняло постановление «О переселенцах Тобольской и Томской губерний, водворившихся там с давнего времени» (4). В постановлении указывалось, что «законно отпущенные» в Амурскую область, имевшие от прежних обществ увольнительные приговоры или свидетельства, причислялись казенными палатами на новые места по этим документам. Все остальные, пришедшие в Западную Сибирь без увольнительных приговоров и свидетельств и без разрешения местной администрации, могли водвориться только с согласия управления тех губерний, откуда пришли. Все недоимки по казенным сборам и податям перечислялись на водворяемых, прежние общества освобождались от всякой ответственности за их уплату. При уплате недоимок переселенцы получали рассрочку на четыре года.

В начале 1880-х гг. происходит определенный сдвиг в отношении правительства к переселенческому вопросу. Причиной его послужила революционная ситуация 1879–1880 гг. Почти вся Европейская Россия была снова охвачена крестьянским движением, наиболее активную и длительную борьбу вели крестьяне центрально-черноземных, восточных и южных губерний. Революционное движение заставило правительство снизить выкупные платежи и ускорить перевод всех крестьян на выкуп, там самым повсеместно прекратить ненавистную для крестьян временную обязанность (5).

За два десятилетия после отмены крепостного права в процессе капиталистического развития земледелия в деревне образовалась резервная армия сельскохозяйственных рабочих, ставшая непрерывным источником рабочей силы для помещичьих хозяйств.

Несмотря на развитие отхожих промыслов и самовольное переселение, избыточное сельское население продолжало расти. Сохранив за собой землю, помещики получили неограниченную возможность обрабатывать ее с помощью дешевого наемного труда. Это не могло не

повлиять на отношение помещиков к переселенческому движению. В период революционной ситуации земские управы и губернаторы рекомендовали правительству разрешить переселение крестьян из всех районов Европейской России под контролем губернских и центральных органов власти. Они предлагали переселять в первую очередь малоземельных и безземельных, отмечая, что в период обострения крестьянских волнений эта часть населения становится опасной.

Под давлением революционного движения и по рекомендации самих помещиков правительство Александра II 10 июля 1881 г. утвердило «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли» (6). Данные правила допускали переселение тех крестьянских семей, которые начали выкуп своих наделов и чье экономическое положение вынуждало к переселению. Местные органы власти проверяли имущественное положение заявивших о переселении и направляли их ходатайства вместе со своими заключениями на рассмотрение Министерств внутренних дел и государственных имуществ. Распродавать имущество и переселяться можно было только после разрешения этих министерств. Казенные палаты перечисляли недоимки вслед за переселенцами по местам их водворения. Этот пункт перешел во «Временные правила...» из прежнего законодательства.

Министерству государственных имуществ поручалось отводить переселенцам свободные казенные земли в Европейской и Азиатской России в краткосрочное (на 6–12 лет) пользование, в размерах не выше указанного надела или не более 8 десятин на душу. За получаемую землю новоселы обязывались платить оброчную подать сообразно с действительным доходом, который казна получала с каждой оброчной статьею до водворения переселенцев. В «Правилах» 1881 г. еще не говорилось о специальных землеотводных работах в сибирских губерниях, потому что уходившие в Сибирь переселенцы предпочитали причисляться к старожильческим селениям, а также ввиду наличия за Уралом большого запаса свободных государственных земель, пригодных для ведения сельского хозяйства.

«Временные правила...» от 10 июля 1881 г. появились вследствие революционной ситуации. Крестьянские массы требовали узаконить переселенческое движение, прекратить преследование самовольных переселенцев. Правительство пошло на это под давлением крестьянских выступлений. В то же время оно должно было охранять интересы помещиков, не давая лишних поводов к возбуждению крестьян. Таким поводом могла стать публикация «Правил», и правительство скрыло их от крестьян, не опубликовало. Они являлись первой осторожной попыткой сформировать основные направления правительственной политики в переселенческом вопросе. Разрешая переселенческое движение, правительство предполагало подчинить его строгому государственному контролю и регулированию (7).

2. Активизация переселенческого движения в период развития капитализма

а) Законодательное оформление переселения в Западную Сибирь

13 июля 1889 г. получил утверждение новый закон о переселении под названием «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» (8). По закону государственные земли в Тобольской и Томской губерниях и в Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской областях переселенцы получали в постоянное (бессрочное) пользование. Переселенцы не имели права «ни отчуждать, ни обременять долгами полученную землю». Она оставалась принадлежностью казны. За пользование землей переселенцы платили государственную подушную подать и отбывали казенные земские повинности (денежные и натуральные). Закон распространял на новоселов круговую поруку. При общинном пользовании землей они сообща отвечали за исправный взнос налогов, арендной платы и отбывание повинностей. В обществах с подворным землепользованием круговая порука была обязательной при уплате налогов и отбывании повинностей, а взнос арендной платы за землю «оставался на личной каждого хозяина ответственности». Сохранялись глубокие пережитки крепостничества, так, например, ходатайства крестьян рассматривались уездными и губернскими властями и потом направлялись в Министерства внутренних дел и государственных имуществ. Переселенцу приходилось очень долго ждать ответа на ходатайство, не сниматься с места, пока не будет получено сообщение из района водворения о наличии свободной земли. Наконец, требовалось особое разрешение на продажу имущества. В законе впервые говорилось о льготах и помощи переселенцам. Они освобождались в Сибири от уплаты казенных сборов и арендных платежей на три года полностью, а на последующие три года обязывались платить их в половинном размере. Новоселы получали отсрочку в отбывании воинской повинности на три года. По прибытии на место водворения нуждавшиеся имели право получать семенные ссуды наравне со старожилами. Пункты о льготах не подлежали оглашению, так как правительство имело опасения, что их опубликование вызовет массовый уход крестьян из районов помещичьего землевладения (9).

б) Распространение закона о переселенцах от 13 июля 1889 г. на Иркутское генерал-губернаторство

Иркутский генерал-губернатор 22 сентября 1890 г. обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством о распространении закона от 13 июля 1889 г. на Иркутскую и Енисейскую губернии. В ходатайстве

генерал-губернатора были собраны данные о состоянии переселенческого дела в Восточной Сибири, в частности указывалось: «Что касается Иркутской губернии, то хотя в ней и не было обмежевано участков под водворение переселенцев, но... в ее пределах тоже найдется достаточный запас земель, пригодных для этой цели. Произведенные в последнее время статистические исследования показали, что в некоторых волостях Нижнеудинского и Балаганского округов наделы старожилов и инородцев доходят до 60-ти десятин на душу. Предполагаемые в недалеком будущем землеустроительные работы обнаружат избыток земель в Иркутской губернии, который может быть употреблен по усмотрению правительства, пока же Иркутской казенной палате предложено представить соображения о возможности образования переселенческого участка из 2-й Коринской казенной оброчной статьи, заключающей в себе до 4 000 десятин удобной земли...» (10).

Число переселяющихся в Иркутское генерал-губернаторство достигло в этот период следующих размеров (11):

Год	В Енисейскую губернию		В Иркутскую губернию		Всего	
	Число семей	Число душ обоого пола	Число семей	Число душ обоого пола	Число семей	Число душ обоого пола
1885	231	1 170	14	68	245	1 238
1886	486	2 876	-	-	484	2 876
1887	178	962	9	32	187	994
1888	163	1 029	3	15	166	1 044

Сведений за 1889 и 1890 гг. в распоряжении генерал-губернатора не было. Из приведенных числовых данных видно, что в среднем в Енисейскую губернию прибывало ежегодно до 264 семейств, или 1 500 человек.

Под наблюдением губернатора и главного начальника края Енисейская казенная палата занималась устройством быта этих переселенцев, как путем отвода им земельных участков, так и припиской их к местам нового жительства, но по отсутствию закона, облегчающего перечисление крестьян и мещан в губернии Восточной Сибири, половина переселенческих семейств проживала не перечисленными, хотя большинство из них обзавелось и домами, и хозяйствами. Генерал-губернатор сообщал, что громадное большинство уже прочно устроилось на новых местах жительства и обзавелось пахотными и сенокосными угодьями. Объясняя поэтому факт проживания переселенцев без перечисления отсутствием особых узаконений и признавая весьма желательным заселение земледельческим населением свободных

пространств Восточно-Сибирского края, генерал-лейтенант Горемыкин считал необходимым принять соответственные меры к наиболее целесообразному устройству уже переселившихся сельских обывателей и мещан и к упорядочению переселенческого движения в будущем. Генерал-губернатор ходатайствовал о распространении на Иркутское генерал-губернаторство закона от 13 июля 1889 г. без всяких изменений, с предоставлением переселенцам тех же льгот и облегчений, которые приведенным законом были установлены для соседней Томской губернии.

Для осуществления надзора за переселенческим делом иркутский генерал-губернатор предлагал учредить еще одну должность чиновника особых поручений при Земском отделе МВД непосредственно для Восточной Сибири, мотивируя это тем, что «присоединение хотя бы одной Енисейской губернии к ведению томского чиновника особых поручений при земском отделе, командированного для регистрации и содействия переселенцам, ввиду громадных расстояний и значительности переселенческого движения в той и другой губернии, может вредно отозваться на результатах деятельности этого чиновника» (12). С мнением генерал-губернатора согласились с некоторыми добавлениями министры государственных имуществ и финансов (13).

Земский отдел Министерства внутренних дел, в ведении которого до 1896 г. находились вопросы переселения, сообщил иркутскому генерал-губернатору 12 июня 1892 г., что Государственный совет, обсудив ходатайство генерал-губернатора в соединенном департаменте законов и государственной экономии, решил:

«1. Действие правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли распространить на губернии Иркутскую и Енисейскую, приравняв эти губернии, в отношении отвода казенных земель переселенцам и предоставляемых им льгот, к губерниям Тобольской и Томской.

2. Лиц сельского состояния и мещан, переселявшихся в губернии Иркутскую и Енисейскую до издания настоящего закона, перечислить к местам нового водворения, с соблюдением правил, изложенных в законе от 13 июля 1889 г. о добровольном переселении крестьян и мещан на казенные земли и о порядке переселения лиц, перечислившихся в прежние времена, причем отвод казенных земель этим лицам производить на прежнем основании по распоряжению местных властей, без представления о том на решение министерств внутренних дел и государственных имуществ.

3. Учредить при Иркутском генерал-губернаторе должность чиновника особых поручений по переселенческим делам».

Решение Государственного совета было утверждено императором и приняло силу закона 20 апреля 1892 г.

в) Постройка Сибирской железной дороги и организация переселения в Восточную Сибирь

Перелом в отношении правительства к переселениям был вызван строительством Сибирской железной дороги. Заселение местности вдоль дороги диктовалось уже стремлением сделать в перспективе это крупнейшее казенное строительство доходным, обеспечить его достаточным притоком грузов. Законом от 13 июля 1893 г. был образован Комитет Сибирской железной дороги, осуществивший ряд важных мероприятий, немало облегчивших переселение и особенно устройство переселенцев на месте. Фактически он взял в свои руки отвод переселенцам земель вдоль трассы железной дороги, выплату, правда в очень недостаточных размерах, путевых и «домообзаводных» ссуд и т. д. Для переселенцев были установлены примерно втрое удешевленные тарифы (0,3 к. за версту). Были созданы первые переселенческие пункты на железнодорожных станциях (14).

Участок дороги от р. Оби до г. Иркутска общим протяжением 1 754 версты признан участком первой очереди и должен был быть готовым к 1900 г. Из 150 млн р., отпущенных на строительство, от 14 до 20 млн р. предназначалось на вспомогательные мероприятия, содействовавшие заселению и промышленному развитию прилегающих к дороге местностей. В этой связи царское правительство ставило на первое место «колонизацию края» (15), успех которой с предстоящим проведением Сибирского железнодорожного пути правительство считало обеспеченным. Залогом такого успеха, по мнению Министерства государственных имуществ, служило «из года в год усиливающееся стремление сельских обывателей Европейской России к переселению в Сибирь, где правительство в последние годы не успевает даже сполна удовлетворять все более и более увеличивающемуся спросу на казенные земли со стороны переселенцев». Это объяснялось естественным приростом населения, с одной стороны, и с другой — постепенным истощением свободных казенных земель в пределах Европейской России.

г) Организация землеустроительных и землеотводных работ на территории Иркутского генерал-губернаторства

Съемка на план и обмежевание сибирских земель начались в первой четверти XIX столетия и имели своей целью формирование административных уездных и волостных районов, прекращение земельных споров среди местного населения. Отношения к поземельному устройству крестьян съемка земель не имела. С началом переселения в Сибирь 22 января 1885 г. для западносибирских губерний был учрежден при местном управлении государственных имуществ особый отряд чиновников по образованию переселенческих участков из казенных земель и по отводу их переселенцам с ассигнованием ежегодно на работы по 40 тыс. р. С са-

мого своего учреждения отряд наряду с образованием переселенческих участков и отводом их новоселам занимался также поземельным устройством местного старожилого населения, из общего с казной пользования которого отряд ограничивает в казну излишние земли для водворения на них вновь прибывающих переселенцев. Однако в связи с увеличением числа переселенцев отряд не успевал проводить землеотводные работы, кроме того, в 1896–1897 гг. предстояли большие работы по отводу земель вдоль Сибирской железной дороги. Непосредственно с этой целью Министерство государственных имуществ предложило создать три временные поземельно-устроительные партии для работ в Тобольской и Томской губерниях и Акмолинской области. В состав каждой из них входили:

1) для межевых работ 24 топографа;

2) для поземельно-устроительных работ 4 производителя и 1 помощник производителя работ (16).

Дополнительно считалось необходимым сформировать еще одну партию, меньших размеров, для образования переселенческих участков вдоль линии железной дороги, в пределах Енисейской и Иркутской губерний, от границы Томской губернии до г. Иркутска. Эта партия имела своей главной задачей заготовление земельных участков вблизи будущих железнодорожных станций и вообще в тех местах, где будет признано необходимым скорейшее возникновение новых населенных пунктов. Работа партии дополняла работы местных губернских межевых чинов и землемеров, образующих поселенческие участки в Енисейской и Иркутской губерниях.

В состав партии входили:

— старший производитель работ, заведующий партией;

— 2 производителя работ;

— помощник производителя работ;

— 2 старших топографа;

— 10 топографов (17).

Первые работы по обследованию районов будущей железной дороги велись в 1897 и 1898 гг. По трассе дороги были выделены Северный и Южный районы (18). В первый входили земли Нижнеудинского и Балаганского уездов, во второй — Иркутского. Для удобства обследования из состава Иркутской поземельно-устроительной партии в 1899 г. была выделена Балаганская поземельно-устроительная партия. По мере расширения переселенческого движения и освоения под участки заселения новых территорий в 1911 г. была создана Верхоленская поземельно-устроительная партия.

Таким образом, в начале массового переселения на территорию Иркутского генерал-губернаторства в Иркутскую и Енисейскую губернии ключевыми организационными моментами были:

1. Организация перевозки переселенцев по железным дорогам как можно ближе к местам водворения.

2. Землеотводные работы в указанных выше губерниях, ограничение переселенческих участков, землеустройство старожилого населения.

Важнейшим сопутствующим фактором была постройка Сибирской железнодорожной магистрали, спешные землеотводные работы в полосе отчуждения которой начались с 1894 г. В работах в первую очередь приняли участие землемеры Иркутской и Енисейской губернских чертежных партий и чины вновь сформированной Иркутской поземельно-устроительной партии. Вслед за постройкой отдельных участков дороги ожидалось поступление переселенцев железнодорожным и водным путями. Основными законами по переселению и землеустройству оставались закон от 13 июля 1889 г., распространенный указом царя в 1892 г. на Енисейскую и Иркутскую губернии Иркутского генерал-губернаторства, и закон о заселении полосы отчуждения Сибирской железной дороги от 13 июля 1893 г.

3. Массовое переселение в сибирские губернии и реорганизация управления переселенческого аппарата

а) Переселенческий закон от 6 июня 1904 г.

В эпоху империализма усилилось обнищание трудящихся масс города и деревни, ускорился рост аграрного перенаселения. К концу XIX в. избыточное население деревни достигло 23 млн человек, составив больше половины всего взрослого сельского населения (19). Это неизбежно привело к расширению миграционных процессов, в том числе переселенческого движения. Попытки правительства втиснуть переселение в узкие законодательные рамки становились все менее успешными. Только часть переселенцев попадала в сферу действия правительственного законодательства и получала название законных и поощряемых. Многие переселялись без разрешения правительства. Законы, проникнутые претерительными мотивами, способствовали дальнейшему росту самовольного переселения.

Практика показывала, что самовольный уход крестьян на свободные государственные и кабинетские земли не причинял какого-либо вреда экономическим интересам помещиков. На основе расслоения и пролетаризации крестьянства непрерывно росло избыточное сельское население, готовое на любых условиях предоставить помещикам свою рабочую силу. Переселенческое движение не могло исчерпать резервную армию труда в Европейской России. В то же время оно приобретало положительное значение в народнохозяйственной жизни страны. Осваивая сибирские земли, переселенцы превращали пустынные, малозаселенные местности в производящие земледельческие районы, расширяли сельскохозяйственное производство в более развитых и населенных областях, вносили оживление в экономическую жизнь Сибири

и, в конечном счете, увеличивали национальные богатства и доходы государства (20).

«Особое совещание по переселенческому делу», в состав которого входили многие видные деятели переселенческого управления, а также иркутский и степной генерал-губернаторы, подготовили для Государственного совета основные соображения по вопросу об изменении существующей постановки переселенческого дела (21). Раньше, указывали авторы документа, Комитет Сибирской железной дороги решал одну задачу — заселение полосы, прилегающей к дороге. Теперь следовало приступить к разрешению с помощью переселения более широких задач — улучшить землепользование крестьян центральных губерний и укреплять окраины русским элементом. Предложения «Особого совещания» об изменении переселенческой политики легли в основу нового закона о переселении, принятого 6 июня 1904 г. под названием «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев» (22). Новый закон заменил «Правила» от 13 июля 1889 г. и ряд частных законодательных актов конца XIX — начала XX в. Две новые задачи, сформулированные «Особым совещанием по переселенческому делу», нашли отражение в первой статье закона. Отныне правительство поощряло всех занимающихся хлебопашеством и желающих идти в районы, заселение которых «вызывается видами правительства», а также тех крестьян, которые шли из мест с «неблагоприятными условиями», т. е. из малоземельных губерний. Эти две категории имели право на льготы и материальную помощь со стороны правительства. Все же прочие переселенцы не могли рассчитывать на них. Согласно статье второй, районы поощряемого переселения и местности, подлежащие заселению в «видах правительства», определялись министрами внутренних дел, финансов, земледелия, государственных имуществ и военным. К этим районам относились Енисейская и Иркутская губернии и Забайкальская область (с 1906 г.) Иркутского генерал-губернаторства.

б) Перестройка высших органов управления переселенческим делом

Требования нового закона о переселении не могли быть реализованы без соответствующего переустройства аппарата, ведающего землеустройством и переселением.

Созданное в 1896 г. Переселенческое управление МВД руководило передвижением переселенцев и землеотводными работами на местах водворения, землеустроительные же работы проводило Министерство земледелия и государственных имуществ. Министерство было ликвидировано в 1905 г. (23), вместо него образовано Главное управление землеустройства и земледелия, в состав которого царским указом от 6 мая 1905 г. включено Переселенческое управление, изъятое из подчинения Министерству внутренних дел (24).



Участники конференции Ю.А. Петрушин и Е.Б. Шободоев (справа) в экспозиции Заларинского краеведческого музея. 3 июля 2008 г.

Русско-японская война и последовавшие за ней революционные события задержали реорганизацию органов, подчиненных Переселенческому управлению. В ходе Русско-японской войны впервые Переселенческое управление стало заниматься эвакуацией раненых, организацией медицинской и продовольственной помощи, содействовало в перевозках военному ведомству. Старшим агентам управления на местах было присвоено звание уполномоченных Общества Красного Креста с возложением на них обязанностей исполнения поручений по контролю за местными организациями общества. Переселенческое управление принимало также участие в перевозке на места приписки порт-артурских пленных из числа уроженцев Сибири, в организации приюта, продовольствия и трудовой помощи жителям острова Сахалин, высланным японцами на материк, и устройстве их на казенных землях. Количество переселенцев в этот период было незначительным, так как отменялись льготные тарифы на перевозку по железной дороге (25).

Функции Переселенческого управления по переселению и землеустройству определялись приказом главноуправляющего землеустройством и земледелием от 18 декабря 1905 г. (26):

«В видах объединения различных отраслей переселенческого дела, находящихся ныне в заведывании Переселенческого управления, Департамента государственных земельных имуществ и отдела земельных улучшений, я [т. е. главноуправляющий]... признал необходимым:

1. Дело отвода земель под водворение переселенцев за Уралом, — в Сибири... передать из Департамента государственных земельных имуществ в Переселенческое управление, причислив к названному управлению весь личный состав... всех временных партий по отводу переселенческих и запасных участков...

2. Сосредоточить в Переселенческом управлении заведывание образованными Отделом земельных улучшений отрядами для гидротехнических изысканий и работ на землях, отграничиваемых под переселенческие участки в вышеуказанных местностях...

4. Поручить Переселенческому управлению представить на мое утверждение:

а) подробные предположения относительно объединения заведывания переселенческим делом на местах, с тем, чтобы в каждом из образованных с этой целью местных переселенческих районов общее руководство деятельностью всех переселенческих чинов и организаций сосредоточивалось в лице особого заведующего районом».

в) Образование Иркутского района землеустройства и переселения

Делом устройства переселенцев, прибывших на место водворения, т. е. указанием им участков, дачей сведений казенным палатам о перечислении их, выдачей казенных ссуд, организацией у них учреждений крестьянского общественного управления, до 1909 г. ведали чиновники Главного управления землеустройства и земледелия, носившие на местах звания «заведующих водворением». В своих действиях заведующие водворением руководствовались особой инструкцией от 17 февраля 1906 г. Но так как по многим делам, возникающим у водворившихся на участки переселенцев, последние должны были обращаться и к крестьянским начальникам, то во избежание дублирования деятельности в 1908 г. генерал-губернатором был возбужден вопрос о возложении на чиновников переселенческого управления, заведующих водворением переселенцев, обязанностей крестьянских начальников, что и было разрешено в 1909 г. (27). За этим последовало указание министра внутренних дел на неравномерность территориального распределения участков между переселенческими чиновниками (получившими права крестьянских начальников) и крестьянскими начальниками, следствием чего явилось изменение границ их участков, которое было осуществлено с согласия МВД в 1909 г.

До 1908 г. Иркутская и Енисейская губернии представляли собой один Иркутско-Енисейский переселенческий район, с резиденцией заведующего им чиновника переселенческого управления в г. Иркутске. Из-за неудобств, возникавших из соединения огромных территорий наряду с усилившимся переселением в ведении одного человека, генерал-губернатором было возбуждено ходатайство о разделении Иркутско-Енисейского района на

два района: Енисейский и Иркутский, что и было сделано в 1908 г. (28). Одновременно в целях объединения деятельности чинов Переселенческого управления, заведующих на местах, с одной стороны, землеустройством старожилов, а с другой — отводом участков под переселение и устройством переселенцев на местах, заведование как землеустройством старожилов, так и делом переселения передано было в руки одного лица: «заведующего землеустройством и переселением» (29).

На заведующего землеустройством и переселением было возложено общее руководство постановкой всех сторон переселенческого дела во вверенной ему губернии, а именно:

— составление плана работ по изысканию земельного фонда под переселение;

— составление ежегодных подробных смет расходов, состоящих из следующих частей:

а) расходы на содержание личного состава, заведующего разными отраслями переселенческого дела;

б) операционные расходы по образованию переселенческих участков и экспедиций для изыскания земельного фонда;

в) расходы на устройство дорог к участкам и между ними;

г) расходы на устройство остановочных пунктов, больниц;

д) расходы на выдачу различных казенных пособий и ссуд.

По всем сметным предположениям местных переселенческих организаций Главное управление землеустройства и земледелия желало иметь решение губернской администрации, для чего они рассматривались в Особых губернских совещаниях под председательством губернатора. Заведующие землеустройством и переселением в Сибири входили в состав Общих присутствий губернских управлений с возложением на них заведования делопроизводством по переселенческой части и с предоставлением им решающего голоса при обсуждении в названных учреждениях дел переселенческих и совещательного — по прочим административным делам.

Заведующие районами переселения помимо представления соответствующим губернаторам смет и предложений по переселенческому делу на каждый предстоящий год обязаны были представлять им также годовые отчеты о деятельности местной переселенческой организации со сведениями о ходе и положении всех сторон переселенческого дела за отчетный год.

Данная система сохранилась без существенных изменений до революции 1917 г.

г) Образование Восточного района передвижения переселенцев

Кроме организации водворения переселенцев огромную важность имела доставка переселенцев к месту водворения.

В 1906 г. были образованы два района передвижения переселенцев — Западный, включавший все пути следования в пределах Европейской России и до Иркутска, и Восточный — от Иркутска до Владивостока. Постоянным местом пребывания заведующих этими районами были Челябинск и Иркутск (30). Руководство передвижением по Сибирской железной дороге от Челябинска до Иркутска и по рекам Иртыш, Обь, Енисей возлагалось на заведующих переселенческим делом в районах водворения. В 1910 г. правительство провело дальнейшую централизацию управления перевозками (31). Заведующие районами водворения освобождались от руководства передвижением. Все дело перевозки распределялось между двумя указанными районами. В состав Западного вошли все железнодорожные и водные пути в пределах европейской части страны, отрезок железной дороги от Челябинска до Новониколаевска. К Восточному району относились пути движения переселенцев на восток от Новониколаевска до ст. Пограничная Уссурийской железной дороги.

В Инструкции о порядке заведывания делом передвижения переселенцев и рабочих круг обязанностей был определен следующим образом (32):

1. Оказание переселенцам и рабочим во время их пути установленных законом и специальными правилами видов помощи:

- а) продовольственной;
- б) медицинской;
- в) административной.

2. Изучение всех условий передвижения переселенцев и рабочих в целях облегчения, ускорения и оздоровления этих перевозок.

В зависимости от места расположения учреждений и деятельности чинов, обслуживающих передвижение, все учреждения и чины подчинялись губернатору на общих основаниях чинов Переселенческого управления губернаторской власти (33).

По путям следования переселенцев в местах наибольшей высадки или «перелома пути» были устроены ряд пунктов для оказания переселенцам временного приюта, продовольственной, медицинской и административной помощи. Главные из этих пунктов функционировали круглый год, часть — в особо интенсивный период передвижения. Пунктами массовой высадки заведовали чиновники в звании «заведующий пунктом». В более мелких пунктах — заведующим были пунктовой врач или лицо медицинского или хозяйственного персонала. Заведующий пунктом являлся должностным лицом, которому было вверено руководство всеми отраслями переселенческого дела на пункте, кроме больничного дела (34).

Ближайшим сотрудником заведующего пунктом являлся пунктовой врач, в обязанности которого входило оказание санитарно-врачебной помощи переселенцам. Заведующий пунктом и пунктовой врач непосредственно подчинялись заведующему передвижением переселенцев.

Данная структура Восточного района передвижения переселенцев сохранилась до его упразднения в 1920 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 55–56.
2. ПСЗ. II. Т. XI. 1866. Ст. 43987.
3. Там же. Т. XIV. 1869. Ст. 46952.
4. Там же. Т. I. 1876. Ст. 56571.
5. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1954. С. 233.
6. ПСЗ. <...>
7. Скляров Л.Ф. Указ. соч. С. 61.
8. ПСЗ. III. Т. IX. 1889. Ст. 6198.
9. Скляров Л.Ф. Указ. соч. С. 64.
10. ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Карт. 1058. Д. 2382. Л. 4 об.
11. Там же. Л. 5.
12. Там же. Л. 5 об.
13. Там же. Л. 5–6 об.
14. Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск: Обл. кн. изд-во, 1951. С. 133–134.
15. ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Карт. 2832. Д. <...>. Л. 132.
16. Там же. Карт. 1052. Д. <...>. Л. <...>.
17. Покшишевский В.В. Указ. соч. С. 141.
18. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 677. Л. 2.
19. Скляров Л.Ф. Указ. соч. С. 70.
20. Там же.
21. Там же. С. 73.
22. ПСЗ. III. Т. XXIV. Ст. 24701.
23. <...>
24. Обзор деятельности главного управления землеустройства и земледелия с 6 мая 1905 года по 1 января 1907 года. СПб., 1907. С. 71.
25. Там же. С. 73–74.
26. Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по земельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб., 1909. С. 165.
27. ГАИО. Ф. 171. Оп. 5. Д. 322.
28. Там же. Ф. 25. Оп. 10. Карт. 1064. Д. 2471. Л. 3 об.
29. Там же.
30. Скляров Л. Ф. Указ. соч. С. 172.
31. Там же.
32. Инструкция о порядке заведывания делом передвижения переселенцев и рабочих. Иркутск, 1913. С. 3.
33. Там же.
34. Там же. С. 6.

Александр Васильевич САКОВИЧ,
старший научный сотрудник
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»

ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ИРКУТСКОМ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ РАЙОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ОКО-ТАГНИНСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ПОДРАЙОНА)

В конце XIX в. в Восточной Сибири начался новый этап дорожного строительства. Как отмечалось в «Объяснительной записке к проекту создания дорожного органа в Иркутском Генерал-губернаторстве...», «с проведением железнодорожной магистрали и возрастающим экономическим развитием Сибири вопрос об упорядочении существующих путей сообщения и устройстве новых получает значение первостепенной важности. В последнее же время с увеличением размеров переселенческого движения необходимость в благоустроенных колесных дорогах является уже неотложной» (1). Управление строительной и дорожной частями при генерал-губернаторе было «весьма мало осведомлено о положении дорожного дела в крае». Не было «даже сведений как о всех существующих грунтовых дорогах в Генерал-Губернаторстве; — так и о тех, которые нужно улучшать или вновь строить в интересах развития края.

Дорожное дело теперь неправильно поставлено и потому, что нет достаточных денежных средств на операционные расходы. В настоящее время на дорожное дело (не считая дорог, строящихся на средства Переселенческого управления) из земских сумм отпускается на весь край около 90 т. р., и то только почти исключительно на более или менее сложные искусственные сооружения» (2).

В «Трудах совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири» отмечалось, «что ввиду недостаточного развития в Сибирском крае грунтовых дорог и неизбежной необходимости в устройстве таковых впоследствии для удовлетворения потребностей переселенческого движения, представляется необходимым, как для этого, так и в целях удовлетворения потребностей местного населения, установить должную общую связь между устраиваемыми вновь и существующими грунтовыми дорогами...» (3). К началу XX в. основными путями сообщения в Восточной Сибири были Московский (3 тыс. км), Якутский (Иркутск–Верхоленск–Жигалово — 400 км), Кругобайкальский (Иркутск–Култук–Кяхта), Тункинский (Култук–Монды), Шелашниковский (Тыреть–Жигалово) и Братско-Илимский (Тулун–Б. Мамырь–Усть-Кут) тракты.

Наряду с ними в крае существовал целый ряд внутренних гужевых дорог, соединяющих отдельные районы со «столичной» дорогой. До на-

чала столыпинских реформ все они в той или иной степени отвечали потребностям местного населения.

В начале XX в. в связи со строительством Транссибирского железнодорожного тракта значение Московского тракта заметно уменьшилось, значение же Транссиба как основной транспортной магистрали существенно возросло.

С новой волной колонизации Сибири, связанной с реформами П.А. Столыпина, большую роль стали играть колесные дороги, связывавшие отдаленные населенные пункты с главной транспортной артерией страны — Транссибом. Основная тяжесть грузооборота колесных дорог перераспределилась с магистрального направления на внутренние перевозки.

Выступивший на совещании в Иркутске Н.Н. Козьмин отмечал, что «крестьянин мало пользуется железной дорогой... И это делается совершенно понятным, если принять во внимание, что крестьянин свои продукты может везти на недалекое расстояние... Кроме того, железная дорога дает выгоду отправителю больших грузов. Крестьянин, отправляющий на рынок 25–50 пудов, должен подвезти груз к станции, а в городе выгрузиться и нанять возчиков. Наконец, мелкий производитель только тогда получает выгоду, когда наиболее полно использует свою рабочую силу... Мелкому производителю, крестьянину, железная дорога выгод приносит мало». Несмотря на столь категорический вывод, автор в своем выступлении все-таки признает, «что железные дороги — для купцов и промышленников, а грунтовые — для мелких хозяев, крестьян. И те, и другие заслуживают внимания, те и другие необходимы, те и другие взаимно связаны» (4).

Важность развития сети подъездных путей для развития Сибири подчеркивалась и в циркулярном письме иркутского генерал-губернатора, и в письме министра путей сообщения председателю Совета министров 14 августа 1906 г. за № 6524, а также в докладе председателя подготовительной Комиссии к Совещанию о путях сообщения в Сибири, назначенной иркутским генерал-губернатором.

В последнем говорилось:

«Мы можем с полной добросовестностью изучить всю, еще необъятную, площадь Сибири только при условии развития сети путей сообщения... Переселение широкою волною льется в Сибирь, и требуется весьма энергичная работа правительства, чтобы сколько-нибудь его урегулировать и вести планомерно.

Там, где десять лет тому назад только можно было видеть представителей диких лесов Сибири: медведя и других зверей, ныне мы уже видим распаханные поля, новые, чистенькие, планомерно разбитые русские деревни. Переселение хотя тянется еще узкою полоскою по Сибири, но все дальше и дальше отходит от линии железной дороги и водных путей и шаг за шагом отвоевывает у тайги места для культуры» (5).

Как известно, столыпинское правительство разработало ряд законопроектов, направленных на освоение новых территорий в Сибири и их

дальнейшее развитие. Планировалось также развитие и совершенствование инфраструктуры, в частности строительство железных, шоссейных и грунтовых дорог.

Несмотря на то что Московский тракт находился в ведении Министерства внутренних дел, колесными путями, устраиваемыми для переселенческого движения, занималось Переселенческое управление и их устройство производилось по его распоряжениям. Кроме этого, надо отметить, что Переселенческое управление финансировало работы по осушению заболоченных территорий, выдавало переселенцам премии за раскорчевку леса.

Война с Японией 1904–1905 гг. и революционные события 1905–1907 гг. свергли Россию в «пучину экономического хаоса». В 1900–1909 гг. финансовое положение страны было настолько тяжелым, что о каких-либо преобразованиях не только в транспортной, но и в аграрной сфере говорить было трудно. «Только за 1904–1906 годы государственный долг вырос на 2 млрд руб. (или на 30 %)» (6). Это значило, что реформу в деревне и связанное с ней переселение огромной массы крестьян на новые земли как минимум в течение первых 4–5 лет правительству пришлось проводить в условиях катастрофической нехватки денежных средств. В связи с этим обстоятельством предполагалось при устройстве дорог воспользоваться трудом арестантов и ссыльных. «Государственный бюджет для землеустройства одного „крепкого хозяина“ предусматривал довольно скромную выплату, составлявшую 80–165 руб. ссудой и 20–80 руб. безвозмездным пособием в зависимости от дальности перенесения усадебной оседлости» (7).

«С 1912 г. ссудные нормы для переселенцев были дифференцированы в зависимости от районов вселения. Так, ссудная помощь желающим выехать в степные и лесостепные районы Западной Сибири с наиболее благоприятными условиями земледелия была значительно снижена, а для районов, прилегающих к железной дороге, вовсе отменена. В то же время увеличилась ссудная помощь для желающих обосноваться в отдаленных от Транссибирской магистрали земледельческих районах, а также в Иркутской области; ссуда для этих районов колебалась от 100 до 250 руб. на переселенческую семью. В общей сложности ссудная помощь крестьянам, прибывающим на новое место жительства, составляла около половины всех государственных расходов на переселенческое дело в Сибири» (8).

В 1906 г. в Иркутске на совещании о путях сообщения в Сибири было принято решение, что при выборе строительства новых дорог следует отдавать предпочтение тем направлениям, которые имеют значение в общегосударственном, в переселенческом, в торговом и промышленном отношениях.

Кроме этого учитывались способы постройки и их приблизительная стоимость. Все проектируемые пути делились на две категории:

- 1) неотложные и возможные в ближайшем будущем к осуществлению пути;
- 2) желательные и возможные к осуществлению.

В уже упоминавшемся циркулярном письме иркутского генерал-губернатора назывались следующие пути:

1. Грунтовые дороги, соединяющие Сибирско-Забайкальскую железную дорогу с Леной.

2. Пути из Минусинского уезда.

3. Скотопрогонные пути, соединяющие Монголию с железной дорогой.

4. Пути, соединяющие Забайкальскую дорогу с Монголией.

5. Пути Якутской области.

6. Пути, имеющие специальное колонизаторское значение, из которых выделялись, как самые необходимые, следующие направления:

а) от городов Канска и Красноярска в направлении к нижнему течению Ангары,

б) от г. Минусинска по системе рек Кизир и Казыр,

в) от г. Канска по системе рек Канск и Агул (9).

Как видим, речь о создании сети колесных дорог, связывающих переселенческие участки с волостными центрами, в письме генерал-губернатора и на совещании не велась. И только спустя три года, учитывая важность гужевых дорог для освоения края, власти стали выделять денежные средства на дорожное строительство в труднодоступных переселенческих подрайонах. К таковым несомненно можно было отнести Око-Тагнинский подрайон.

«Каждая дорога, — писала газета «Сибирь», — должна обслуживать известный район. И обслуживаемый ею район должен быть, по возможности, больше. К движению, совершающемуся по нему, должно примыкать и в него вливаться движение боковое. Необходимо, чтобы торговое движение, направляющееся к рынкам, а от них к периферии было обеспечено хорошими путями» (10).

Расходы на проведение дорог в 1909 г. в Иркутской губернии составили 212 500 р. В 1910 г. сумма увеличилась до 352 810 р. Для сравнения: на постройку зданий на переселенческих пунктах в 1909 г. было затрачено 17 880 р., а на агрономическую помощь и гидротехнические сооружения в том же году было израсходовано соответственно 16 040 и 11 698 р. (11).

Денежные средства в размере 717 500 р. предназначались на ссуды и безвозвратные пособия. Сюда входили: суммы на обустройство домов, ссуды на общепользные надобности, ссуды на внутринадельное межевание и путевые ссуды.

В 1910 г. на дорожное дело в Иркутской губернии планировалось затратить 389 010 р. В том числе:

на содержание личного состава — 28 800 р.;

на путевое довольствие — 7 400 р.

Операционные расходы делились следующим образом:

на изыскания дорог выделялось — 15 460 р.;

на постройку дорог — 270 400 р.;

на исправление дорог — 31 050 р.;

на постройку мостов и переправ — 7 000 р.;

на ремонт дорог — 26 500 р.;
на содержание переправ — 2 400 р. (12).

Несмотря на усилия Переселенческого управления, направленные на устройство колесных дорог, в губернии многие участки переселенцев оказались отрезанными от основных транспортных коммуникаций. Такими, в частности, в Око-Тагнинском подрайоне Тагнинской волости оказались Графский и Сачковский участки.

Крестьяне Сачковского сельского общества в своем общественном приговоре от 24 ноября 1910 г. «имели суждение о том, что необходимо для общественного пользования провести по нашему Сачковскому участку дорогу-ветвь» (13). Крестьяне обратились к заведующему Око-Тагнинским подрайоном Райнерту с ходатайством о проведении дороги-ветви от главной магистральной линии Тагна–Хор-Тагна до поселка Сачки-Шерагул расстоянием приблизительно 7 верст. Переселенцы просили выделить им на сооружение дороги не менее 1 000 р., поскольку их участок «очень лесной и <...> сами положительно не в состоянии своими средствами построить эту дорогу» (14). Трудности с выкорчевкой леса под пашню и последующей ее разработкой вынуждали некоторых крестьян к переезду на другие, более пригодные для хозяйственных работ участки. Только по данным за первую половину 1914 г., участок Сачковский покинули пятеро крестьян. Четверо из них объясняли свой отъезд «тяжелой разработкой пашни, лесистостью участка и недостатком средств».

Тот же самый аргумент выдвигал заведующий Око-Тагнинским подрайоном, который обратился к заведующему землеустройством и переселением в Иркутской губернии Иконникову с докладом относительно ходатайства крестьян. В нем он обосновывал их просьбу. Главные аргументы в пользу крестьян в этом деле были таковы:

1) переселенцы, которые поселились на р. Тагне в 17 дворах, «обустроились довольно основательно и прочно, проживают уже два года, никто из поселившихся обратно не уходит, несмотря на трудности разработки участка земли из-под леса» (15);

2) существующая дорога, проведенная силами самих переселенцев, оказалась труднопроезжей вследствие сильной лесистости и отсутствия гатей и мостов. Для восстановления по ней сообщения потребовалась бы «масса труда, как-то прорубка до 6 сажень ширины, корчевка полотна, кроме того, затраты средств на постройку небольших гатей и мостов» (16).

Помимо этих доказательств необходимости проведения новой дороги в докладе заведующего Око-Тагнинским подрайоном Райнерта сообщалось, что «участок Сачковский очень большой, вытянулся между рекой Окой и Тагной на протяжении 9 верст, при заселении его, хотя бы даже не полностью, придется разбить его на две части. На усадьбах у реки Оки поселились старообрядцы, на усадьбах у реки Тагны поселились православные... в данное время оба эти поселка можно рассматривать как два самостоятельных участка, но лишь получившие землю в одном отрубке.

Несмотря на более трудное условие жизни, переселенцы, поселившиеся на реке Тагне, т. е. ходатайствующие о пособии, проявляют более жизнеспособности и энергии, чем переселенцы, поселившиеся на реке Оке» (17).

Учитывая приведенные выше обстоятельства, заведующий Око-Тагнинским подрайоном обратился с просьбой к заведующему землеустройством и переселением в Иркутской губернии «не отказать в ходатайстве их и войти с представлением о разрешении испрашиваемого безвозвратного пособия в размере одной тысячи рублей» (18). Сам Райнерт проводил большую работу в период усиленного движения переселенцев. При их обустройстве ему, как свидетельствовал заведующий поземельно-устроительным и переселенческим делом в Иркутской губернии Иконников, приходилось трудиться по 15 часов в сутки. Из всех подрайонных заведующих, занимавшихся водворением переселенцев, Райнерт, по словам того же Иконникова, в течение двух лет выполнял самую большую работу (19).

За полгода до вышеописанных событий переселенцы Графского участка Тагнинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии на сельском сходе, состоявшемся 28 апреля 1910 г., также «имели суждение о том», что проезд на их участок крайне затруднителен и даже местами «совершенно невозможен вследствие болотистой местности» (20). Крестьяне просили о выдаче на постройку гатей и мостов через болото, ширина которого была около 250 сажень, безвозвратного пособия от казны в размере не менее 1 600 р. «В противном случае, — говорилось в общественном приговоре, — участок наш окажется без всякого сообщения с населенными пунктами во время весенней распутицы».

Подобное положение складывалось на многих переселенческих участках в Балаганском уезде, что крайне отрицательно сказывалось на экономическом положении крестьян, отрезанных от промышленных и сельскохозяйственных рынков.

В уезде срочно требовалось построить 48 верст подъездных путей от дороги Заблгарь — Харагун к участкам Пихтинскому, Метёлкинскому, Боровому, Черемшанскому, Федоровскому, Жодоты и Каменка, а также 10 верст дороги Хор-Тагна–Бутыринский. К последнему не было никакого проезда. «Без постройки этих подъездных путей успешное заселение участков невозможно», — отмечалось в «Перечне расходов на землеустройство и переселение по Иркутской губернии на 1910 год» (21). Учитывая важность подъездных путей к переселенческим участкам, на строительные работы в Балаганском уезде в 1910 г. всего планировалось затратить 84 800 р. (22).

Принимая во внимание среднюю действительную стоимость одной версты дорог, устраиваемых Переселенческим управлением в Забайкальской области, — около 2 тыс. р., выходило, что в Балаганском уезде при вышеприведенных цифрах ассигнования на дорожные работы могло быть построено всего около 42 верст колесных путей.

В целом же «в течение 10 лет, с 1905 по 1915 г., за счет средств

Переселенческого управления в четырех сибирских губерниях было построено около 14 тыс. км новых грунтовых дорог» (23).

С началом Первой мировой войны финансирование дорожного строительства Переселенческим управлением прекратилось. Война тяжелым бременем легла на экономику России. С августа 1914 по февраль 1917 г. общие военные расходы страны составили 30 млрд р. Затормозилось не только проведение аграрной реформы, но и было прекращено строительство дорог.

Годы революции и Гражданской войны сильно ухудшили состояние сибирских транспортных коммуникаций. Было сожжено множество малых мостов, сильно разрушены станционные и гражданские сооружения, уничтожены многие паромные переправы. В частности, «начатая весной 1917 г. реконструкция Илимского тракта была вскоре заброшена, завезенные туда материалы и инструменты разворованы. Только к 1925 г. удалось организовать отпуск средств на восстановление и новое дорожное строительство» (24).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 10. Ед. хр. 2713. Карт. 1076. Л. 89.

2. Там же. Л. 91–91 об.

3. Труды совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск, 1907. Т. 1. С. 1.

4. Там же. С. 429.

5. Там же. С. 43.

6. Родина. 2006. № 12. С. 16.

7. Там же. С. 16–17.

8. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск: Наука, 1996. С. 62–64.

9. Сибирь. 1906. 19 нояб. (№ 23). С. 2.

10. Там же. 19 дек. (№ 48). С. 2–3.

11. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 3–4.

12. Там же. Л. 43 об.

13. Там же. Ед. хр. 237. Л. 3.

14. Там же. Л. 3 об.

15. Там же. Л. 1.

16. Там же. Л. 1 об.

17. Там же. Л. 1 об.–2.

18. Там же. Л. 2.

19. Там же. Ед. хр. 31. Л. 60.

20. Там же. Ед. хр. 238. Л. 1.

21. Там же. Ед. хр. 31. Л. 39.

22. Там же. Л. 42.

23. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Указ. соч. С. 61.

24. Там же. С. 219.

Тамара Александровна КРЮЧКОВА,
*зам. директора Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы» по фондовой работе*

МАТЕРИАЛ К ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ПРИХОДА В СЕЛЕ ПЕТРОВО ЗАЛАРИНСКОГО РАЙОНА

Переселение в Сибирь большого количества людей, предпринятое по программе столыпинской реформы, требовало от ее устроителей решения множества проблем. Одной из важнейших задач была организация духовного просвещения приехавших на новые земли людей. В переселенческих пунктах Иркутской епархии в 1900–1910-х гг. было освящено около 30 храмов. Некоторые из них были выстроены на средства прихожан, а значительная часть получила денежные средства, выделенные Синодом.

Переселенческий приход в селении Петровском Балаганского уезда (ныне Заларинский район), расположенном в 260 верстах от Иркутска, в 70 верстах от Балаганска и в 12 верстах от благочиния в с. Тагна (1), был открыт в январе 1911 г. В приход церкви входило восемь селений (с. Петровское, участок Покровский, д. Николаевская, д. Большая Заимка, д. Николаевская, участок Индон, заимка Поповка, д. Карельская), где проживало в общей сложности около 2 тыс. человек.

Строилась церковь по утвержденному проекту. Предполагается, что составил его иркутский епархиальный архитектор А.С. Покровский. Так как в приходе проживало более 250 человек других вероисповеданий (шаманистов, католиков, баптистов и др.), перед подрядчиком А.С. Шадринным было поставлено условие — храм должен как изнутри, так и снаружи «отличаться красотой и благолепием». Это, по замыслу епархиального начальства, должно было привлечь местных жителей к православной церкви, а также приостановить распространение сектантства, которое появилось здесь с переселенцами. Осветили церковь 20 октября 1915 г. во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Церковь до наших дней не сохранилась. В 1930-х гг. церковное здание сначала использовали под клуб, потом под зерносклад (2). Время ее уничтожения пока не установлено. Не удалось также найти фотографий с изображением храма.

В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) сохранился документ «Опись имущества Покровской Петровской церкви Балаганского уезда Иркутской епархии. 1915 г.» (3), который дает интереснейший материал для представления внешнего и внутреннего облика Петровской церкви. В описи не только перечислено все церковное имущество, включая богослужебные и бытовые предметы (иконы, богослужебные сосуды и книги, кресты, колокола, священнические одеяния и т. д.), но и описаны детали здания церкви (фундамент, стены, крыша, главы, окраска стен,

окон, дверей). Составители описи указали размеры большинства иконостасных и переносных икон, не забыв записать имена жертвователей церковного имущества.

Опись зафиксировала очень интересный факт наличия в Петровском храме походной церкви, используемой во время выездов в отдаленные деревни своего прихода, все имущество которой также тщательно переписано. Описаны и дома священнослужителей с их внутренним убранством.

Опись была составлена священником Дмитрием Прокопьевичем Морозовым, псаломщиком Ильей Васильевичем Добренковым и церковным старостой Василием Токаренко.

В составленную на момент освящения храма опись в дальнейшем дописывались вновь приобретенные церковные предметы, а также регистрировались результаты проверок церковного имущества в 1916, 1922 гг. Опись представляет собой очень ценный исторический и этнографический материал, который будет использован сотрудниками Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» для строительства своих будущих экспозиций.

Опись имущества Покровской Петровской церкви Балаганского уезда Иркутской епархии. 1915 г.

Описание церковного здания вообще

Церковь деревянная одноэтажная. Колокольня в связи с церковью. Построена на средства, отпущенные св. Синодом, Главным управлением переселения и землеустройства и пожертвование протоиерея Иоанна Восторгова (4) в 1913 г. Покрыта железом; крыша окрашена в зеленый цвет медянкою. Церковь построена на каменном фундаменте, имеет в длину 21 $\frac{3}{4}$ саж[ени]. Крыльцо деревянное на каменном фундаменте. Церковь имеет семь глав, увенчанные семью железными покрашенными крестами. Снаружи не окрашена и не обита.

Описание отдельно каждого этажа

Потолок в церкви окрашен масляной краской в бледно-голубой цвет. Потолок в церкви деревянный, окрашен в желтый цвет (5). Двери снаружи окрашены в зеленый цвет, а колоды и рамы в белый цвет. В окнах вставлены железные решетки. Печей в церкви три, сложенные из кирпича в железных кожухах и окрашенные в черный цвет.

Паперть

Паперть имеет в длину 5 $\frac{3}{4}$ саж[ени], в ширину 6 $\frac{1}{2}$ арш[ина]. Стены не окрашены, пол окрашен в желтый цвет.

Описание главного храма

Храм сооружен во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Престол и жертвенник в храме деревянные. Иконостас в один ярус, окрашен в бирюзовый цвет с позолотой на мордане (6). Царские врата золоченые.

В них находятся иконы: икона Благовещения Пресвятой Богородицы и изображение четырех евангелистов. На северных вратах есть изображение св. архангела Гавриила и на южных св[ятой] Архистр[атиа] Михаила. Алтарь в длину имеет 6 арш[ин]. В ширину 6 арш[ин]. Стены не крашены. Пол окрашен в желтый цвет.

Статья II. Утварь церковная

Напрестольное Евангелие:

1. На Александрийской бумаге, переплетено в бархат, на верхней доске серебряные изображения, на нижней тоже серебряные.

Итого напрестольных Евангелий — один.

2. Напрестольные кресты.

1. Крест серебряный золоченый. Распятие серебряное золоченое.

Итого напрестольных крестов один.

Означенный серебряный крест согласно мандата № 2810 выданной уездной Зиминской комиссией по изъятию церковных ценностей получил Андреев (7).

3. Сосуды с их принадлежностями (8).

4. Дарохранительницы.

1. Дарохранительница медная золоченая пяти главах. Высота около 12 вершков со стекл[янным] футл[яром]. Цена 31 р. 50 к.

Итого дарохранительница одна.

5. Дароносицы: (9).

6. Кадилы:

1. Кадило медное, посеребряное, длина цепи 14 вершков. Приобретено в 1915 году цена шесть (6) руб.

Итого кадил одно.

7. Ковшечки для теплоты: (10).

8. Венцы для венчания браков: (11).

9. Приборы для освящения хлебов, вина и елей.

1. Один прибор металлический посеребряный.

Итого приборов один.

10. Приборы для освящения воды.

1. Чаша металлическая, посеребренная с крышкою, размер чаши 5 ½ вершков.

2. Кропило с металлической ручкой.

Итого одна чаша и одно кропило.

11. Пасхальный подсвечник: (12).

12. Прибор для крещения: (13).

13. Разные алтарные блюда и тарелочки:

1. Тарелочка металлическая, посеребренная с изображением креста размером 6 вершков.

2. То же металлическая с изображением креста размером 6 вершков.

Итого тарелочки две.

14. Святые иконы:

а) Местная

1. Икона Спасителя писанная на дереве. Высота иконы 2 арш[ина], ширина 1 арш[ин].

2. Изображение Божией Матери, писанная на дереве того же размера.

3. Изображение Покрова Пресвятой Богородицы того же размера.

4. Изображение Святителя Иннокентия того же размера.

5. Икона Спасителя с Пресв[ятой] Богородицею и Иоанном Крестителем, писанная на дереве.

6. Икона Тайная вечеря — писанная на дереве, размеры 10 вершк[ов] и 13 вершк[ов].

7. Икона Святителя Николая Чудотворца круглая, писанная по дереву размер 8 вершк[ов].

8. Икона Благоверной царицы Александры, писанная по дереву, круглая того же размера.

9. Икона Серафима Саровского на полотне.

[10]. Икона Георгия Победоносца на полотне.

Как та и другая в стоячих киотах. Заклиросные.

15. Иконы безместные и переносные:

1. Икона Божией Матери, писанная на цинке, размер 9 вер[шков] и 8 верш[ков]. Пожертвованная крестьянкой Большой заимки Екатериной Марчук.

2. Икона Святителя Иннокентия, писанная на бумаге. Размер 7 верш[ков] и 6 вершк[ов].

3. Изображение икон размером $\frac{7}{8}$ вершк[а]. Вознесение Господне.

4. Вход в Иерусалим.

5. Святая Троица.

6. Введения во храм Пресвятыя Богородицы.

7. Покров Пресвятыя Богородицы.

8. Рождество Христово.

9. Крещение Господне.

10. Воздвижение Св. Креста Господня.

11. Икона Спасителя в кивоте, размер 7 и 6 вершк[ов].

15. Плащаницы:

Бархатная плащаница с изображением Божией Матери и апостолов, шитых золотом и серебром.

16. Разные привески к иконам: нет.

17. Хоругви: (в документе только заголовок. — Т. К.).

18. Лампады. 1, 2, 3, 4 лампы висячие медные, малого размера.

5. Лампада в три стакана.

19. Подсвечники.

1, 2. Два медных, посеребренные, высота 25 вершков.

3, 4. Куплены в Иркут[ском] епарх[иальном] свечном складе. Два медных посеребрянных подсвечника ценою (14).

Выносные:

1, 2, 3. Медные посеребрянные высота 22 вершк[а].

1. Диаконская металлическая крашенная белой краской свеча.

Итого: свеч диаконских одна.

20. Паникадилы:

1. Двухъярусное с 18 вазиками для свечей, медное, посеребренное с дутыми кронштейнами. Цена 53 рубля 10 к.

21. Купели для крещения:

1. Железная, без поставки. Цена 60 коп.

Итого одна купель.

22. Разная медная и оловянная посуда

1. Чайник для теплоты медный.

2. Рукомойник медный никелированный.

3. Кувшин для святой воды медный.

23. Столики, аналои, табуреты, шкафы ризничные, книжные и комоды и архиерейский амвон и проч.

1. Деревянный столик панихидный.

2. Один аналой, обтянутый полотном.

3. Ризничный шкаф.

4. Комод с двумя выдвижными ящиками и со шкафом для церковного старосты.

5. Архиерейский амвон.

Уничтожен как временный. Свящ[енник] Морозов (15).

6. Три табурета.

7. Комод клиросный для чтеца.

Колокола

1. Большой колокол весом 4 пуда 6 ф[унтов].

2. Колокол 2 пуда.

3. Колокол 1 пуда.

4. Колокол 28 фунт[ов].

Итого: колоколов четыре.

1. Одна панихидница медная посеребренная.

Ризница.

1. [Риза] бордовая бархатная с золочеными крестами с полным прибором: епитрахиль, поручи, пояс и набедренник. Пожертвования матерью учителя Рыжковой.

2. Риза белая с крестами, при одном епитрахили (старая).

3. Одна риза желтая, затканная белой мишурой. Приобретена в 1915 году.

4. Шелковое красное священническое облачение без подризника. Приобр[етено в] 1918 году.

Подризники:

1. Шелковый темно-бордового цвета, в полоску.

2. Бирюзовый сатиновый.

Одежды на престол, жертвенник, аналой:

1. Одежда напрестольная из парчи (Одежда напрестольная, темно-голубого бархата) (16).

2. Такая же одежда на жертвенник.

3. Напрестольное покрывало темно-голубого цвета, такое же как на жертвенник.

4. Шелковая в клетку.

5. Четыре шали с цветами.

6. Скатерть, окаймленная голубой полоской.

7. Перекладник аналойный бархатный с позументом.

8. Такой же бархатный.

9. Перекладник из сюры, расшитый шелком.

Завесы для Царских врат:

1. Завеса шелковая — репс бордового цвета.

Воздуха:

1. Два покровца и воздух из парчи, шитые мишурой на розовой подкладке. Пожертвованы крестьянкой поселка Покровского Родненко.

Богослужебные книги: нет.

Библиотека.

Церковные ведомости за года:

1–3. 1913 г. 1914 г. и 1915 г.

Иркутские епархиальные ведомости за года:

1–3. 1913 г. 1914 г. и 1915 г.

Приходское чтение за года:

1–3. 1913 г. 1914 г. и 1915 г.

1–9. Священные книги ветхого завета в русском переплете.

1–4. Новый завет и псалтырь.

1–7. Случай и духовное оттого рассуждение «Еп[ископа] Тихона Вор[онежского]».

1. Священные книги Ветхого завета.

1–3. Житие епископа Нифонта и Ефросинья девица.

1–17. Краткая священная история.

1–3. Святые Кирилл и Мефодий ап[остолы] Словенские.

Походная церковь

Все требуемые предметы для отправления церковной службы помещены в деревянный ящик размером $\frac{1}{2}$ аршина. Сверху по углам окovan железом и выкрашен в темно-красный цвет.

Описание утвари походной церкви:

1. Евангелие в бархатном переплете с металлическими наугольниками.

2. Крест медный размером 6 $\frac{1}{2}$ вершков.

3. Сосуд медный позолоченный с гравированными изображениями.
4. Дискос, звезда, две тарелочки и лжица, тоже позолоченные и гравированные.
5. Дарохранительница медная, позолоченная.
6. Кадило медное размером т. е. длина цепи 14 вершков.
7. Одна пара венцов, металлические золоченые с гравированными изображениями.

Иконы:

8. Икона Спасителя, писанная на полотне размером 2 ½ ар[шина] и ¾ ар[шина].
 9. Икона Божией Матери такая же.
 10. Икона Спасителя размером 1 ар[шин] и ¾ ар[шина], писанная на полотне.
 11. Икона Николая Чудотворца, писанная на дереве, складная размером 7 ½ и 7 вершк[ов].
 12. Одна напестольная плащаница, писанная на полотне.
 13. Одна пара хоругвей, писанных на полотне.
 14. Одна риза желто-красноватого цвета, при ней епитрахиль, подризник, пояс, поручи и набедренник. (Риза перешита на детский стихарь) (17).
 15. Одна завеса из материи сюрты.
 16. Воздух и два покровца такого же цвета, как и облачение. Обшиты желтой мишурной бахромой, на желтой подкладке.
- Богослужебные книги при походной церкви.
17. Октоих.
 18. Минея праздничная.
 19. Апостол.
 20. Часослов (учебный).
 21. Книга молебных пений.
 22. Минея общая.
 23. Требник.
 24. Избранные молитвы и песнопения.
 25. Последование великой панихиды.
- Куплены в Епархиальном свечном складе:
26. Типикон цена 7 руб. 15 коп.
 27. Псалтырь следованная -«- 7 руб. 70 коп.
 - Триодь цветная -«- 3 руб. 50 коп.
 - Служебник в барх[атном] перепл[ете] -«- 2 руб. 55 коп.
- Метрические книги за года:

1. 1913 г.
2. 1914 г.
3. 1915 г.
4. 1916 г.
5. 1917 г.

Исповедные росписи:

1. 1913 г.
2. 1914 г.
3. 1915 г.
4. 1916 г.
5. 1917 г.

Клировые ведомости:

1. 1913 г.
2. 1914 г.
3. 1915 г.

1. Обыскная книга с брачными документами за года: 1913 г., 1914 г., 1915 г.

2. Входящий и исходящий журналы.

Штемпеля и печати:

1. Одна печать медная для сургуча.
2. Каучуковый бланковый штампель.
3. Штампеля для подписи каучуковые «Священникъ» и «Псаломщикъ».
4. Штампель для печатания конвертов.
5. Одна печать каучуковая (18).

Дом священника. Деревянный, крытый железом, окрашена крыша медянкою. Построен в 1913 г. Размер дома 6 х 4 саж. К нему: баня, амбар, ледник, скотный двор, конюшня и коровник.

Дом псаломщика. Деревянный, крыша крыта железом, окрашена зеленой краской. Построен в 1913 г. Размер дома (19). К нему: баня, амбар, ледник, скотный двор, конюшня и коровник.

В доме священника:

1. Дюжина венских стульев со спинкой из дуж и полудуж без подлокотников ценою в 10 руб.
2. 4 стула венских стульев со спинкою из дужки и полудуж с подлокотниками полированные ценою в 10 руб. Исключены ветхостью.
3. Комод с двумя ящиками и шкафиком ценою в семь (7) рублей.
4. Письменный стол с тремя ящиками и полированной крышкой ценою в восемнадцать (18) рублей.
5. Кушетка обитая бумажной тканью цвет бордо ценою в десять (10) рублей.
6. Обеденный стол с съёмной крышкой связанной в наконечники ценою в пять (5) рублей.
7. Стол с резными ножками и ящиком ценою в три (3) рубля.
8. Круглый стол с опускающимися на петлях продольными сторонами ценою три (3) руб.
9. Железная кровать ценою в шесть (6) рублей.
10. Круглый столик черного цвета ценою в 1 р.

11. Аналойный столик бирюзового цвета ценою 1 р.
12. Неподвижная этажерка между печкой и стеной ценою в один (1) р.
13. Кухонный стол желтого цвета.

Имущество и утварь, описанную в сей книге, принял церковный староста Евмений Васильевич Харавинкин.

Настоящая опись проверена 3-го марта 1916 г. и все записанное в ней оказалось в наличности. Священник Николай Бологов.

Настоящая опись 31 декабря 1916 г. была проверена и все записанное в ней имущество оказалось в наличности, что подписом и свидетельствуется. Священник Ник. Бологов.

Вновь приобретенное имущество Покровской церкви с. Петровского с 1917 г.

1. Крест медный напрестольный.
2. Кадило медное посеребренное.
3. Венцы медные.
4. Икона Св. Николая на цинке.
5. Икона Воскресения Христова то же.
6. Икона Рождества Христова то же.
7. Икона Владимирской Божией Матери в медной ризе посеребренная.
8. Икона Спасителя в киоте, в медной ризе.
9. -«- Целителя Пантелеймона в киоте серебряной ризе.
10. -«- Божией Матери в киоте жестяной ризе.
11. -«- Георгия Победоносца на полотне.
12. Икона Спасителя, Божией Матери и Иоанна Крестителя на бумаге в киоте.
13. Икона Св. Софрония на дереве.
14. -«- Божией Матери в киоте на дереве в жестяной ризе.
15. Икона Спасителя на бумаге в киоте.
16. -«- Спасителя в киоте на дереве.
17. Иконы Святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа на бумаге в киоте.
18. Старинный требник.
19. Старинная псалтырь.

Все имущество церковное согласно настоящей описи мы члены приходского Совета февраля 17 дня 1922 года проверили и приняли от священника Помосова в исправном виде, в чем и подписуемся (20).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14808. Л. 109. Клировая ведомость Покровской церкви с. Петровского Балаганского уезда за 1914 г.
2. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX века. М., 2000. С. 355, 446.
3. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 484. Л. 1–14 об.
4. Священномученик Восторгов Иоанн Иоаннович (1867–1918), протоиерей, синодальный проповедник-миссионер и окружной наблюдатель церковных школ. Издавал газеты «Церковность», «Русская земля» и журналы «Потешный», «Верность». Руководил пастырскими курсами в Москве. Приезжал в Иркутск для участия в миссионерском съезде, проходившем 24 июля – 5 августа 1910 г. Был убит в 1918 г. Канонизирован в 2002 г. Память 23 августа (5 сентября по н. ст.).
5. Предложение дописано в опись другим почерком.
6. Мордан — масляный лак на основе янтаря. Использовался как клеящая основа для сусальных покрытий.
7. Дописано на полях описи, причем фамилия написана с ошибкой: «Аандреев».
8. В описи обозначен только заголовок, видимо, на время составления описей этих предметов в церкви еще не было.
9. То же.
10. То же.
11. То же.
12. То же.
13. То же.
14. Цена в документе не проставлена.
15. Предложение подписано на полях другим почерком.
16. В документе текст в скобках перечеркнут.
17. Текст в скобках дописан на полях другим почерком.
18. В документе проставлены все образцы печатей и штампов.
19. Размер дома в документе не указан.
20. Подписи трудночитаемы.

Галина Николаевна МАКОГОН,
директор
Заларинского районного
краеведческого музея

ЗАСЕЛЕНИЕ ЗАЛАРИНСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Данное небольшое исследование не является новым словом в освещении столыпинской аграрной реформы в Восточной Сибири. Тема столыпинского переселения давно интересовала историков, по этому периоду известно множество печатных работ разного исследовательского характера. Сегодня в свете крупных реформаторских исторических событий в стране к этой проблеме вернулись как к историческому опыту, важному уроку в государственной политике. Личность же автора этих реформ П.А. Столыпина именно в наши дни явилась значимой, крупнейшей, к которой приглядываются современники под углом зрения сегодняшних событий в стране и роли политиков в них.

Данная работа носит узкий утилитарный характер — это изложение фактов по заселению территории Заларинского района в годы столыпинской аграрной реформы, практической сутью которой явилось переселение народов из густонаселенных губерний европейской части России в Сибирь и на Дальний Восток. Тысячи крестьян 100 лет назад обрели для себя в Сибири, в том числе и на территории Заларинского района, новую родину, обжили здесь непаханные земли и стали именоваться сибиряками. Работа является продолжением темы о заселении Заларинской земли 300 лет назад, исследование которой состоялось в начале 2000-х гг. в свете 300-летия с. Залари. 300–250 лет назад шло укоренение в этих местах первоначальной русской, или старожильской, прослойки пашенных крестьян из северных волостей Илимского воеводства. Это была первая волна активного заселения Заларинской земли. В годы столыпинской реформы сюда хлынула еще более сильная волна переселенцев. Рассмотреть аспекты практического переселения людей из европейской части России и условия их приживаемости в заларинских местах в начале XX в. — цель данной работы.

В 1996 г. автором было опрошено 500 учащихся школ пос. Залари. Из них только один человек знал свою родословную в пять поколений, три человека обозначили свой род в четыре поколения. Многие учащиеся, готовившиеся получить аттестат о среднем образовании, не знали отчества своих дедушек и бабушек. Причина слабого знания истории своей семьи, своей родословной кроется в утрате этих знаний их родителями, а также в отсутствии должной воспитательной работы в обществе, где обитает подрастающий гражданин, а в этом отражается и отношение самого общества к историческим ценностям семьи. Во время сбора материала по теме 100-летия столыпинских реформ автору часто доводилось сталкиваться с та-

ким мнением взрослых людей-информантов: «А кто его знает, как попали в Сибирь», «Как-то этим раньше не интересовались...» Более того, многие достаточно грамотные зрелые люди считают, что «Столыпин в ссылку в Сибирь отправил», «попали в ссылку в Сибирь в столыпинщину». Поэтому данная работа — дань просвещению заларинского населения об их исторических корнях, пущенных в Сибири 100 лет назад. В целом тема раскрывается поступательно вот уже на протяжении 10 лет.

По своей территории сегодняшний Заларинский район — одно из муниципальных образований регионального субъекта Российской Федерации Иркутской области — располагается в юго-западной части области. Район занимает площадь в 7,6 тыс. кв. км, которая могла бы вместить два-три десятка малых государств мира. В нем проживает 31 630 человек. Район составляют 15 муниципальных сельских образований. На 2008 г. в Заларинском районе числится 45 населенных пунктов. Районный центр — пос. Залари, он находится в 202 км от областного центра — Иркутска по автомобильной дороге и в 195 км по железнодорожной магистрали.

В начале XVIII в. на основе появления Заларинской Никольской церкви здесь сформировался церковный приход. Со строительством Московского тракта село обретает статус ямщицкого станца. К концу того же XVIII века (1773–1798 г.) Залари именуются Заларинской слободой, которая включала в себя саму слободу, Тыретскую (ныне с. Тыреть) и Тагнинскую (ныне с. Тагна) деревни (1). По В.Н. Шерстобоеву, в 1797 г. понятия «слобода», «острог» и «погост» в Илимском воеводстве (включающем в себя и Заларинскую слободу) замещаются понятием «волость» (2). С этого момента Заларинская слобода должна была числиться Заларинским волостным селом. Однако еще по инерции и по привычке, а может от бумажной неразворотливости, на 1807–1809 г. Залари по-прежнему числятся слободой, в которую входят уже Колмокайская (ныне д. Холмогой), Самкутская (д. Самкуты, ныне утрачена), Сортовская (ныне д. Сорты) деревни. И в 1832–1834 г. опять же при Заларинской слободе числятся вышеназванные деревни с добавлением деревень Распутиной, Усть-Заблагарской (ныне д. Заблагар) и Бажирской (ныне д. Бажир). По своей сути эти деревни старожильческие, чалдонские, с осевшими здесь пашенными крестьянами, которые расширяют свои пахотные земли и к концу XIX в. переходят для удобства пашенного дела на заимочные хозяйства. В 1896 г. через Залари помимо Московского тракта прошла и Великая Транссибирская железнодорожная магистраль. Благодаря этим двум великим путям Залари и стали определенным социальным и административным центром для округа.

Перед новой волной крестьян столыпинского периода на картах Заларинской волости, а вместе с ней еще шести полных волостей (Дмитриевской, Тыретской, Холмогойской, Тагнинской, Хор-Тагнинской, Ново-Черемховской) и семи волостей с частичным вхождением их земель (Зонской, Голуметской, Шалотской, Жербаковской, Алятской, Кутуликской, Унгинской) расположились: 7 старожильческих селений (они и

станут волостными селами), 14 деревень, около 110 заимок, а также 3 мельницы, 2 железнодорожных станции, 2 железнодорожных разъезда. Они-то и образовали территорию современного Заларинского района.

За 200 лет с момента появления здесь служилых людей и первых русских пашенных крестьян огромная территория в 7 с лишним тысяч квадратных километров отвоевывалась у тайги, лесов и болот под пахотные и сенокосные угодья сначала для двух-трех, потом для семи старожильческих деревень и к началу XX в. для двух десятков деревень и сел и около сотни старожильческих заимок. На 1722 г. все Илимское воеводство представляло собой дикий край, где обитало всего 14 тыс. человек (3). Деревни того периода — это один–три двора по несколько человек пашенных крестьян. Южные края этого воеводства — земли Балаганского уезда — были в большинстве своем еще не тронуты первопроходцами. Два века русские государственные люди обживали эти места для того, чтобы на нынешней территории Заларинского района сложилась вышеприведенная структура старожильческих населенных пунктов.

Сто лет назад, в начале XX в., в считанные годы начался качественно новый рывок в преобразовании и в дополнительном освоении сибирских земель, в том числе и наших. В политической и экономической жизни страны произошло событие, которое можно оценить как эволюционное, грандиозное преобразование Сибири и Дальнего Востока. Особенно это чувствуется в наши дни, когда мы сами пережили экономический кризис перестройки 1990-х гг. и невольно видели и испытывали тупиковое состояние общества. Пережив кризис, нельзя не обратиться к опыту прошлых лет, к размышлениям об исторических, схожих с нашей ситуациях. На этом фоне с невольным уважением оглядываемся на событие, о котором рассуждаем с высоты его 100-летнего юбилея, с высоты опыта положительного и отрицательного, обретенного как следствие по истечении этих ста лет. Речь идет об аграрной и переселенческой реформах государства начала XX в., инициатором которых явился просвещенный политик, блестящий экономист и юрист, крупный административный талант, почти отказавшийся от личной жизни и вложивший свою удивительную работоспособность в преобразование России — председатель Совета министров российского правительства с 1906 г. Петр Аркадьевич Столыпин. Его программа заключалась в освобождении крестьян от «общинной крепости», в наделении их землей. Предоставление участков земли происходило в Сибири, что должно было способствовать заселению и хозяйственному освоению края. Основную тяжесть всех организационных и хозяйственных работ и финансовых затрат должно было взять на себя — и взяло! — государство. Не секрет, что в последние два десятилетия наша страна пережила тяжелый экономический кризис по причине смены экономической формации. Аграрии России испытали тяжкие времена без ГСМ, семян, заработной платы и т. д., без повышенной ответственности за дело, без приподнятого психологически трудового духа народа. Совсем недавно мы стали свидетелями национального государственного проекта по под-

держке сельского хозяйства страны. Сравнивая столыпинскую аграрную реформу 1906–1914 г. с современным национальным проектом, можно сказать, невооруженным глазом видно, насколько уступает последний по размаху, действенности, эффективности, ответственности за свершение государственной важности дела столыпинской реформе.

Тема строительства великого Транссиба является отдельной темой для историков. Для решения аграрного вопроса в Сибири в конце XIX в. была построена железная дорога через всю страну. Как выглядело ее строительство в наших местах? Как запомнили местные жители это историческое событие?

В памяти 80-летней Клавдии Петровны Власовой, из чалдонов, сохранились рассказы ее матери Ефросины Никоновны Распутиной: «Железную дорогу строили в наших местах чалдоны. Крестьяне из местной округи все обязаны были отработать на железной дороге, завезти дров для шпал, щебня доставить на своих повозках. Особенно мама помнила ссыльных, потому что они были прикованы цепями к своим тачкам. В православные праздники из людей текли две реки в село: одна шла в кабаки, другая река текла в церковь» (4).

Строительство дороги в районе Половина–Залари–Зима шло усиленным темпом, поджимали сроки, и были нарушены нормы соблюдения допустимых углов подъема в гору тяжелого транспорта, непрочно укреплялись насыпи. Строительство дороги в наших местах шло вторично, с ее выравниванием. До сих пор в Заларях у местных живо понятие «Старая железная дорога», которая сегодня превратилась в прямую тенистую искусственную аллею.

Из воспоминаний Карпа Анисимовича Бровкина, старожила с Хор-Тагна: «В 1905 году началось строительство Транссибирской дороги. После постройки трактовых дорог пришел первый поезд с плановыми переселенцами по столыпинской реформе. Разгружались на станции Тыреть с прямой пропиской в Хор-Тагну. Тогда уже были утверждены и названия деревням. Уезд был в Балаганске. В Тырети была учреждена организация по продаже плановым переселенцам лошадей, крупного рогатого скота, телег, саней, сбруи, домашнего инвентаря и всего необходимого для новоселов. Ехали переселенцы семьями из одной местности, а составляли целый поезд. Второй поезд пришел весной 1908 года. С первого поезда заселили улицу Хора и Патархай. В те годы Хор-Тагна состояла как бы из трех деревень, но все-таки это считалось единым целым: и Патархай, и Хора, и Окинские Сачки тоже входили, только были на отшибе. И церковь у них была общая, и кладбище общее, и староста, и управа общие. И приехали все из одной местности — из Двинского уезда Витебской губернии.

Позднее семьи приезжали группами, а ближе к 1920-м гг. и одиночные семьи (правда, ехали они тоже группами, но расселялись в разных деревнях). Одиночных домов как таковых не было. Сначала ставили временки из кругляка, а углы в них рубили в охряпку, т. е. как можно быстрее.

У крепких хозяев за неделю времянка вставала и обживалась. В первую очередь старались распахать пашню, посеять хлеб и убрать урожай, рубили хлева и загоны для скота. Дома же строили через год-два, а кто-то и десяток лет ютился во времянке» (5).

Специальным переселенческим отрядом были проведены изыскательские работы. На месте станицы Головинской, принадлежавшей в начале XX в. к Заларинской волости, были найдены залежи угля, и железная дорога, вступив в отношения об аренде земли с головинским казачеством, приступила в 1910-х гг. к разработке шахты Владимира.

Впервые были составлены подробные карты на местах после работы геодезистов. В фондах нашего музея имеется уникальная карта 1905 г. Заларинской волости, где вокруг Заларей зафиксированы все топонимы старожильческих и первых переселенческих участков вблизи железной дороги. Тагнинскую, Хор-Тагнинскую, Дмитриевскую, Тыретскую, Голуметскую волости от руки отфиксировал начальник переселенческих дел Око-Тагнинского подрайона А.А. Райнерт в 1913 г. (6). Можно утверждать, что это первая подробная и правильная карта Заларинской земли (для сравнения: в изданном в 1894 г. сборнике «Волости и населенные места. Выпуск 4. Иркутская губерния» на с. 101 приведена составленная Центральным статистическим комитетом в 1893 г. карта, где Аларская степная дума ошибочно изображена на месте Тагны, а Кимильтейская волость вообще отнесена на юг за Заларинскую волость — на место современной Черемшанки и Хор-Тагны).

Событием огромного экономического и социального значения для заларинских земель явилось строительство дорог. 582 дорожные версты было построено на 1913 г. (в 1911 г. — 201 верста) (7). Это была основная дорога от волостного села Тыреть до волостного села Тагна через переселенческие участки Николаевский и Петровский, от Тагны до переселенческого участка Боровое. Далее шли еще менее протяженные участки и боковые ветки, соединявшие переселенческие участки глубинки со старожильческими селами или с основной дорогой на участке Тагна–Хор-Тагна. В 1910 г. между переселенцами участков Сачковский и Окинские Сачки возникла тяжба на основе факта, к кому ближе проведена дорога. Суть спора возводилась к просьбе перед Переселенческим управлением дать пособие в 1 000 руб. на строительство семи верст дополнительной дороги «от главной магистральной дороги Тагна–Хор-Тагна» к их участкам (8). До сих пор местных жителей, особенно мужчин, часто пребывающих в поездках, впечатляют первые дороги Тыреть–Тагна и Тагна–Боровое. Они ровные, прямолинейные, как стрелки, достаточно крепкие. Бывший житель с. Тыреть А.В. Герасимов, работавший водителем и часто выезжавший на уборочные работы в 1970-х гг., вспоминает: «От Тырети до фермы за Тагнай шел наипрямейший путь, сделанный как по линейке. С обеих сторон посажены березы. Едешь по этому тракту, как по тенистой аллее. Сейчас вдоль него идет линия электропередачи. Она идет прямо по Николаевке, но мимо Ханжиново. Я в свое время по дороге насчитывал по 13 мостиков — так раньше

гатили и ровняли дорогу. Сейчас они сгнили. Сядешь на машину и едешь прямехонько, как по стрелке. В народе эту дорогу называют Николаевской. Я думал, из-за деревни Николаевки, куда она заходит. Нет, старики меня поправляли: это из-за того, что был построен тракт при царе Николае» (9).

Столыпинские, или Николаевские, дороги были очень важны для коммуникационных связей в районе; сотню лет они прослужили верой и правдой местному народу и помнят на своем веку много трудов людей. Любовно и с добрыми чувствами сегодня помнят об этих «вековых» дорогах в народе, знают их.

Для поддержания духа и здоровья людей в волостях, принявших переселенцев, строились церкви, больницы, министерские школы. На 1913 г. были построены три церкви, разрушенные в советское время. Народ знает судьбы их останков, а также имена людей, рушивших святые храмы в нашей глубинке Сибирской Руси. 14 школ были построены добротнo и основательно, и многие из них принимали детей почти 100 лет. Две волостные больницы были отстроены в таежной глубинке: в Хор-Тагне и Тагне (10). С особенным хозяйским размахом был построен Тагнинский больничный комплекс, состоящий из девяти больших зданий. Дважды — во время Русско-японской и Великой Отечественной войн — здесь размещался госпиталь для раненых солдат.

Земли современного района входили в территорию IV Око-Тагнинского переселенческого подрайона из 11 образованных в Иркутской губернии (из 8 на территории Балаганского уезда). В Око-Тагнинский подрайон народ доставлялся по железной дороге на станции Залари и Тыреть тысячами. С 1906 по 1914 г. в подрайоне возникло 63 переселенческих самостоятельных пункта. К ним же можно причислить 33 новых хутора и заимки, действующих как малые, но распространенные формы населенных пунктов, создававшихся для удобства работ на земле.

Большинство из возникших переселенческих населенных пунктов появилось в средней и южной (присаянской) частях района. На 1913 г. чиновником особых поручений по переселенческим делам А.А. Райнертом к отчету была представлена система заселения местности в зависимости от географических условий. Участки делились на три группы:

1) при Тагнинском волостном селе — в серединной части района. Здесь болото, заболоченные пади, небольшая холмистость (образовано 11 участков);

2) юго-западная часть района. Таежные леса здесь более значительны, людей селится меньше — Хор-Тагнинская волость (10 участков);

3) юг района, Присаянье (8 участков) (11). Здесь начинается нетронутая вековая тайга, переходящая в Саянские горы.

Под фразой в отчете «Разработка и расчистка под пашни трудна, приняты корчевальные работы по расчистке» кроется невероятный добровольный каторжный труд крестьян, добывавших хлебородное уголье. (В 1950-х гг. этим же трудом будут заниматься спецпереселенцы из Западной Украины.) В этой местности поселили уроженцев Уфимской губернии, где

также было много лесов и люди генетически были причастны к лесным промыслам — охоте, рыбалке. Здесь, в восточносибирской саянской тайге, им довелось в условиях дикого нетронутого края и буйного таежного ландшафта пройти и укрепить тропы лесных бурят, звериные тропы к водопою, разведать заларинскую тайгу и, поделив ее на таёжки, построить охотничьи зимовья.

В заларинской тайге появились таёжки Мартышкина, Кузьминиха, Малиновая Гора, Жежем, Выборов Хребет, Углы, Анфимова, Нефедова баня и др., которые стали служить новым обитателям — столыпинским переселенцам. Таежные зимовья явились негласным дополнением к социальной инфраструктуре переселенческого подрайона, так как они помогали устраиваться на новом месте, подчинять угоды себе.

По предварительным данным работников Заларинского краеведческого музея, в них проживали выходцы из 25 европейских губерний. Люди преодолели громадный путь по железной дороге, перевоза свой скарб, со страхом покидая свои вековые «гнезда» на исторической родине. По воспоминаниям старожилов-переселенцев, многие рождались и умирали в дороге. Это был государственный риск в отношении своего народа. Вот как прокомментировал это в своей речи П.А. Столыпин на заседании Государственной думы 5 декабря 1908 г. после принятия Думой законопроекта о землеустройстве крестьян: «Господа, нужна вера. Была минута, и минута эта недалеко, когда вера в будущее России была поколеблена, когда были нарушены многие понятия. Не нарушена была в эту минуту лишь вера царя в силу русского пахаря и русского крестьянина. Это было время не для колебаний, а для решений. В эту тяжелую минуту правительство приняло на себя большую ответственность, проведя в порядке 87 закон 9 ноября 1906 года. Оно сделало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных. Таковых в короткое время оказалось полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой более 3 200 000 десятин земли... Помните, господа, законодательствуя, что таких сильных людей в России большинство» (12).

Как наказ передал государственным деятелям главную мысль о силе крестьянина премьер-министр за три года до своей смерти. Смертельно раненный ставленником реакционеров, Столыпин своей жизнью заплатил за реформы, ставшие судьбоносными для пяти-шести поколений переселенцев. Могущество России приросло не только Сибирью, но и многочисленным естественным приростом переселившихся в Сибирь. Примерно 70 % сегодняшнего населения составляют потомки столыпинских переселенцев.

Приведу цифры по Дмитриевской волости. В 1914–1916 гг. по исповедным росписям Дмитриевской церкви здесь числилось 2 899 человек (413 семей) (13). Чалдонское старожильческое население из этого количества составляло 521 человек, переселенческое — 2 378 человек — 82 % общего населения, переселенцев было в 4,5 раза больше, чем старожилов.

Семья моего деда Сахиб Гарей Давлетшина, состоявшая из пяти человек, заселилась в Хор-Тагинскую волость в 1914 г. За 100 лет пре-

бывания в Сибири семья выросла до 156 человек — цифра, показывающая обживаемость нового края этой семьей за одно столетие.

Семьи переселенцев, как правило, были многодетными: обретенные ими земли в Сибири еще надо было осваивать новыми и новыми рабочими руками. Не безликое существование, а свой уклад культуры — веры, обрядовости, архитектуры, воспитания, хозяйствования — привезли с собой в Сибирь из разных этнических уголков России люди. При внимательном рассмотрении истории этих семей предстают их индивидуальность, самобытность, уникальность. Из сердца Древней Руси — из Черниговщины прибыли великороссы. Несколько семей поселенцев в д. Романенкино — русские выходцы из Смоленской губернии, которые заняли северо-западную и западную часть Заларинского района. 14 населенных пунктов образовано белорусами из Могилёвской, Минской и Гродненской губерний. Они раскинулись по всей территории района. Восточную часть района облюбовали себе герои гоголевских рассказов — казаки и казачки Полтавской губернии, Миргородского и других уездов. Южные окраинные поселения были образованы татарами, преимущественно из Уфимской губернии. Есть в районе место, населенное карелами из Тверской губернии. Они составляют малую толику среди других переселенцев. Видимо, группа мордовцев из Пензы были переселенцами по инерции в 1917 г.

Из 63 переселенческих пунктов и 11 хуторских хозяйств Заларинского района за прошедший век выжили как самостоятельные административные населенные пункты всего 14. Население образованных в начале XX в. полсотни деревень разъехалось в разные уголки района, а то и области в силу тех или иных причин. Это вело к утрате обретенного в Сибири родового гнезда, а вместе с этим и своих вековых традиций, своей исторической памяти.

Среди оставшихся чуть более десяти деревень переселенческого типа, пожалуй, самыми яркими в плане сохранения этнографии, архитектуры, наиболее показательными и самобытными в районе и области можно назвать Пихтинск, состоящий из трех деревень: Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник. Вот уже десяток лет пихтинские участки привлекают пристальное внимание общественности. Историки, архитекторы, этнографы, радиолобители, музейщики, студенты, учащиеся, экологи, туристы, служители религиозного культа, представители разного уровня властей — кто только не побывал здесь при полном отсутствии туристической инфраструктуры! Век сложился для Пихтинска не просто. Документальное упоминание голендров в Сибири фиксируется в государственных статистических отчетах по Иркутской губернии, своеобразном цифровом итоге реформы в 1913 г. В приходе Николаевской церкви Хор-Тагнинской волости на этот год числится 22 семьи лютеран, что составляло 130 человек. Существуют записи метрических книг о венчании браков, рождении детей у пихтинских голендров в Иркутской лютеранской кирхе за 1917–1918 гг. В метрической книге Хор-Тагнинского ЗАГСа за 1921 г. сделано 14 записей по гражданскому учету крестьян Пихтинского участка (14). Умиряли прибывшие в Сибирь первопоселенцы, но

им на смену год за годом рождались дети после самобитных пихтинских свадеб. Голендры стали закрепляться на новой земле.

Очень быстро во всех волостных селах укрепилась купеческая прослойка населения. Так, в Тырети в первый же десяток после переселенческих лет образовалось 11 торговых лавок, точек, из которых самой крупной явилось торговое дело потомственной почетной гражданки г. Москвы А.И. Громовой. В Заларях образовалась улица Купеческая, где раскинулись особняки и частные торговые усадьбы купцов Курсановых, Швецов, Ивановых, Гусевых, Шамановых и др. История усадьбы семьи Курсановых подробно рассматривалась в связи с 300-летием Заларей. Она значима, показательна и интересна. Особенно велика была роль этих купеческих хозяйств в экономике, влиявшей на жизнь переселенцев. Здесь оптом скупалась сельскохозяйственная продукция, предоставлялись для торговли сельскохозяйственный инвентарь, необходимые продукты и товары для переселенцев. Особое значение в экономике имел Троицкий винокуренный завод, образованный в 1875 г. Из самих переселенцев также выделяются предприимчивые хозяева, судьбы которых сложились трагично после свершения Великой Октябрьской революции: многие были раскулачены, зажаты налогами, всех подвели к уравнительному хозяйствованию. Как часто водится во все времена, многое было разрушено из-за смены экономической формации. Однако остались в наших местах пашни, деревни и люди, закрепившиеся тут 100 лет назад.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4473.
2. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 2001. Т. 2. С. 8.
3. Там же. С. 121.
4. Фонды Заларинского районного краеведческого музея, ВС-844-1. Воспоминания К.П. Власовой.
5. Фонды Заларинского районного краеведческого музея, ВС-844-2. Воспоминания К.А. Бровкина.
6. Фонды Заларинского районного краеведческого музея, ВС-2. Карта 1905 г.
7. ГАИО. Ф. 171. Оп. 3. Д. 66.
8. Там же. Оп. 1. Д. 237.
9. Фонды Заларинского краеведческого музея, ВС-846. Воспоминания А.В. Герасимова.
10. Архив ЦСН. Санников А.П. Памятники истории и культуры Заларинского района. 1993 г.
11. ГАИО. Ф. 171. Оп. 3. Д. 66.
12. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 168.
13. Фонды Заларинского краеведческого музея, ВС-845. Исповедные росписи Дмитриевской церкви, 1916 г. (копия).
14. Фонды Заларинского краеведческого музея, ВС-847. Метрическая книга Хор-Тагнинского ЗАГСа, 1921 г. (копия).

Василий Станиславович РАКИТО,
*председатель Совета
местной автономии «Белорусы Черемхово»*

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ. ИСТОРИЯ ВОДВОРЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ СЕМЕЙ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Колонизация Сибири в течение минувшего 400-летия — от Ермака до наших дней — результат усилий этнически разнообразного люда, казаков, коренного населения и крестьян-переселенцев. Заметное место среди них занимают выходцы с западных окраин Российской империи — русские, украинцы, белорусы, поляки и представители других этнических групп.

Исторические предпосылки переселения из земель княжества Литовского в Россию, а затем в Сибирь формировались с XVI в. и служили естественным фактором зарождения переселенческого движения.

Частые кровавые войны на территории княжества Литовского, от Припяти, Днепра до земель Прибалтики, между Россией, Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой, Швецией и Наполеоном привели к разорению, опустошению края, голоду и вымиранию коренного этноса, белорусов. Так, в период Смоленских войн (1654–1667 гг.) погиб, умер от голода и болезней каждый второй белорус, а в восточной части — каждые восемьдесят человек из ста. В северных войнах Петра Первого со Швецией погибли, умерли более 800 тыс. белорусов, или каждый третий житель. В период нашествия наполеоновской армии Беларусь потеряла около миллиона жителей, что составляло 25 % населения (1).

Сотни тысяч белорусов, вовлеченных молохом войны, мигрировали вместе с армиями как захватчиков, так и «освободителей», где добровольно, где вынужденно, как на запад и север, так и на восток. Наиболее активно осуществлялась миграция «литвинов — белорусов» в Россию, отчасти и по принуждению, после пленения. Известно, что Российское государство всячески поддерживало процесс миграции белорусов, вплоть до предоставления полной свободы крепостным крестьянам княжества Литовского. Ну, а свободные люди могли мигрировать и дальше, вплоть до Сибири.

Объективно востребованы временем глобальные экономические, внешнеполитические, социальные предпосылки переселения белорусов в Сибирь в XVIII–XIX вв., в начале XX в. Важнейшая из них — восточная внешняя политика самодержавной России.

Окно в Европу прорублено Петром Первым. Но приоткрыв его, Россия убедилась, что никто нас там не ждет с объятиями. В России возникает и набирает силу новый вектор внешней политики — Азиатско-

Тихоокеанский регион. Основная составляющая вектора — Сибирь и Дальний Восток. Именно сибирское и дальневосточное притяжение глубоко и мощно воздействовало на самодержавную Великую Русь, на славянское население западных окраин России.

Неудача в Русско-японской войне сыграла мобилизующую роль, так как правительство России осознало необходимость заселения отдаленных районов Сибири и Дальнего Востока для прикрытия своих сибирских и дальневосточных окраин. Основной технической и экономической базой для освоения Сибири и Дальнего Востока должны были стать транспортная система и создание жизнеспособной инфраструктуры вдоль всего коридора движения от Урала до Тихого океана.

Вопрос о строительстве Великого железнодорожного пути до Тихого океана настойчиво обсуждался в государстве, и прежде всего по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. В феврале 1891 г. вышел высочайший указ о строительстве дороги от Челябинска до Владивостока. Цесаревич Николай Александрович 19 мая 1891 г. объявил во Владивостоке о начале строительства Транссибирской магистрали, одновременно со стороны Челябинска и Владивостока. И наконец, в кратчайший период, с 1896 по 1898 г., был построен участок от Красноярска до Иркутска протяженностью 1004,45 версты.

16 августа 1898 г. в Иркутск прибыл первый железнодорожный состав. Встречал его инициатор строительства дороги через Иркутск, идеолог и практик землеустройства и водворения крестьян в Иркутской губернии губернатор Александр Дмитриевич Горемыкин. После известного подавления польского восстания 1864 г. он занимался административной деятельностью в северо-западном крае империи, возглавлял комиссию по крестьянским делам, был хорошо осведомлен об экономических и социальных проблемах и острых нарастающих противоречиях в среде безземельных и обездоленных крестьян.

Личность почетного гражданина г. Иркутска А.Д. Горемыкина весьма знаменательна и в истории Сибири. Он активно содействовал переселенческому движению, под его руководством в 1889 г. издано постановление о переселениях в Восточную Сибирь, в 1893 г. разработано «Положение о поземельном устройстве в Иркутской и Енисейской губерниях», приняты землеустроительные законы 1896–1898 гг., созданы первые переселенческие пункты, осуществлялось водворение переселенцев в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.

Строительство и ввод железной дороги, пристанционных поселений, организация переселенческих пунктов на железнодорожных станциях Тайшет, Нижнеудинск, Тулун, Зима, Залари, Черемхово, Иркутск, Мысовая создали технические, организационные и экономические предпосылки и возможности организации массового переселенческого движения в Иркутскую губернию в начале прошлого века, заложили прочную основу для осуществления аграрных реформ в России.

В порядке общего подтверждения массовости переселения в Сибирь следует вспомнить слова председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием П.А. Столыпина (в свое время бывшего губернатором Гродненской губернии) после инспекторской поездки по Сибири: «За 300 лет владения нашего Сибирью в ней набралось всего 4 млн русского населения, а за последние 15 лет сразу прибыло 3 млн, из них более 1,5 млн — в одно трехлетие 1907–1909 г.».

На наш взгляд, все вышесказанное возможно ввести в определенные хронологические рамки, периоды переселения в Сибирь из центральной, северо-западной и южной окраин Российской империи.

Первый — 1861–1890 г. Условное наименование периода — «Александровский» (императоры Александр II и Александр III). Для этого периода характерны отмена крепостного права и развитие капитализма в России. Во внешней политике — особое внимание освоению Сибири и Дальнего Востока.

Второй — 1890–1906 г. Условное наименование — «Горемыкинский» (генерал-губернатор А.Д. Горемыкин). Активная восточная политика Российской империи. Строительство Сибирской железной дороги. Принятие нормативных документов о землеустройстве, переселениях крестьян, организация переселенческих пунктов. Переселение в Сибирь из Витебской, Могилёвской, Минской, Гродненской губерний (57,5 % всех переселенцев).

Третий — 1906–1914 г. Условное наименование — «Столыпинский». Активная аграрная политика России, организация государством миграционных потоков в Сибирь. Преимущественное переселение в Сибирь выходцев из нечерноземных губерний: Могилёвской, Витебской, Минской, Гродненской.

Не все бесспорно в нашей периодике этапов развития Сибири в связи с переселенческим движением. Но безусловно, что Иркутская губерния с развитой инженерной инфраструктурой, развитием поселков и городов вдоль Сибирской магистрали стала центром переселенческого движения. Это подтверждается научными и архивными материалами государственных учреждений.

Используя материалы Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) в Ленинграде (2), находим, что в Иркутской губернии было подготовлено 528 переселенческих участков. К 1910 г. были водворены переселенцы на 244 из них (46 %), 284 участка (54 %) предназначались для освоения прибывающими переселенцами.

Наибольшее количество переселенческих участков (244, или 46 % общего числа) находилось на территории Нижнеудинского уезда с центрами переселенческих подрайонов или участковыми крестьянскими начальниками на станциях Тайшет, Тулун, в г. Нижнеудинске, селах Куйтун, Тулун, Кимильтей, Братское. Переселенческие подрайоны охватывали Перфильевскую, Тангуйскую, Алзамайскую, Куйтунскую, Шебартинскую,

Тулунскую, Шерагульскую, Икейскую, Уянскую, Кимильтейскую, Братскую волости.

Далее следует Балаганский уезд (217 переселенческих участков — 41 %) с подрайонами в селах Зима, Залари, Черемхово, Бельское. В переселенческий подрайон входили волости: Зиминская, Ашехабатская, Тыретская, Тагнинская, Кутуликская, Осинская, Холмогойская, Бельская, Голуметская.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО) сохранил архивные сведения о деятельности переселенческих пунктов. Среди них выделяется Тулунский переселенческий пункт. Здесь оказывалась необходимая медицинская помощь, размещались и изолировались инфекционные больные, на кухнях и в столовых переселенцев обеспечивали недорогим горячим питанием. Обращают на себя внимание подробные хозяйственные отчеты. Они показывают, что на складах имелось все — от хозяйственного инвентаря (плуги, бороны, косы) до семян и хлеба, а также 0,5 бутылки коньяка для медицинских целей. Только в период с 1 апреля по 1 августа 1901 г. через Тулунский переселенческий пункт прибыло и отправлено 337 семей, 1 819 взрослых, 645 малолетних, 527 ходоков, 43 одиноких, очевидно, без разрешения и документов на переселение. Куда направлялись переселенцы из «Тулуновского» переселенческого пункта? По большей части в Нижнеудинский, Иркутский уезды, а часть продолжала свой путь дальше, на Амур (3).

В Балаганском уезде, в Присяянье, на межах нынешних Заларинского и Черемховского районов были освоены переселенческие участки белорусами из Могилёвской, Витебской, Смоленской губерний. Если белорусское поселение в Черемховском районе Белая Падь условно принять за центр, то севернее расположились села Татарское, Исаковка, западнее — Шаньгино, Артуха, Мариинск, Бабагай, недалеко села, основанные белорусами, — Большая Елань и Старо-Метёлкино, Верхнее, Последний и др. Есть основания утверждать (желательно еще подтвердить научными исследованиями) об особой присаянской зоне расселения белорусов в границах нынешнего Заларинского и Черемховского районов. Очевидно предположение, что заранее предусматривалось близкое территориальное расположение тех или иных этнических групп как часть регулирования межнациональных отношений.

Строительство железной дороги, создание инфраструктуры поселений вдоль нее, организация на железнодорожных станциях переселенческих пунктов, сам процесс расселения и освоения сибирской территории, фактическое водворение крестьян — все это является стержнем для исследования и изучения массового переселенческого движения в Сибирь в конце XIX и начале XX в.

Этнический белорусский оттенок рассматриваемой темы характе-

ризуется общеизвестными фактами, в частности общепризнанным учеными и исследователями фактом массового переселения в Сибирь в конце XIX и начале XX в. крестьян из «Северо-Западного края» Российской империи. Именно такое географическое название имели в том числе и исторически белорусские земли в составе России.

Если в первоначальный период массового переселения (1861 – конец 1890-х гг.) переселенцы в Иркутскую губернию были в основном (более 75 %) выходцами из западных сибирских губерний (Тобольской, Томской, Енисейской), то с конца 90-х гг. XIX в. и начале XX в. 57,5 % переселенцев были выходцами из Могилёвской, Витебской, Минской, Гродненской губерний и 29,3 % — из Орловской, Черниговской, Полтавской, Пензенской, Тамбовской (4).

Энергетика движения по освоению просторов Сибири и Дальнего Востока была чрезвычайной, начиная от государственной политики и кончая «переселенческой лихорадкой» населения. «Наибольший размах она приобрела в Витебской и Могилевской губерниях, откуда и шла основная масса переселенцев.

Причем Могилевская губерния по размаху переселенческого движения среди 50 губерний Европейской России занимала одно из первых мест, уступая только в разные годы Черниговской и Полтавской губерниям.

Еще в 1897 г. витебский губернатор в отчете царю Николаю второму с горечью подчеркивал, что ни строгости, ни уговоры, ни печальный пример тех, кто вернулся из Сибири окончательно обедневшим, не могли прекратить переселенческого движения, которое постоянно разрасталось.

Крестьяне, не обращая внимания на запреты властей, продавали имущество, оставляли жилье и направлялись на ближайшие железнодорожные станции. Полиции было не под силу справиться с наплывом переселенцев, поэтому властям приходилось использовать воинские команды» (5).

По данным «Белорусской советской энциклопедии», с 1896 по 1912 г. из Беларуси в Сибирь переселились 716 600 человек. Полагаясь на исследования ученых-белорусоведов М.В. Довнер-Запольского, П.Д. Верещагина, А.А. Ракова, З.М. Семейных и энциклопедии, можно с большой степенью достоверности утверждать о переселении в Сибирь примерно 700 тыс. белорусов.

В подтверждение этих доводов интересны сохранившиеся в фондах Государственного архива Иркутской области многочисленные прошения губернатору А.Д. Горемыкину от крестьян западных губерний.

Так, Евгений Краснобай и Тарас Корольков с. Кашово Мыинского уезда Черниговской губернии в письме от 5 марта 1895 г. просят губернатора выдать «даровой» билет для осмотра местности, так как много желающих переехать в Иркутскую губернию. «Объявление», т. е. ответ

на это прошение: «...изложенное в этом прошении ходатайство не может быть удовлетворено, потому что железная дорога в Иркутской губернии еще не проведена» (6).

Еще пример — прошение от 6 ноября 1895 г. от дворян, мещан и крестьян Виленской губернии Лидского уезда Эймышской волости Павла Ушыло, Адольфа Латвиса, Ивана Вайдако, Климентия Василевского, Матвея Станкевича, Людвига Киселя и др. (всего более 40 фамилий) с просьбой принять их на жительство в Иркутскую или Енисейскую губернию (7).

Обращаем внимание на то, что упомянутые прошения поданы в 1895 г., еще до начала столыпинских реформ, примерно за год до начала строительства (1896 г.) железной дороги Красноярск–Иркутск. Почему не предположить, что ряд подобных прошений мог быть удовлетворен и крестьяне-белорусы, совместно с русскими и украинцами, принимали участие в строительстве железной дороги, затем стали первыми ходоками — порученцами белорусских крестьян, инициаторами переселения белорусских семей и целых деревень? Именно таким строителем и ходоком был Сысой Шапаров из Могилёвской губернии, основатель с. Белая Падь. Для сведения: Сысой похоронен в г. Черемхово, за его могилой бережно ухаживают правнучка Ирина Конякина и ее дети, которые помнят о своих белорусских корнях и гордятся ими.

В дальнейшем, в период столыпинских реформ, в 1907–1909 гг., были установлены прямые связи белорусских уездных землеустроительных комиссий с переселенческими пунктами Иркутской губернии. Так, в ГАИО имеются документы о зачислении переселенческих участков Харлатей, Килимский, Старица, Приречный и др. Нижнеудинского уезда за деревнями Сидоровичи, Воловичи, Чистые Лужи, Рудня, Тарасовка, Купреевка и др. Гомельской волости Могилёвской губернии. Причем сохранены целые списки семей (по имени и отчеству главы семьи), изъявивших желание переселиться в Сибирь (8).

Исследователи обращают внимание на прогрессивный характер переселенческого движения и его практических результатов. В Сибири возникли новые села, крупнейшие из них сохранились до сих пор. Упорным трудом переселенцев освоены новые земли, внедрены новые формы землепользования и жизнедеятельности. Произошло не просто переселение, а истинное «водворение» крестьян в экстремальных условиях Сибири.

Переселенцы продолжительное время сохраняли свою самобытную духовную и материальную культуру, несмотря на явную, изначально предусмотренную в циркулярах чиновников политику русификации. При оформлении документов на переселенцев в пунктах отправления изменялись на русский лад фамилии и имена белорусов. Так, исконно белорусская фамилия Коваль превращалась в Ковалева, Жук — в Жукова, Равенок — в Равенкова, имя Михась — в Михаила, Томаш — в Фому и т. п.

Но вытравить дух самобытности, белорусской народной культуры, древний славянский язык белорусов чиновникам было не под силу. Для этого потребовалось столетие. Духовная культура белорусов-сибиряков в течение XX в. ассимилировалась с местными обычаями и традициями русских и других народов. Появился особый тип современного регионального этноса, этнос — сибирский белорус, или, как еще в шутку говорят, — «морозоустойчивый белорус».

Только с 1900 по 1916 г. в Восточную Сибирь (и только в Енисейскую, Иркутскую губернии) переселилось более 600 тыс. человек (9). Из них более 50 % (примерно 300 тыс. чел.) — крестьяне из Могилёвской, Минской, Витебской, Гродненской и других западных губерний. Даже если предположить, что расселение производилось равномерно между губерниями (что недалеко от истины), то в Иркутской губернии водворилось не менее 100 тыс. человек.

В настоящее время в составе населения Иркутской области незначительна прослойка сибирских белорусов: по предпоследней переписи — 25 тыс. человек, а по последней и того меньше — 14 тыс. Несмотря на лишения и невзгоды Гражданской, Отечественной войн, противоестественна и труднообъяснима убыль белорусов на 75–86 тыс. человек. Не нужно забывать о том, что традиционно белорусские семьи переселенцев всегда были многодетными: 4–5 детей в семье — норма. Кроме того, 50–60–80-е гг. прошлого столетия для Иркутской области были годами массового миграционного потока белорусов по различным причинам, и прежде всего на ударные комсомольские стройки Иркутской области. Многие братчане, бывшие строители Братской ГЭС, гордятся своим белорусским происхождением. Много белорусов и в Усть-Илиме, в Шелехове, по железнодорожной линии БАМа.

Численность белорусов в Сибири в этот период, несомненно, возростала. Но при этом более динамично проявляется языковая и культурная ассимиляция. Абсолютное большинство детей, родившихся в белорусских семьях, особенно в смешанных браках, считают себя русскими. В это время не проявлялось общественного интереса к сохранению белорусского языка и национальной самобытной культуры. По переписи 1989 г., только 30 % белорусов назвали родным языком — белорусский.

Как оценить демографические и этнические особенности данного явления?

В их оценке проявляются две противоположные крайности. Одни из исследователей утверждают, что этот процесс имеет объективно прогрессивный характер, проявлением которого является формирование единой этнической общности «советский народ», а позднее «россияне», нечто подобное североамериканскому «янки». Другие во всеуслышание заявляют о насильственной русификации, о нарушении естественных прав на язык и культуру этнических групп.

На мой взгляд, далеки от истины как те, так и другие. Наши межэтнические отношения, по крайней мере в Сибири, которая всегда отличалась своей толерантностью, базируются на взаимном уважении и доброжелательности к языку, культуре, традициям разных этнических групп. Мы, особенно сибирские белорусы, сохраняем уважение и доброжелательность, нам чужды как великодержавные, так и националистические проявления.

В то же время мы проявляем глубокий интерес к сложной, иногда трагической истории белорусов-переселенцев. Если всерьез изучать родословную, то совершенно неожиданно у многих сибиряков прослеживаются белорусские корни. Эти сибирские белорусы не знают белорусской «мовы», оформлялись при рождении как русские, но они сохранили преданность своим предкам — дедам, отцам, матерям, «сваей бацькавщине». Они душой белорусы, они тянутся к белорусской культуре, для них святы белорусские праздники и обычаи, они любят Беларусь, хотя абсолютное большинство из них никогда не были на родине предков.

В истории белорусской диаспоры Сибири (да не только белорусской) явно проявлялись две взаимно исключаящие тенденции.

Первая — объективная ассимиляция белорусов в условиях всеобщей «интернационализации» этнических групп, как при самодержавии, так и в период социализма.

Вторая, начавшаяся с 90-х гг. прошлого века, — проявление национального самовыражения. Организуются общества, товарищества, культурные центры по национальному признаку. Они официально оформлены и зарегистрированы в органах юстиции, выражают культурные, иногда социальные и экономические интересы этноса. Сегодня они представляют значимость как для этнической группы, так и для общественных отношений, зарождающегося гражданского общества.

Не остались в стороне и белорусы Иркутской области. Более 10 лет функционирует региональная общественная организация «Иркутское товарищество белорусской культуры им. Я. Черского». Именно региональная, так как она организует и объединяет отделения товарищества белорусской культуры на территории большинства территориальных образований области. Например, Черемховское городское и районное отделение товарищества белорусской культуры организовано в 2001 г., объединяет более 50 членов общества, является инициатором проведения месячников, недель, фестивалей белорусской культуры, народных белорусских праздников, изучает историю белорусских семей, родиной для которых стала Сибирь. В настоящее время отделение реорганизуется в местную национально-культурную автономию «Белорусы Черемхово».

Прошло сто лет, но сохранилась у сибиряков самобытная народная белорусская культура. Она поддерживается прямыми потомками первых переселенцев-белорусов сел Исаковка, Бабагай, Мариинск Заларин-

ского района, Филиповск — Зиминского, Тургеневка — Баяндаевского, Чэрчэт — Тайшетского, Тарнополь — Балаганского, Андрушино — Куйтунского, Катарбей — Нижнеудинского, Нижний и Верхний Бурбук — Тулунского, Кутугун и Саянское — Черемховского районов. Она пропагандируется через народные праздники и фестивали белорусской культуры, в средствах массовой информации.

Для власти необходимо опираться на общественную организацию, тем более на самоорганизованную и самоуправляемую этническую общность. Их права оговорены законами об общественных организациях и законом о национально-культурной автономии (последняя редакция от 30. 11. 2005 № 146-ФЗ). В этническом плане эти права гарантируют сохранение и развитие национального (родного) языка, национальной культуры, освещение деятельности этнических обществ в средствах массовой информации.

Но возможности деятельности и поддержка этнической группы определяются не только желанием этноса, но и интеллектом, управленческой культурой команды местного органа самоуправления. Поймут — помогут морально и материально, не поймут — холодное безразличие к общественной этнической организации.

Губернским собранием общественности поддержан и профинансирован в 2007 г. общественно значимый проект «Беларуская мова Присаянья». Проект осуществляется Черемховским отделением Иркутского товарищества белорусской культуры. При реализации проекта проведены этнографические экспедиции в отдельные районы области, эмоционально и содержательно проведен фестиваль белорусской культуры городов Черемхово, Свирск и Черемховского района. Обобщен материал об истории переселенцев-белорусов, проведена региональная теоретическая конференция в г. Иркутске и районная в с. Кимильтей Зиминского района по теме «Сибирская железная дорога и водворение переселенцев-белорусов». Исследуются и составляются родословные семей переселенцев-белорусов Черемхово и Черемховского района, передаются в музеи архивные материалы. Средства массовой информации широко освещали ход реализации проекта, налицо положительный общественный резонанс.

Но память об эпохальном событии прошлого века — освоении сибирских просторов героическим трудом крестьян-переселенцев — требует большего. История, патриотизм и героизм русских, белорусских, украинских, татарских и многих других семей, их подвиг начала XX в. во славу Сибири должен быть увековечен.

Пик переселения столетней давности — 1908 г. Только за один этот год в Сибирь переселилось более 700 тыс. лиц различных национальностей. Это величайший исторический факт, но почему-то область, города и районы, учреждения и организации, власть и общественность, ученые и краеведы не вспоминают об этом событии прошлого века, а может, и не знают о нем.

В заключение выражаем благодарность организаторам научно-практической конференции, администрации Заларинского муниципального района за большую плодотворную работу по подготовке и проведению общественно значимых мероприятий, посвященных 100-летию переселенческого движения, 100-летию переселения голендров в Восточную Сибирь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арлов У. Адкуль наш род. Вильня: Наша Будучыня, 2003. С. 86, 92, 105.
2. ЦГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 600. Л. 87–90.
3. ГАИО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3.
4. Федотова Е.Д. Переселение крестьян в Иркутскую губернию во второй половине XIX – начале XX вв. Иркутск, 1981. С. 124.
5. Очерки истории белорусов Сибири. Новосибирск, 2001. С. 17–24.
6. ГАИО. Ф. 25. Оп. 27. Д. 970. Л. 8.
7. Там же. Оп. 2. Д. 970. Л. 26.
8. Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.
9. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск, 1996. С. 54–73.

Нина Степановна ГАЙДУКОВА,
директор Тагнинского этнографического музея,
Заларинский район

ВОЛОСТНОЕ СЕЛО ТАГНА ЗАЛАРИНСКОГО РАЙОНА И ОСВОЕНИЕ ОКО-ТАГНИНСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ПОДРАЙОНА

В 1750 г. в Тагне появились первые поселенцы из европейской части страны, новые хозяева сибирских угодий. Название села Тагна произошло от названия реки, на которой оно расположилось. Точное значение слова не установлено, однако местные старожилы утверждают, что слово переводится с бурятского языка как «яма».

Первыми жителями этих мест являлись буряты. Их юрты стояли за рекой у горы. Упоминаются буряты и в воспоминаниях старожил. Из воспоминаний Андрея Ефимовича Иванова: «Насколько помню рассказы своего деда и прадеда, они считали себя бурятами и коренными жителями этих мест. Называли их почему-то усольцами, и поле у них было свое, называлось оно тоже усольским». В конце XIX в. произошло перераспределение земель Иркутской губернии по уездам и волостям. В 1890 г. на ее карте обозначилась Тагнинская волость. Волостным селом объявлено с. Тагна. Из характеристики архитекторов ЦСН, побывавших в этих местах в экспедиции в 1994 г.: Тагна — крупный центр, административный, торговый, промышленный пункт, возник на базе старого села, образованного в 1750 г. Здесь были: волостное правление, лечебный пункт, кожевенный завод, дуботолка (помещение для кустарного промысла выделки кожи), артель по выпуску конных телег, саней, колес и т. д., две мельницы, мыльный завод, винолавка, чайная на базаре, тюрьма-каталажка, пожарная каланча с колокольней и конным двором, почтовое отделение, два деревянных моста.

В начале XX в. здесь проживало 180 старожил, из переселенческого населения — 3 500 человек (для сравнения: в 1920 г. — 1 369 человек, в 1992 г. — 687 человек. Цифры говорят об огромном притоке людей в Тагну в начале века).

На тот период в состав волости входило шесть старожильческих поселений. Это Тагна, Моисеевка, Хор-Тагна, Толстый Мыс, Уршатый, Буртуй. В состав волости также вошли 23 переселенческих участка. Центр волости — с. Тагна, что в 30 верстах от железной дороги. Самые отдаленные поселения (Русь, Таежный, Толстый Мыс) расположились от Тагны в верстах 45–50. Ко всем участкам проложили грунтовые дороги.

Все участки по трудности освоения были распределены на три группы. Первая группа находилась на севере волости: участки Покровский, Петровский, Николаевский, Рудник, Моисеевка, Тагна, Благодат-

ный, Верхний, Средняя Тагна, Боровой, Зубрежка. Вторая группа — на юго-западе волости: участки Хор-Тагна, Хор-Бутырино, Харагун, Пихтинский, Хохловский, Сачки, Ивановский и Метёлкинский. Участки за селялись наполовину, на Толстом Мысе и в Хор-Тагне новоселы сразу подселялись к старожилам. Третья группа расположилась на юге и волости, и уезда, в самой что ни есть таежной глубинке: участки Чернореченский, Черемшанский, Федоровский, Жидоты, Каменка, Исаковский, Таежный, Русь. Это все трудные к разработке лесные участки, но, несмотря на это, проводились корчевальные работы и люди постепенно заселяли их.

В 1884 г. ясачные инородцы построили в Тагне деревянный Пятницкий молитвенный дом с алтарем. Освятили его 8 июня 1884 г. Церковь заложили в июле 1899 г. на средства местных крестьян братьев Саввы и Павла Сухаревых.

В 1908 г. в Тагне был открыт самостоятельный приход, вобравший в себя сначала восемь, а к 1915 г. 11 населенных пунктов. Архитектура церкви типична для деревянного культового зодчества Восточной Сибири. Колокольня с восьмериком завершалась граненым куполом, напоминающим барочные покрытия деревянных храмов XVIII в. Бревенчатые стены церкви были оставлены без обшивки. Наиболее нарядным был восьмерик колокольни. В настоящее время в этнографическом музее с. Тагна есть макет Тагнинской Пятницкой церкви, сделанный мастером-художником, выпускником нашей школы Владимиром Михайловичем Яковлевым.

Тагнинскую Пятницкую церковь закрыли в 1929 или 1930 г., разобрали, вывезли в соседнее село Моисеевка и там построили гараж. Об этом свидетельствовала старожительница Татьяна Даниловна Сухарева, мать которой была служительницей данной церкви, она же была членом семьи ее основателей.

Приход Тагнинской Пятницкой церкви в 1915 г.:

№ п/п	Состав прихода	Количество дворов	Душ муж. пола	Душ жен. пола
1.	С. Тагна	140	420	451
2.	Участок Моисеевский	66	213	208
3.	Д. Березкино	28	101	98
4.	Уч. Благодатный	39	120	124
5.	Уч. Верхний	45	223	163
6.	Уч. Андреевский	46	128	119
7.	Уч. Графский	35	110	114
8.	Уч. Боровой	26	89	89
9.	Уч. Хохловский	27	102	94
10.	Уч. Ивановский	30	104	95
11.	Уч. Рудничный	70	215	194

Всего:	552	1 825	1 739
В том числе: духовных	3	6	7
дворян	4	5	5
крестьян	545	1 814	1 727
Кроме того: сектантов	11	20	15
Итого:	563	1 845	1 755

В начале XX в. правительство осуществляло активную поддержку переселения в Сибирь. В 1906–1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке были организованы переселенческие управления. Главная и основная задача их состояла в принципиальной реорганизации землепользования и землевладения крестьянства.

Разработка земель на участках Око-Тагнинского переселенческого подрайона была очень тяжела. Переселенческим управлением были предприняты здесь корчевальные работы. Несмотря на трудности разработки, участки третьей группы постепенно заселялись, а более доступные разрабатывались новоселами своими личными силами. Хлебопашество составляло главный промысел населения. Хозяйство новоселы вели, как и старожилы, двупольное (т. е. под хлеба и пар). Сеяли яровую пшеницу, озимую рожь, гречиху, картофель и даже лен. Картофель новоселы садили на больших площадях, так как сбывали его на винокуренный завод, находящийся в с. Троицком Холмогойской волости в 30 верстах от с. Тагна. Очень много было на раскорчеванных полях сорняков, приходилось людям перепахивать земли на два-три раза. Огородничество в Тагнинской волости удавалось хорошо. Сбыт хлеба и овощей производился населением на рынках в с. Тагна и на ст. Тиреть. Кроме этого население занималось охотой в лесах на пушного зверя: лису, песца, белку и др. Добывали в Саянах и продавали много кедрового ореха. Две реки окружали волостное село с трех сторон — Тагна и Ока. Рыболовство у старожительского населения было важным подсобным промыслом, добывались щука, хариус, налим, лещ и др.

Одним из важных видов лесного промысла можно считать производившуюся заготовку шпал для строительства железной дороги. При правильной постановке дела это давало местному населению хороший заработок:

1. Выделка шпал в лесу — 10–12 штук, от 1 р. до 1 р. 50 к. в день.
2. Подвозка шпал к берегу — на 1 рабочего с лошадью от 1 р. 50 к. до 2 р. в день.
3. Сплав — от 2 до 4 р. в день на человека.

Плохо был развит промысел гонки смолы и дегтя. Им преимущественно занимались старожилы, причем смола и деготь выгонялись примитивным способом, в ямах. В 1912 г. Переселенческое управление

для развития смолокурения и улучшения способа устроили в артели «1 мая» показательный смоло-скипидарный завод с очисткой скипидара. Из остальных лесных промыслов следует указать на заготовку дров, бондарное и колесное производство. Местные мастера делали деревянную посуду (кадки, ушаты), телеги, сани и др.

В 1906 г. в Тагне строится больничный комплекс из девяти зданий (на сегодняшний день одно утрачено). Постройки выполнены в едином стиле. В основе здания — прямоугольник. Фасадное убранство очень скромное, основано на контрасте темных рубленых стен и светлых наличников — такова характеристика архитекторов ЦСН. Комплекс был отстроен в пору заселения 3,5 тыс. человек, потом население распределялось по заимкам, переселенческим пунктам и убыло из Тагны.

В советское время комплекс хотели разломать, развезти, но вовремя остановились, не разрушив цельности всего стройного ансамбля.

Кто же были те люди, которые впервые ступили на земли Око-Тагнинского царства? Сегодня уже есть реальная возможность установить национальности первых поселенцев.

В Кареловке — карелы.

На Петровском участке — все украинцы.

На Руднике — смешанный народ.

Разный народ заселил и Тагну. В 1959 г. здесь появились чуваши. У тагнинских чувашей свои обряды, песни, танцы. Так, свадьбу гуляют вначале у родственников невесты, а затем у жениха; в похоронах участвуют только родственники и после похорон сразу моются в бане. Чуваша сохранили свой язык, остались верны некоторым деталям в одежде (Дарья Васильевна Яковлева сделала подарок Тагнинскому этнографическому музею — свое платье, фартук, лапти. Платье и фартук сшиты вручную и вышиты).

При музее с 2001 г. созданы чувашский центр «Хевель» и чувашский ансамбль «Кукушечка», который неоднократно принимал участие в областных фестивалях и награждался дипломами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания старожилов.
2. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX века. М., 2000.

Елена Васильевна МИХАЙЛЕНКО,
*зав. сектором краеведения
Межпоселенческой центральной
библиотеки-музея им. А. Вампилова,
Аларский район*

СТОЛЫПИНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ИСТОРИИ АЛАРСКОГО РАЙОНА

Обстановка в России в начале XX в. была сложной и напряженной. Постоянные забастовки, волнения рабочих, сложная экономическая ситуация свидетельствовали о необходимости срочных мер и ряда реформ. Центральное место во внутренней политике России занимал аграрный вопрос. В его решении большую роль сыграл П.А. Столыпин, ставший инициатором проведения аграрной реформы, названной впоследствии столыпинской.

Правительство стремилось направить энергию крестьян из политической сферы в экономическую, отправить самых беспокойных из них осваивать Сибирь. Учитывалась и необходимость освоения экономически перспективной, но слабозаселенной Сибири, к тому же в центральной России был уже земельный голод.

Переселенческая политика была явлением положительным. Но она не ликвидировала ни перенаселенности, ни земельного голода в деревнях европейской части страны. Несмотря на большие надель, предоставляемые в Сибири, денежное пособие переселенцам, освобождение мужчин от воинской повинности, предоставление транспорта, решились уехать из центральной России лишь 3 млн человек, 500 тыс. из них вскоре вернулись.

Однако сельское хозяйство в начале века добилось огромных успехов, а Сибирь в 1913 г. дала 90 % экспортного масла России, началась конкуренция хозяйств различных типов собственности, что дало толчок для развития аграрного сектора страны.

После окончания революции 1905 г., когда выяснилось, что прирезки земли от помещиков не будет, взоры российских крестьян устремились в Сибирь. За 1906–1916 гг. в Сибирь уехало 3 млн человек. В основном это были крепкие молодые люди. Они принесли много пользы краю. Были распаханы лежавшие впусте земли, появились новые города и деревни. Большинство переселенцев сумело устроиться на новом месте, завести хозяйство более прочное, чем на родине.

Но не всех встречала удача. Трудно приходилось тем, кто получал участок в лесных и заболоченных местностях. Многие переселенцы, затратив силы в борьбе с природой и жизненными обстоятельствами, возвращались в родные места, где у них уже не было ни надель, ни дома. Поток обратных переселенцев возрос в 1910 г.

Столыпин сам совершил поездку в Сибирь. Много увидел, осознал. У него возник грандиозный замысел приватизации сибирских земель. По его инициативе был начат пересмотр законодательства о переселенцах. Столыпин говорил, что «главное богатство и мощь государства не в казне и казенном имуществе, а в богатейшем и крепком населении». Он считал, что «Сибирь — страна сырья и вывоза, развивать промышленность в ней не выгодно. Наша экономическая политика в Сибири должна быть основана на признании той истины, что Сибири еще много лет предстоит быть страной, главным образом, сельскохозяйственной, добывающей и поставляющей на мировой рынок сырье».

Сельское хозяйство Сибири переживало процесс усиления монополизации. Большинство переселенцев осталось в Западной Сибири, но часть их добралась до Иркутской губернии. С 1906 по 1914 г. переселилось более 100 тыс. человек. Переселенцы своим упорным трудом обживали, осваивали новые земли, овладевали ремеслами и промыслами коренного населения, привносили в быт и нравы осваиваемых территорий свою культуру.

В переселенческие годы много семей приехали в Аларский район и остались здесь. Устроились, обжились, дали потомство.

В 1910 г. из Харьковской губернии приехало 10 семей переселенцев на совершенно безлюдное место, где в настоящее время находится с. Иваничesk. Главный интерес переселенцев был в том, что на новом месте они получали по 12 десятин земли на каждого мужчину, освобождение от налогов на время, подъемные, и это все давало государство. Интенсивное заселение и основание сел Иваничesk, Ключи, Отрадное прошло в начале XX в. За XX в. сменилось четыре поколения. Сохранились у правнуков первопоселенцев добрые отзывы их предков о поддержке их местным населением. Жители бурятских улусов помогали одеждой, обувью, продавали юрты, муку, мясо, давали возможность работать с землей, продавали в рассрочку лошадей, коров, овец.

Из воспоминаний старожилов д. Отрадный мы узнали, что деревня приняла два семейства переселенцев — Иосифа Ткаченко и Петра Губко. Первоначальное название колхоза было «Бедняк». В 1930-х гг. он стал называться «Сталино». Первым председателем был Александр Иосифович Ткаченко. После войны колхоз стал состоять из трех бригад и соединился с Киркеем. Бригадиром проработал 30 лет Михаил Иосифович Ткаченко.

Основателями д. Ключи были буряты, которые жили там с 1900 г., а может и раньше. В деревне имелись своя кузница, колодец, жители занимались скотоводством. По одну сторону Ключевского тракта земля принадлежала бурятам, по другую сторону разрешили селиться русским. В 1909 г. в Ключи из Украины приехал Арсентий Гаврилович Червенко.

В 1912 г. приехал из Белоруссии Андрей Антонович Ланкович с се-

мьей. В 1927 г. приехали спецпереселенцы: Егины, Бариновы, Фомичевы, Быстровы. В 1930-х гг. организовали коллективное хозяйство.

Заселение д. Слава, что находилась в 18 км от центральной усадьбы коммуны «Идеал», произошло в 1908 г. Приехали сюда переселенцы из Харьковской области. Земляные наделы были небольшие, всего по несколько десятин. А семьи Безымянных, Корняк, Телегиных прибыли из Воронежской области. Через два года из Курской области приехала семья Василия Толстова, а также братья Реутовы (Илларион, Алексей, Егор, Никита). С большими трудностями обживались переселенцы. Строили дома, надворные постройки, заводили скот. Жили единоличными хозяйствами. Некоторые мужчины на зиму уходили в город на заработки.

Уже к 1930 г. в деревне было 43 дома, а в 1932 г. организовали колхоз «Красная Слава». Он имел около 400 га земли, обобществили скот, землю. Но и в личных хозяйствах оставили по корове, теленку, несколько овец, а также кур, свиней.

Первым председателем был посланец партии Е.С. Матвеев. Строили амбары, конные двory. В колхозе было 12 семей. Остальные жили единолично. Зато через год в колхоз добровольно вступили все жители ближней Красной Куйты. И снова сеяли, пахали. Урожаи были богатые, 25–30 ц зерна с гектара при полном отсутствии механизмов и тракторов. Из пшеницы мололи муку и пекли вкусный хлеб. К тому времени в колхозе был табун лошадей в сто голов. В 1935 г. своими силами построили клуб, школу, магазин, в 1936 г. получили два трактора, конные косилки, жатки. Работать стало легче и интереснее. Звезда былой Славы закатилась в 1970-х гг., когда деревня попала в разряд неперспективных. Закрыли школу, магазин. Семьи стали покидать деревню. Разъехались кто куда. Потомки столыпинских переселенцев сами стали переселенцами. И с теми накрест перехлестнутыми досками на окнах своих изб закрыли люди историю Славы.

Изучая историю д. Бурятск, школьники обращались к старожилам деревни и в архив Аларского района, Государственный архив Иркутской области. В результате мы имеем историю д. Волынск, позже переименованную в Бурятск.

В 1911 г. на разведку и обживание новых земель были отправлены первые ходоки, которые осмотрели местность и признали ее годной для проживания и занятий земледелием. Таким образом была основана д. Ново-Волынск, названная в честь губернии, откуда прибыли переселенцы. Переехавшие в основном были из Улучного уезда Волынской губернии.

Впоследствии деревню стали называть Бурятск, так как вокруг нее были земли, принадлежавшие бурятам и называвшиеся бурятскими. Отсюда пошло название, хотя школа до сих пор называется «Волынская начальная школа».

В 1912 г. было построено две улицы, поставлена мельница, распаханы наделы земли. В первую очередь в новых селах строили церковь, но жители Волынского на сходе решили построить школу, и в 1914 г. Волынская начальная школа начала обучать детей. Школа в Волынске прожила все этапы истории своей большой родины. Первой учительницей этой школы была Прогачевская Софья Андреевна — дочь попа.

В Волынской школе с целью возрождения украинской культуры и приобщения детей к изучению истории народных традиций, культуры и быта создан Украинско-славянский общественно-культурный центр.

Интересна история возникновения поселения Маниловск.

По документам, представленным Государственным архивом Иркутской области, значится: переселенческий участок Маниловский образован в 1910 г. Землеотвод утвержден 25 января 1911 г. Заселение произошло не позднее 1912 г. Сельское общество Маниловское на переселенческом участке Маниловский образовано в октябре 1913 г. Данные были получены по запросу руководителя краеведческого кружка, учителя истории Альбины Васильевны Мироновой. Непосредственно архивные данные найдены сотрудницей областного архива Л.И. Шрайнер (Петровой), бывшей жительницей с. Маниловск.

По решению российского правительства в Иркутской губернии, как и в других сибирских губерниях, работали поземельно-устроительные партии, которые изыскивали земли, пригодные для переселенцев из России.

Участок Маниловский определен Верхоленской поземельно-устроительной партией, и его полное описание было передано на утверждение заведующему переселением в Иркутской губернии. В описании значилось, что участок Маниловский волнистый, лесного характера, почва суглинистая, много готовых пашен, покосов, есть дорога, обеспечен водой — ручей Кулуруй. От уездного города Балаганска находится в 40 верстах, от волостного правления в с. Залари — в 27 верстах, от церкви в с. Кутулик — в 19 верстах, от школы, от почтового отделения, от ближайшего населенного пункта и от врачебного или фельдшерского пункта в с. Кутулик — в 19 верстах.

Участок был готов принять переселенцев, и первые ходоки (4 человека) прибыли летом 1911 г. Место им понравилось. Они остались зимовать. Приютили их в первую зиму в своих жилищах — юртах коренные жители Сибири — буряты. Их селение находилось между современным Маниловском и Шаховским и называлось Кулуруй. Зимой переселенцы готовили строительный лес для будущих семейных домов. Все мужчины были семейными, а приехали они из нынешней Ленинградской области, Капшинского района, Лукинского сельсовета, из деревень Шигало и Вялгозеро.

Приехавшие — Лаврентий Иванов, Захар Александров, Гаврила

Мастеров (были в родстве между собой) и Ефим Федотов. По национальности они все были вепсы.

Весной 1912 г. они съездили в Россию за семьями. Гаврила и Александра Мастеровы привезли шесть сыновей и двух дочерей: Василия, Тита, Артема, Николая, Антона, Семена, Марию, Ирину. До сих пор в селе стоят дома Василия, Николая, Тита и Артема.

Захар и Матрена Александровы привезли 6 детей: Василия, Марфу, Наталью, Петра, Артема, Евдокию.

Лаврентий Иванович и Мария Андреевна Ивановы привезли 7 детей: Евдокию, Марию, Татьяну, Анастасию, Степана, Василия, Николая.

Ефим Федотов приехал с сыновьями Иваном и Ермолаем.

Захар Александров и Ефим Федотов построили один дом на две семьи. Это был первый дом в поселении. Печка топилась «по-черному». Через несколько лет каждая семья отстроила себе отдельные дома.

Вслед за членами этих семей потянулись в Сибирь их родственники и знакомые. Приехали: Щукины, Васильевы — два брата с семьями, Мощинковы, они все вместе с детьми поселились в д. Маниловск. Селились в одном краю, который до сих пор носит название «Чухарский край». Так началась жизнь переселенцев на Аларской земле.

Приехали также семьи Захаровых, Игнатьевых, Степановых. Сорочкины и Ильины — русские, тоже приехали из тех мест, что и вепсы.

Селение пополнялось новыми переселенцами из центральной России — Мордовии, Тамбова, Твери, которые селились в полукилометре от вепсов. За десять лет поселение срослось в одну деревню, которая представляла собой одну длинную улицу, но условно была поделена на три части: при въезде в деревню (со стороны Московского тракта) — Чухарский край, Середина, Байкал.

Сначала жили единолично. Все обзавелись хозяйством, скотом, птицей, лошадьми. Осваивали земли. Работали много: в больших количествах сажали картошку, брюкву, репу. Сеяли пшеницу, ячмень, овес, просо, гречиху, горох. Сеяли также лен, который хорошо рос в Сибири. Женщины умели за ним ухаживать и делать из него пряжу и ткани. У всех в домах были ткацкие станки. Ткали зимними вечерами полотно на мешки, простыни, скатерти, полотенца, пологи, на одежду. Ткали дорожки на пол — половики. Этим ремеслом и сейчас некоторые женщины занимаются. Изделия украшали вышивкой. Нити и ткани отбеливали и окрашивали в разные цвета, в основном красный, синий, зеленый, бордовый и черный.

Пряли овечью шерсть, ткали шерстяные ткани, шили мужские и женские костюмы, кафтаны, платья. Сами выделывали овечьи шкуры и шили из них зимнюю одежду. Из шкур крупного рогатого скота шили обувь.

Во все стороны жизни приносили переселенцы свой колорит, свою культуру.

С 1930 г. начали образовываться колхозы. Не обошли деревню рас-

кулачивание и репрессии. Попали в опалу и столыпинские переселенцы: Мастеровы Тит, Антон, Артем.

В годы Великой Отечественной войны в списках стояли фамилии переселенцев. Все веки истории России пережила д. Маниловск, а вместе с ней и потомки столыпинских переселенцев. Берегли, сохраняли, не давали угаснуть частичке далекой, малой родины, своей самобытности. Сохраняли культуру своего народа, плавно перенимая традиции коренных народов Аларского района.

В историю района крепко вплетена нить вепсов. На Мардае проживают династии вепсов: Гордичевы, Аншуковы, Федоровы. Народ работающий, отличные плотники, столяры, животноводы, хлеборобы и художники. Потомки переселенцев, людей смелых, отважных, людей, сохранивших свою культуру.

Четыре деревни — Мардай, Высотский, Мягчинский, Жизневск — заселились почти одними вепсами. В Иваническе сейчас живут А.С. Ульянов и К.В. Новосельченко. В Мардае 13 домов, здесь остались династии М.И. Крылова, в Высотском — Н.А. Смирнова, Г.И. Аншукова. Близкие их родственники проживают в Карелии, Петрозаводске, Межозерье, Вологде.

В нашем районе проживают представители более 20 национальностей. И все стараются сберечь свои традиции, самобытность, те крупницы культуры, которые еще сохранились в памяти людской, привнеся все лучшее в жизнь района.

Династия Захара Александрова из с. Маниловск насчитывает почти 100 человек, многие имеют высшее и специальное образование, награждены орденами и медалями.

Большая семья Воротиновых из Маниловска прославилась наш Аларский район в 2008 г., победив в отборочном областном конкурсе «Семья в новом веке».

Надежда Ивановна Воротинова отдала в дар музею предметы быта, кухни, старинной утвари, выполненные руками дедов.

Расскажем еще об одном удивительном человеке, художнике, старателе Александре Сергеевиче Ульянове. Родители его в наш район как переселенцы приехали вместе с теми, кто выезжал в Сибирь из центральных губерний Российской империи. Поселились на речке Мардай, стали валить лес, распахивать целину. Обжились. Пустили корни. Жили как все, старались сохранить память о своей национальности, выучить язык сына. Удалось.

Александр Сергеевич пишет картины, очерки, а главное, подвижник он, чуткий учитель для подрастающего поколения, мудрый человек. Ведь это благодаря ему вепсы Аларского района стали часто встречаться, о них узнали в области, округе, в Санкт-Петербурге, Карелии. Сумел Александр Сергеевич проявить волю, терпение, а главное — дал веру людям в то, что доброе дело и мертвый родник оживит. Так и случилось

на Мардае. Поставив поклонный крест у засохших источников, Александр Сергеевич возродил их, теперь там бьют подземные ключи. И что бы ни делал он, все у него получается, все идет как по маслу. Благодаря вере и поддержке своих предков, потому что не позабыл он своих корней.

Можно еще много и долго говорить о том, что значат наши предки в истории Аларского района. Как бы ни складывалась ситуация в нашей стране, какие бы события ни происходили, мы, жители Алари, растим хлеб, воспитываем детей и творчески подходим к делу, сохраняя все лучшее для потомков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Иркутск: Ирк. обл. типография № 1, 2002. 284 с.
2. Ковшаров А. Божии источники: [Об А.С. Ульянове, подвижнике, удивительном человеке из д. Мардай Аларского района] // Аларь. 2006. 13 апр. С. 2.
3. Ковшаров А. Древо жизни: [О вепском празднике в с. Иваничск Аларского района] // Аларь. 2003. 9 дек. С. 6–7, фото.
4. Ковшаров А. Красная Слава: [Об истории деревни Слава Аларского района] // По заветам Ленина. 1990. 7 нояб. С. 3.
5. Миронова А., Богута Н. История возникновения поселения Маниловск. Маниловск, 2002. 9 с.
6. Резь С. Волынской школе — 30 лет // Аларь. 1999. 3 нояб. С. 2.

Людмила Михайловна ПЕТРУСЁВА,
директор
Троицкого краеведческого музея,
Заларинский район

ТРОИЦКИЙ ВИНОКУРЕННЫЙ ЗАВОД — ПЕРВОЕ КРУПНОЕ ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ЗАЛАРИНСКОГО РАЙОНА ПЕРИОДА СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ

В 1882 г. балаганский купец 2-й гильдии Егор Иванович Блаженский на берегу р. Заларинки основывает Троицкий винокуренный завод. В 1907 г. начинается массивное заселение заларинских земель переселенцами, приезжающими по столыпинской реформе. Заселение шло в Холмогойскую, Тыретскую, Тагинскую и другие волости, расположенные на территории будущего Заларинского района. Троицкий винокуренный завод был тем местом, где переселенцы могли зарабатывать дополнительные деньги.

С развитием Троицкого винокуренного завода растет и благосостояние работающих с его товаром. В начале XX в. самыми состоятельными купцами были братья Сухаревы. Так, к примеру, магазин Сухаревых в с. Троицк имел годовой оборот 15 тыс. р. и приносил прибыль 1 тыс. р. Братья Курсановы, активно занимавшиеся предпринимательской деятельностью, также вели продажу мануфактурных и других товаров в Троицке, Холмогое, Заларях. Их прибыль и годовой оборот были в то время значительны для всей заларинской округи.

За короткое время завод стал иметь очень важное значение для экономики близлежащих волостей. Жители сел и деревень были обеспечены работой. Переселенцы и местные старожилы сбывали на переработку для изготовления спирта картофель, также ценным приемочным товаром была пшеница. Многие семьи имели дополнительный заработок от заготовки и сдачи на завод дров, которые шли на отопительные работы.

В среднем в 1910-х гг. винзавод производил спирта на 200 тыс. р. Чистая прибыль составляла 30 тыс. р. Налогов выплачивалось 600–800 р. (это примерно столько, сколько выплачивали все лица, занимавшиеся торговлей).

События 1918 г. изменили ситуацию, и завод простоял 12 лет, хотя и был национализирован государством. Ему требовался большой ремонт. Несмотря на это, в марте 1931 г. завод начинает работу и производит 5 тыс. декалитров спирта в месяц. В 1947 г. во Всесоюзном соревновании спиртовых заводов Троицкий завод занимает первое место по стране, выполнив производительную норму на 162 %.

Самыми тяжелыми для завода были 1985–1987 гг., когда в стране

проводилась безалкогольная реформа. Благодаря генеральному директору Вячеславу Павловичу Пиманову завод сумели сохранить, перефилитровав его на изготовление биокормов и квасного сула. И уже 1 июля 1987 г. с конвейера сходит первая бутылка нашей продукции на экспорт. Впоследствии продукцию АО «Кедр» стали покупать в 13 странах мира. Сибирякам, не понаслышке знающим, что такое отличный товар, слегка завидовали. Водка из троицкого спирта — это продукт высокого качества. Содержание метанола в ней было в десятки раз меньше допустимых норм. АО «Кедр» шел в ногу со временем и даже обгонял его.

Сегодня завод остановлен под предлогом высокой себестоимости спирта и устаревшего оборудования, но, несомненно, это предприятие заслужило право стать памятником истории и архитектуры конца XIX – начала XX в. Хочу внести предложение поставить Троицкий спиртовой завод на учет как памятник истории и архитектуры периода столыпинской реформы и открыть в нем музей истории завода и села.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришко Е. Сто одиннадцать — не возраст // Сельская новь. 1998. 6 авг.
2. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. «Кедр», обгоняющий время. Иркутск, 1998.
3. Малюков А.Д. Летопись Троицкого винокуренного завода: рукопись.
4. Малюков А. Троицк, год 1918-й // Сельская новь. 1967. 2 апр.
5. Отинов В. Звездный путь «Кедра» // Восточно-Сибирская правда. 1999. 3 апр. С. 4–5.

Елена Сергеевна ТИТОВА,
*ученица Солерудниковской гимназии,
Заларинский район*

СУДЬБА РУССКОЙ ДЕРЕВНИ РУДНИК

Можно предположить, что название Рудник произошло от слова «руда» — когда-то здесь разрабатывалась железная руда. На месте старого Рудника обнаружены вмурованные в землю глиняные печи с кусками плавленного железа и древесным углем. Интересно, что местные старожилы ничего не знают о плавке руды ни в начале XX в., ни позже. Они только сообщают о том, что в окрестностях д. Рудник встречается большое количество ям, в которых, возможно, раньше плавили руду, но в настоящее время в этих ямах растут уже большие сосны.

И все же русское название и удаленное от нашего века кустарное производство железа как-то связаны между собой. Связь эта, видимо, в первом освоении этих земель, открытии и обработке небольшого количества железной руды. Предположение: найденные печи и разработка руды могли относиться к железному веку, культуре курыкан.

С приходом русских в конце XVII – начале XVIII в. данные земли попадают в реестр административного деления Иркутской губернии. Западная часть, в том числе и Рудник, вошла в Балаганский округ. Первые переселенцы жили в бурятских кошарах, которые в конце XIX в. еще существовали в местах старого Рудника, около р. Оки.

В 1895–1897 гг. на территории района началось строительство Транссибирской магистрали. Из местных жителей набирали рабочих для ее обслуживания: заготавливать дрова, пилить шпалы, лес для строительства железнодорожных станций, домов железнодорожников и т. д. Так как местных не хватало, то на строительство железной дороги вербовали людей из разных мест России.

Анна Семеновна Федонина вспоминает, что когда ее отец, Семен Шабров, и его братья приехали в Сибирь строить железную дорогу, им здесь понравилось, так как было много леса. После окончания строительства они съездили на родину, в Киевскую губернию, забрали свои семьи и вернулись в Сибирь. Ехали в «телячьих» вагонах очень долго. Когда приехали, их распределил в Рудник начальник Око-Тагнинского переселенческого подрайона Адам Адамович Райнерт, было это приблизительно в 1900 г. Помимо Семена Шаброва в Рудник распределили его братьев Глеба и Ивана с семьями, а также семьи Федониных, Хохловых. В то время жил там один Лука, а до него буряты, которые незадолго до этого ушли. После бурят остались кошары около р. Оки, которые временно заселили переселенцы.

Но основной поток переселенцев пошел с 1905 г., в ходе столыпинской реформы. Еще в 1904 г. Балаганский уезд обследовал

землеустроительно-переселенческий отряд, который определял места для возможного поселения переселенцев. Он-то и пришел к выводу, что именно Балаганский уезд оказался одним из наиболее удобных мест в губернии для их размещения, так как там было много свободных земель. На территории Заларинского района было создано более 70 переселенческих пунктов. Переселенцами были выходцы из Белоруссии, Украины, Карелии и других российских регионов.

Устраиваться на новом месте было очень тяжело. Помощь, предусмотренная правительством, большей частью оседала в карманах чиновников, пользовавшихся неграмотностью основной массы переселенцев. Вместо 60 р. крестьяне получали по 5–10 р. По словам Екатерины Ивановны Синчук, ее дед, Федосий Николаевич Алексеенко, который прибыл в Рудник вместе с семьей из Киевской губернии где-то в 1906–1907 гг., получил денежную помощь от царского правительства, на которую смог купить коня, коров, овец. Жили они сначала в кошарах. Есть было нечего. В первый год посадили ведро очисток, а осенью накопили несколько кулей картофеля, чем и питались.

Землю давали только на парней, независимо от того, сколько им было лет. Количество земли составляло приблизительно 10 десятин на каждого, это около 1,25 га. Пашню разрабатывали сами; корчевали вручную, перекапывали. Сеяли в основном рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо.

На пригорке была выделена земля под дома и огороды, так как местность, где раньше жили буряты, часто затапливало водой. Началось строительство. Первые три дома поставили семьи Хохловых, Шабровых, Федониных — все родственники. Позже ставили дома и другие переселенцы. В основном строили пятистенки, так их называли потому, что посередине дома стояла капитальная пятая стена. Полы и потолки делали из бревен, распиленных вручную наполовину, вдоль дерева. Такие полы были долговечны, «никогда не скрипели». В доме было две печи: русская, на которой спали все дети, и обыкновенная. Дрова заготавливали зимой, прямо в лесу: пилили, кололи и складывали в поленицы. Вывозили зимой на санях. В доме было 5–7 окон, имелась самая необходимая мебель: стол, широкие лавки или табуреты, сундуки, деревянные кровати. Мастерские люди могли сами сделать шкаф. За домом был проход, который вел на большой крытый скотный двор. Ограда была большой, в ней располагался амбар, где хранились зерно, продукты. На скотном дворе находились стойки для скота. Около каждого дома был палисадник, в котором росла черемуха. Ее собирали, высушивали, мололи и использовали при стряпне. У некоторых рудниковцев рядом с домом был сад, там также росла черемуха, сирень, здесь же держали пчел. Так, например, семья Феодосия Николаевича Алексеенко имела в разное время до 30–40 ульев. Мед продавали в Черемхово, на что и жили.

Около дома каждый распахивал себе землю под огород, который

составлял 30–60 соток и больше, например, семья Федониных имела 90 соток. Количество земли во многом зависело от самого хозяина, от того, сколько он мог разработать. Для этой цели почти в каждом доме были плуг и борона, в основном самодельные, хотя встречались и заводские. Выращивали такие овощи, как картофель, брюкву, горох, редьку, капусту, свеклу красную и белую, лук, чеснок, морковь. Среднее годовое потребление на душу составляло приблизительно: ржи — 10 пудов, пшеницы — 5, картофеля — 10. Оставшуюся сельскохозяйственную продукцию сбывали на базаре в с. Залари или оптовым покупателям. Иногда продукты сбывали в Черемхово, Иркутске. За оградой строили баню, в каждом огороде копали колодец.

Деревню заселяли улицами, родственники старались селиться рядышком. Вначале переселенцы из Смоленской губернии строились в одном месте, из Киевской — в другом и т. д. Поэтому и деревня условно делилась на Смоленщину, Хохлатчину, Жидовщину (там жили поселенцы из Пензенской губернии и карелы; почему их так называли, никто не знает) и Романщину (в этом районе жил Роман Шерстнев, возможно, их семья там строилась одной из первых). Позже все перемешались. Мне удалось составить план деревни того времени со слов старожил.

Вся деревня была огорожена поскотиной из жердей, чтобы скот не заходил. Въезд в деревню — через ворота, состоящие из одной створки.

Многие крестьяне держали в хозяйстве 1–2 лошади, 2–4 коровы, 2–3 поросенка, 5–6 овец. Хуже всего жилось батракам. И.А. Крутилев писал о том, что ему приходилось «батрачить за 25 рублей в течение десяти месяцев, с декабря до октября следующего года».

В 1908 г. поселение Рудник официально признали населенным пунктом.

В 1914 г. некоторые мужчины были призваны на Первую мировую войну. Уходившие на фронт прощались с родственниками. И.А. Крутилев вспоминает: «Мать меня благословила крестом, чтобы вражеская пуля миновала. Таков был порядок у православных людей, верующих в Бога. К материнскому благословию я отнесся грубо, сбросил крест и наступил ногой, чем очень обидел мать, оставил у матери печальную мысль, что ее сын безбожник». Кто-то не вернулся, а некоторые вернулись спустя несколько лет. Так, Федосий Николаевич Алексеенко ушел на войну, попал в плен, прошел Австрию, Францию, Германию. В плену пробыл семь лет, питался с помоек, от голода даже руки пухли. Там же выучил немецкий язык, грамотой овладел еще в Киеве (закончил 4 класса). Со своим сватом познакомился, когда оба возвращались домой, в Россию, из плена.

Уже в октябре 1917 г. многие солдаты отказывались ехать на Первую мировую войну, считая, что война им не нужна и что все ждут мира. Председатель Тагнинской земской управы, эсер Лебедев, по-прежнему направлял солдат на фронт, но бесполезно, никто из них так и не вернулся на фронт.

О Гражданской войне воспоминания сохранились только у Анны Семеновны Федониной, которая родилась в 1914 г. Тогда она была очень маленькой, и в памяти осталось только то, что «спали на печи, когда утром просыпались, сначала смотрели на умывальник. Если там стояли ружья, то слазить с печи нельзя. Приходящие солдаты были все в шинелях, но у одних на груди были красные бантики, а у других их не было. Некоторых крестьян убивали. Утром или через день приходили другие, оказывалось, убивать было не надо».

В школьном краеведческом музее хранятся письменные воспоминания И.А. Крутилева о том, как проходила агитация за советскую власть в д. Рудник, в избе сельского старосты Евстигнея Хохлова. Сначала сделал сообщение сам Крутилев о том, что «в России рабочие и крестьяне идут за партией большевиков, которая идет против Германии, и что Ленин — вождь партии большевиков». После взял слово унтер-офицер Николай Нефедов и говорит: «Братцы, вы не верьте Ивану Крутилеву — этому батраку, он получил деньги от Ленина и приехал смущать народ, в России народ идет за партией эсеров, которая ведет народ за войну против Германии, а большевики продадут Россию немцам» и т. д. Потом взял слово Андрей Заикин: «В России все солдаты-фронтовики идут за большевиками против войны, за мир, а если Нефедову нужна война — пускай идет и воюет, Иван Крутилев правильно говорит». Отсюда можно сделать вывод, что к советской власти в деревни относились по-разному.

В 1918 г. в Тагнинской волости были созданы совдепы, в том числе и на Руднике, но просуществовали они недолго. Тыретские и ханжиновские кулаки арестовали в д. Рудник председателя Тыретского совдепа Маркина, избивали до потери сознания, увезли в Тыреть, где и расстреляли. В годы Гражданской войны 17 человек из Рудника в 1919 г. примкнули к подпольной группе большевиков Тагнинской волости, которая вошла в состав партизанского отряда в количестве 32 человек под командованием Андрея Каширина. Только в д. Рудник партизанам оказывали помощь продовольствием Иван Кошкарев с сыновьями, Степан Ефремов и его сыновья, Петр Бахвалов, Ананий Крутилев и т. д. Каратели избивали сочувствующих партизанам, так, в деревне были избиты Иван Степанович Ефремов, П.И. Синчук, Петр Ананьевич Крутилев и др., а Иван Бахвалов и Иван Дергачев зверски замучены, трупы их так и не нашли.

До 1928 г. на Руднике самыми состоятельными семьями были Возненко и Мехович. Их дома сильно выделялись среди других: они были большие и украшенные резьбой. Здесь же, в доме, были и свои частные магазины, в которых за деньги покупали хомуты, уздечки... Из продуктов: чай малиновый кирпичами или плитками, который ели просто так, конфеты из сахара — «петушки на палочке», соль, сахар и др. Торговали сами хозяева. За товаром ездили в Тыреть, где находилась контора транспортно-торгового предприятия А.И. Громовой, проживавшей в Мо-

скве. Ее услугами пользовались почти все оптовые покупатели Заларинской, Тыретской, Тагнинской волостей.

По воспоминаниям жителей д. Рудник, семьи Возненко и Мехович люди уважали, к ним прислушивались. Про Возненко говорили: «Мужик красивый, солидный, хороший хозяин», так как он кроме магазина имел еще большую пашню.

Позже Волчков и Крутилев построили свои личные крахмальные заводы. А потом появился еще один — у Антона Васиченко, на него работали два его брата — Антип и Моисей; среди них Антон был самый грамотный. У Волčkова кроме крахмального завода рядом стояли два его дома и паровая мельница, на мельнице и на заводе работала вся семья.

В Руднике в начале XX в. была построена овчарня, где летом держали овец все жители деревни, а разбирали их только осенью.

Больницы в Руднике не было. Екатерина Ивановна Синчук вспоминает, как ее бабушка Акулина Карповна Алексеенко рожала: «Копали картошку, стало плохо, пошла домой. Дорогой начались схватки, легла за валежник, где и родила девочку, завернула в фартук и понесла домой. По дороге под пнем увидела опят, набрала в платок. Так с ребенком и грибами пришла домой. Уже дома позвали бабку-повитуху, Ульяну Ходус, которая перевязала пупок ребенку». А вот история о том, как лечили ее же прадеда, Никона Алексеенко: «Зимой тесал бревна и заболел. Пришел „лекарь“, выписал один стакан самогонки, заставил налить в бочку горячей воды, сколько можно было терпеть. Посадил туда деда, закрыли крышкой. Дед кричал, так ему было плохо, но его вытащили только тогда, когда остыла вода. Утром он умер». Иногда лечиться ездили в Тагну, там была построена больница для раненых солдат еще в 1905 г., во время Русско-японской войны. После окончания войны больница стала обслуживать жителей четырех волостей: Заларинской, Тагнинской, Тыретской, Холмогойской. Лечебные корпуса этой больницы сохранились до наших дней. Но чаще всего лечение производилось дома народными средствами. В тяжелых случаях заказывали службу в церкви, ставили свечи определенным святым. Для этого ходили в Билигир или в д. Петровку, в Руднике церкви не было. Позже, если были средства, больных возили в Балаганск, Черемхово, т. е. туда, где были больницы.

Когда появилась школа, никто не помнит. Известно, что в начале XX в. началось строительство министерских школ в районе. Возможно, такая и была построена в Руднике. Уже к 1925 г. одноклассная школа была преобразована в четырехклассную, представляла она собой большой класс, окна около 2 м высотой.

В конце 20-х гг. XX в. (приблизительно в 1928 г.) в Руднике одновременно были организованы коммуна и ТОЗ (товарищество по обработке земли). В коммуну вошли в основном бедняки, семей 20: два брата Епишкиных, два брата Ефремовых, Горшковы, Кончатовы и др. Возглавил ее Данил Епишкин. Основную усадьбу сделали в бывшем доме Возненко.

Он, как и Мехович, не принял советскую власть и уехал. Вступившие в коммуны объединили всё: пашню, коней, коров, свиней, овец, орудия труда, «дома остались только дети». Просуществовала коммуна два года и распалась.

В ТОЗ же вступила основная масса крестьян, но жившая лучше, чем бедняки. Председателем ТОЗа выбрали Николая Волкова — человека местного, семейного, около 40 лет, большевика, очень человеческого и с чувством юмора. Проработал он председателем ТОЗа всего два года, и его перевели в Кутулик председателем райпо. На его место был избран Степаненко, также были избраны правление колхоза, председатель ревизионной комиссии (всех их переизбирали каждые два года). В ТОЗ забирали коней, у некоторых коров (у кого их было две и более), пашню, плуги, бороны. В период создания ТОЗа в деревне появились первые вредители, которые перетравили почти всех самых лучших лошадей. Кто это делал, так и не узнали. Некоторые бедняки, чтобы добро не пропадало, сдирали с мертвых лошадей шкуры, а мясо употребляли в пищу.

В 1930 г. на основе ТОЗа был создан колхоз им. Буденного. Первым председателем был избран Степаненко, а позже Степан Еремчук.

С созданием колхоза у Волчкова забрали мельницу и крахмальный завод. На мельнице стал работать Сергей Павлович Зиль, он молол муку, черемуху... Забрали в колхоз крахмальный завод и у братьев Васиченко, а вот завод Крутилева перестал существовать вообще. В бывшей усадьбе Возненко построили конный двор на 100 коней, конюхом там долгое время работал Тарас Михайлович Шевчук. В ограде Меховича сделали овчарню. До войны и в войну овец доили и молоко сдавали государству, чтобы надоить стопку молока, приходилось овечек ловить и держать. Перед войной овчарами работали Володя Алексеенко и Толя Шабров, им было всего по 7 лет. В ограде Меховича была еще построенная ферма.

Работали в колхозе за трудодни. В день можно было заработать 1 и даже 2 трудодня. Например, если выкосил (косой) в день 40 соток — 2 трудодня, за 30 соток — 1,5 трудодня, 2 трудодня давали за вспашку 1,5 га земли. Зарплату выдавали зерном раз в год — осенью, после уборки урожая. Очень редко, если много было трудодней, в середине года могли дать аванс.

В 1934 г. именно в колхозе им. Буденного впервые к жаткам стали приспособлять по два зерноуловителя: один — в середине платформы, один — в конце. Зерноуловители себя оправдывали, так как при уборке 1,5 га ячменя в ящики насыпалось полно зерна, причем в средний больше, чем в хвостовой. Это было заимствовано другими колхозами.

Чуть раньше, в 1932 г., был создан Рудниковский сельский Совет, возглавил его Еремчук, брат Степана Еремчука, председателя колхоза. В Рудниковский сельсовет вошли деревни Билигир, Рудник, Петровка, Кареловка, хутора Рудниковский, Раков, Сеневков, Соколовский, Суха-

чев (по 2 дома). После Еремчука председателем сельсовета был Кузьмирено, в 1934 г. председателем был назначен Белогрудов, который неоднократно сообщал в газету «Социалистическая стройка» отчеты о своих объездах полей колхоза им. Буденного. Несмотря на то что в колхозе числилось три объездчика: Зайченко 60 лет, Ефремов, Мартынов и Степан Хохлов (брат председателя колхоза — временный объездчик), поля не охранялись, и бывали случаи хищения и потравы. Так, был частично выкопан картофель. Однажды, работая в поле, во время отдыха 1-я бригада пустила коней пастись вблизи всходов пшеницы. Лошади перешли на пшеницу и вытоптали большую часть поля. Отсюда напрашивается вывод, что жизнь в колхозе текла со своими плюсами и минусами.

Работали крестьяне много, но полученного хлеба не хватало даже на пропитание. Потому приходилось ездить в Черемхово продавать картофель, лук, чеснок, на Васильевский участок по Балаганскому тракту — продавать личный скот (корова стоила около 15 р.) и покупать хлеб. Но несмотря и на это, хлеб в доме был редкостью. Ели в основном картошку, рыбу, варили суп.

В 1932 г. в Рудник прибыли два первых трактора: СТЗ и ХТЗ (Сталинградский и Харьковский тракторные заводы), работавшие на керосине. Трактористы объехали все улицы. Следом бежали почти все жители: и дети, и старики, и мужики, и бабы. Первыми трактористами были Арсентий и Тимофей Васиченко, Андрей Кривопузко, Иван Васиченко. Бригадир был не местный — Иван Сухарев. Учились этой профессии на Ханжиновской МТС. Работали посменно. Тракторами вспахивали около половины полей. Остальное по старинке — на лошадях. Профессия тракториста была в деревне самой престижной.

В Руднике была кузница, кузнецы Иван Федосеевич Алексеенко и Лопакон делали подковы, ведра, тямки, вилы и многое другое. Столярный цех устраивали летом в школе, в классах. В столярном цехе работали до и после войны Феодосий Никонович Алексеев и Василий Васильевич Лебедев. Они делали грабли, рамы для окон, бочки, деревянные ведра, ложки разных размеров, чашки, выдолбленные тоже из дерева (украинцы их называли «колганки»), бочки под муку («мирки»), ступы с ручками и т. д. Выходных в колхозе не было, кроме праздников: 1 Мая, 7 Ноября, Пасхи.

Новый год впервые отмечали в 1939 г. В школе нарядили елку, устроили праздник. В конце раздавали детям игрушки, которые висели на елке. Екатерина Ивановна Синчук вспоминает, что ей досталось два шарика. После 1939 г. Новый год справляли каждый год, но только в школе.

Все жители помнят, как колхозники построили клуб, в котором проходили различные собрания, концерты, показывали и немое кино. Название одного из фильмов, «Травка», запомнилось всем, а вот про что он, никто не помнит.

До Великой Отечественной войны в Руднике, приблизительно в 1938 г., было репрессировано несколько человек:

1) Агей Ходус, работал учетчиком тракторного отряда;

2) бригадир Николай Нефедов (говорили, что то ли он сам, то ли его брат был унтер-офицером; некоторые утверждали, что он в период колчаковщины выдавал партизан);

3) Владимир Ковальский, колхозник, поляк (отсидел на Камчатке, позже вернулся);

4) Кузьма Сидоров — бедняк, два года проработал председателем колхоза, с этой должности и забрали.

Еще раньше забрали жительницу Рудника Гамонову, она в тюрьме и умерла. Говорили, что в ее амбаре хранилось колхозное зерно, кто-то просверлил дырку и помаленьку брал его оттуда. Виноватой осталась женщина.

За что забирали основную массу людей, оставалось тайной. Жители могли лишь строить догадки, куда, зачем и за что увезли их односельчан.

В мае 1940 г. в Руднике состоялась читательская конференция. На ней избач Рудниковского сельского Совета Леонид Осан в своем выступлении говорил о том, что газета «Социалистическая стройка» недостаточно освещает материалы по антирелигиозной пропаганде, не передает опыт передовых первичных организаций «воинствующих безбожников». Здесь же заведующая Рудниковской начальной школы Бузикова отметила, что газета плохо освещает школьную жизнь и ход работы колхозов. В ответ «Социалистическая стройка» опубликовала несколько статей, касающихся д. Рудник и конкретно колхоза им. Буденного, например о том, что в Руднике незаконные действия совершала продавец М. Кузьмиренко, которая присвоила себе товар: два мужских и одно женское пальто, 1,5 кг сахара (пайщикам же отпускалось по 200 г.) и т. д. Был затянута сев (председателем колхоза им. Буденного в то время был Сидоров). Причины затянувшегося сева:

1) нарушение распорядка дня;

2) нарушение трудовой дисциплины (пьянство);

3) плохая работа тракторов (бригадир А. Кривопузко) — трактора простояли с 27 апреля по 25 мая, так как не было горючего.

Жизнь колхозников по-прежнему была тяжелой. Особенно тяжелой она стала после того, как 17 мая 1940 г. было опубликовано Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об обязательных поставках овощей государству колхозами. Вместо тех овощей, которые не выращивали, должны были сдавать другие, например: за 10 ц капусты — 2,5 ц лука или 7 ц моркови, за 10 ц огурцов — 4 ц лука или 10 ц моркови, за 10 ц свеклы — 2 ц лука или 6 ц моркови, за 10 ц помидоров — 5 ц лука или 12 ц моркови. Если колхозы сдавали овощи исправно, то излишки можно было продавать. Им также разрешалось выдавать колхозникам овощи по трудодням

в порядке аванса в пределах 10 % месячной сдачи государству. Невыполнение каралось законом. Хотя и говорилось о том, что излишки остаются в колхозе, но их оставалось мало или вообще не оставалось, несмотря на то что даже старушки-колхозницы «Мария Сидорова, Матрена Шаброва, Ганна Васиченко, Надежда Иванова, Ирина Латук ежедневно выполняли нормы на 120–126 %».

В деревне по-прежнему действовала школа. В ней работало два учителя, один обучал 1-й и 3-й классы, другой 2-й и 4-й классы, занятия шли в две смены. Учителем тогда работала Надежда Семеновна Серова. Екатерина Ивановна Синчук помнит ее в «платье в белую полосочку». Женщину считали «богатой», так как все девочки посещали школу в старых ситцевых платьях. В 1929 г. в школу пришел работать Михаил Иннокентьевич Мойкин, он жил в Петровке и оттуда каждый день ходил в школу. О нем у бывших учеников тоже остались воспоминания: «Обещал купить цветные карандаши в Тырети, родители собрали деньги, он их взял, но ничего не купил и деньги не вернул. Мы сильно плакали». Позже в Рудник приехал учитель Безгоев вместе с женой. В школу ходили с 7–8 лет по желанию, учились с 1 сентября. Холщовую сумку шили сами из мешка, а вот учебники давали в школе один на двоих. Зато у каждого было по две тетради — в клеточку и в линейку, которые тоже выдавали в школе. В 1-м классе половину четверти писали карандашом, а потом чернилами. Ручку с пером покупали сами, покупали и чернила, которые разводили дома и наливали в бутылочку.

Предметы в школе изучали такие: арифметику и русский, в 4-м или 5-м классе добавлялась история. Екатерина Ивановна до сих пор помнит, как бережно относилась к книгам. Однажды у нее младшие братья разрисовали учебник, так ей сильно за это попало и от учителя, и дома от бабушки.

В 5–7-й классы ходили учиться в Тагну за 12 км. Жили на квартирах, домой ходили только на выходные.

До войны и в годы войны в деревне жили Передряевы, Федонины, Коденко, Соколовы, Алексеенко, Морозовы, Шабровы, Зиль и др. В среднем в семье было по 10–14 человек, хотя в некоторых семьях было и по два, и по пять человек. Из воспоминаний Е.И. Синчук: «Мы вместе с учениками пололи пшеницу в поле, за 6 км от Рудника. Помню, когда возвращались домой, то с горы увидели, что на конном дворе много народу, все плакали. Когда туда прибежали, то узнали, что война началась».

Итак, 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Со слов Александра Ивановича Шаброва, в первые дни на фронт забрали шесть человек. Из них вернулся только один. Чуть позже призвали всех трактористов: Петра Васиченко, Аверьяна Манзуло, Андрея Кривопузко... Мне так и не удалось точно узнать, сколько всего человек из Рудника было призвано на фронт и сколько их не вернулось. Этих данных не сохранилось даже в военном комиссариате Заларинского района. Удалось

установить всего 23 человека без вести пропавших или тех, на кого в годы войны пришли похоронки, и то, все они призывались из Рудниковского сельского Совета, а не из Рудника. В книге «Память» фамилии погибших не все, это обнаружили сами рудниковцы. Правда, Иван Григорьевич Плахотников, возглавлявший ранее Совет ветеранов при Ханжиновском сельсовете, куда позже был передан Рудник, утверждает, что на фронт ушло около 40 человек, а 22 не вернулось.

Председателем колхоза им. Буденного в годы войны был Максим Брил. Работать приходилось тяжело. В колхозе осталось три колесных трактора и один трактор Т-2Г. Тяжелее всего приходилось на Т-2Г, который работал не на керосине, а на чурочках. Чурочки длиной около 10 см и шириной 5 см сушили в сушильном цехе (раньше там был крахмальный завод), засыпали их в большой бункер, который находился сзади трактора. Через маленькое окно (клапан) чурочки поджигали. И когда они начинали дымиться, клапан закрывали. В это время трактор работал на бензине. Но по мере того как чурочки разгорались, специальным рычагом бензин закрывали и трактор постепенно переводили на газ, который очищался, проходя через кольца Рашша.

В радиаторы тракторов постоянно нужно было добавлять воду. Старикам приходилось на лошадях привозить по 20 бочек воды на поле каждый день. Запчастей не хватало. На тракторах работали женщины: Вера Сухачева, Дуся Передеряева, Мария Елизарова и др. На единственном комбайне трудилась Паша Шаброва.

Прасковья Григорьевна Шаброва успела окончить только 6 классов. 12 девушек, в числе которых была Паша, отправили учиться в Залари на механизаторов. Им тогда было по 16 лет. Учились только месяц и сразу сели за штурвал. В первый год Паша убрала 200 га, потом стала убирать гораздо больше. Неделями девушки не были дома, жили в поле. Домой приходили только переодеться. Знаний было мало, и Паше с другими девушками пришлось заканчивать 6-месячные курсы. Окончив их, они получили права комбайнеров-механизаторов. Вначале работали на колесных тракторах, они часто ломались, а запасных частей не было. Если нужна была какая-нибудь деталь, шли за 18 км и несли ее на себе. А если взять двигатель, ведь он весит не менее центнера, добирались до Заларинского завода, где могли починить. Завод был не очень мощным, в мастерских его осталось всего 15–20 человек, в основном сварщики, мастера. Если требовалось, сутками, неделями не уходили с предприятия. И откуда только силы у всех брались. Видимо, от сознания необходимости своей работы, от сознания того, что своим трудом вносишь вклад в дело победы. Комбайны в то время были «северные», они были маленькие и приводились в движение с помощью трактора.

Потом появились комбайны «Коммунар», вспоминает Прасковья Григорьевна. Зерно от комбайнов отвозили на лошадях. Не успевали убрать все вовремя, и были случаи, когда хлеб заваливало снегом. При-

ходилось снег разгрести и убирать зерно. Зерно было мокрое, его сушили по домам и затем сдавали государству. Честно и добросовестно трудилась Прасковья Григорьевна Шаброва. За хорошую работу она трижды получала денежную премию, премировалась валенками. О ней писали в газете «Восточно-Сибирская правда» как о лучшем механизаторе. Ходить не в чем было, порой работали и босиком. Однажды уснули ночью в поле, а проснулись, вспоминает Аграфена Сидоровна, «снег, а на ногах ничего нет. Ладно, бригадир принес старенькие сапоги и одеяла».

Но больше приходилось работать вручную. Жали хлеб, в основном рожь, серпами и сразу вязали снопы. В день каждая колхозница убирала около 15–20 соток, выходных не было, возвращались с поля под покровом ночи. Однажды женщины возвращались с полевых работ «рано», еще солнце не село. В это время председатель колхоза вместе с уполномоченным из района объезжали поля. Увидев женщин, они стали ругаться. Одна из женщин сказала: «Раньше на пана работали, да хоть кормили». За эти слова колхозницу долгое время по всем инстанциям водили. Говорили, что если бы дочь не работала в районном центре, то посадили бы.

После тяжелого трудового дня женщины собирались у кого-нибудь в доме. При каменке вязали носки, рукавицы. Собирали по домам валенки, полушубки, табак. И все это отправляли на фронт.

Одевались в этот период плохонько. В основном донашивали старые вещи. Из льна шили чулки (сначала лен сушили, трепали, ткали) и кое-какую одежду. Кроме того, носили длинные ватные пиджаки до колен, жакетки, ватные брюки, мужские шапки или вязанные из овечьей шерсти платки.

На ногах носили чирки, которые шили из кожи быка. К чиркам пришивали голяшки и называли такую обувь «ичиги», носили их мужчины. Очень редко можно было встретить валенки. Их катали в своих банях Василий Васильевич Лебедев и Василий Морозов. В основном все валенки в то время отправлялись на фронт. Екатерина Ивановна Синчук вспоминает, как однажды бабка Акулина Карпова заставила их, маленьких ребяташек, толочь в ступе табак. Делали это на улице, в мороз, плакали от боли в руках. Но когда бабушка приехала из Иркутска, где продала целый мешок табака и привезла сапоги и трикотажные брюки, все были рады. «Мы были самыми модными девками в деревне».

Продуктов в войну постоянно не хватало. Если какую скотину и имели в доме, то нужно было платить налог государству:

- с каждой коровы — 240 л молока в месяц;
- с курицы — 20 яиц в месяц;
- 40 кг мяса в год;
- шкуры с поросят сдирали и отдавали целиком.

Екатерина Ивановна Синчук до сих пор помнит, как маленькие сестренки и братишки постоянно плакали, хотели есть, «а я их била, чтобы они замолчали». Александр Иванович Шабров не может забыть, как од-

нажды с матерью на колхозном поле насобирали горсточку колосков, а когда возвращались домой, их заметил председатель колхоза, отобрал все и растоптал конем на их глазах.

Питались кто как мог. Самыми изысканными блюдами того времени были:

1. Картопляники — перекручивали картошку, добавляли немного муки, делали лепешки и пекли на печке. Сверху обливали чесноком, разведенным в воде.

2. Деруны — картошку натерли на терке, добавляли немного муки. Сковороду смазывали воском и обжаривали. Очень редко лепешки обмакивали в мед, бруснику.

3. Пирог — тесто делали из картошки, начинка — из грибов или тертой свеклы вместе с морковью.

4. Брюква, запеченная в золе.

5. Брюква вместе с тертой морковью, паренная в чугушке.

Из воспоминаний Е.И. Синчук: «Однажды бабушка из Иркутска привезла сахару, всем выдала по одной чайной ложке. А вот с растительным маслом вышел казус. Овощи обжарили в масле и заправили ими суп. Когда поели, почти у всех открылся понос. Позже узнали, что это было не растительное масло, а касторка».

Очень часто, чтобы не умереть с голоду, собирали на колхозном поле мерзлый картофель. Понемногу садили лук, чеснок, морковь, свеклу на своих участках.

Так жили раньше в д. Рудник.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алфавитная книга учета пропавших без вести в период Великой Отечественной войны. Залари, военный комиссариат Заларинского района.

2. Воспоминания бывших жителей д. Рудник: В.И. Васильченко, Т.И. Васильченко, Е.И. Синчук, С.И. Синчук, И.Я. Кикина, И.Г. Плахотникова, Н. Родненко, А.С. Федониной, Н.М. Федонина, А.И. Шаброва, Г.П. Шабровой.

3. Материалы Заларинского районного краеведческого музея.

4. Атлас Иркутской области. М.; Иркутск, 1962.

5. География России: Атлас. 8–9 класс. М., 2006.

6. Иркутская область: Исторический атлас. М., 2000.

7. Макогон Г.Н. «Что в имени тебе моем?» // Земля Иркутская. 1997.

№ 7.

8. Наумов И.В. История Сибири: курс лекций. Иркутск, 2003.

9. Социалистическая стройка (Залари). Подшивки 1934, 1940, 1944, 1945 гг.

РЕШЕНИЯ
научно-практической конференции
«История, этнография, архитектура переселенческих сел
периода столыпинской реформы»

В итоге работы конференции по результатам заслушивания научных докладов и их обсуждения участники конференции приняли следующие решения:

1. Отмечая научную и практическую актуальность проблематики конференции, рекомендовать ее проведение и в дальнейшем.

2. Принимая во внимание новизну и научную значимость представленных на конференции докладов, опубликовать сборник материалов конференции.

3. Учитывая недостаточную профессиональную подготовку работников районных и поселковых краеведческих музеев, усилить проведение методической работы с ними силами областных научно-методических центров.

4. В целях пропаганды историко-культурного наследия содействовать введению в туристический оборот памятников, расположенных на территории Заларинского района.

3 июля 2008 г.

пос. Залари Иркутской обл.

СОДЕРЖАНИЕ

Петрушин Ю.А. Участок Кундуй как типичный объект переселенческой политики в Сибирь (конец XIX – начало XX в.)	3
Бобкова Г.И. Татары в освоении новых сибирских земель	16
Бютов Э. 100-летие Пихтинска в Восточной Сибири и реформы Столыпина	28
Могилевский К.И. Фонд изучения наследия П.А. Столыпина	57
Кара-оол Р.К. Колонизационная политика на юге Иркутского генерал-губернаторства: условия переселения, формирование поселенческой структуры и землепользование русских крестьян в Урянхайском крае в начале XX века	67
Россова А.В. Манзурская волость в переселенческой политике царского правительства в XIX веке	76
Шободоев Е.Б. Организация переселения и землеустройства в Иркутской губернии	85
Сакович А.В. Дорожное строительство в Иркутском переселенческом районе (на примере Око-Тагнинского переселенческого подрайона)	101
Крючкова Т.А. Материал к истории переселенческого прихода в селе Петрово Заларинского района	108
Макогон Г.Н. Заселение Заларинского района в годы столыпинской аграрной реформы	118
Ракито В.С. Взгляд в прошлое. История водворения белорусских семей в Восточной Сибири	127
Гайдукова Н.С. Волостное село Тагна Заларинского района и освоение Око-Тагнинского переселенческого подрайона	137
Михайленко Е.В. Столыпинские переселенцы в истории Аларского района	141
Петрусёва Л.М. Троицкий винокуренный завод — первое крупное промышленное предприятие Заларинского района периода столыпинской реформы	148
Титова Е.С. Судьба русской деревни Рудник	150
Решения научно-практической конференции «История, этнография, архитектура переселенческих сел периода столыпинской реформы»	162

**ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХИТЕКТУРА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ СЕЛ
ПЕРИОДА СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ**

Материалы научно-практической конференции

3 июля 2008 г.,

пос. Залари Иркутской области

Научное издание

Ответственный редактор: Ю.П. Лыхин

Редактор и корректор: Г.Д. Лопатовская

Оригинал-макет: С.Г. Червякова

Подписано в печать 05.10.11. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,25. Уч.-изд. л. 9,11.

Тираж 300 экз. Заказ № 7028. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»,
г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2,
тел. 540–940.